

ВОЙНА И МЫ

ВЛАДИМИР ПЕРШАНИН

За нашу
Советскую Родину!

СТАЛИНГРАДСКАЯ
СТРАДА

«НИ ШАГУ НАЗАД!»

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Сканировал и создал книгу - vtaкhankov

Владимир Першанин

СТАЛИНГРАДСКАЯ СТРАДА

МОСКВА
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2010

Оформление серии *П. Волкова*

Першанин В.

- П 26 Сталинградская страда. «Ни шагу назад!» / Владимир Першанин. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 256 с. — (Война и мы).

ISBN 978-5-699-45743-4

Начиная с героической обороны Севастополя 1854–1855 гг., самые затяжные и кровопролитные сражения в народе называют **страдой** (от слова «страдание»). В новой книге от автора бестселлеров «Смертное поле» и «Штрафники, разведчики, пехота» **СТАЛИНГРАДСКАЯ СТРАДА** предстает во всем ее ужасе и величии. Это — неподцензурная «окопная правда» фронтовиков, прошедших через кровавый ад переломного сражения Великой Отечественной, — от дальних подступов к Сталинграду до Волжского откоса. Танкисты, много раз горевшие в подбитых «тридцатьчетверках», и бронбойщики, ценой собственной жизни выбивавшие немецкие танки, пехотинцы, десантники, саперы, медсестры – они до конца выполнили солдатский долг и беспощадные приказы **«НИ ШАГУ НАЗАД!»** и **«За Волгой для нас земли нет!»**.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-45743-4

© Першанин В.Н., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ОТ АВТОРА

Я живу в Волгограде с 1957 года, приехал сюда еще мальчишкой, когда отца-офицера перевели к очередному месту службы.

Это далеко не первая моя книга о Великой Отечественной войне. Но составить сборник о защитниках Сталинграда оказалось нелегким делом. Слишком жестокие бои шли здесь, и после Сталинграда война длилась еще два года. С помощью заместителя председателя Совета ветеранов войны Красноармейского района Волгограда Тамары Петровны Васильевой я встретился с участниками боев за Сталинград, которых сумели разыскать. Очень мало их осталось.

Большое спасибо полковнику в отставке Турову Владимиру Семеновичу, который возглавляет городскую общественную организацию «Клуб защитников Сталинграда». Туров В.С. прошел Отечественную войну с 1941 по 1945 год.

Так родилась эта документальная книга о пехотинцах, танкистах, саперах, медсестрах, воевавших под Сталинградом. Низкий им всем поклон.

КОМАНДИР ТАНКОВОГО ВЗВОДА

Я видел снаряд, который поджег наш танк. Раскаленная болванка пробила башню, кувыркнулась перед глазами и, отрикошетив от брони, свалилась на поддон. Задымилась и вспыхнула солярка. Я тщетно бился о верхний, заклинивший от удара люк...

Журавлев А. Ф.

Журавлев Александр Федорович, несмотря на преклонные годы, не потерял былой живости и чувства юмора, хотя говорили мы с ним о вещах серьезных, трагических. Он, один из немногих танкистов, встретивших немцев в июле сорок второго на подступах к Сталинграду. Там, где бригады и роты дрались до последней машины.

Вот его рассказ о тех днях и жизненном пути.

Я родился 9 декабря 1918 года в городе Харбин, в Китае. Мой отец, Федор Николаевич, работал на знаменитой КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге), которая после революции отошла к Китаю.

Так наша семья оказалась на чужой стороне. В 1927 году отец добился выдачи визы на возвращение

в Россию. Если бы знал, что нас там ждет, наверное, ни за что из Китая не уехали.

Детей в семье было двое, старший сын Женя 1916 года и я. Приехали мы в город Горький (ныне Нижний Новгород), где проживала родня. Отец устроился на железную дорогу помощником машиниста. Жизнь понемногу налаживалась, получили вскоре комнату в коммунальной квартире. Женя после школы устроился на станкостроительный завод. Я, закончив десятилетку, поступил в 1934 году в Горьковский институт инженеров водного транспорта. Но в октябре 1937 года все неожиданно перевернулось. Начались политические процессы над врагами народа. Копнули Дальний Восток. Расстреляли Блюхера, Уборевича, Якира и еще кого-то из дальневосточных военачальников. Под эту железную метлу попал и мой отец.

Представить не могу, к каким шпионским делам мог иметь отношение простой помощник машиниста. Отца арестовали и дали 10 лет без права переписки. Расстрел! В чем его обвиняли, не знаем. Наверное, в связи с японской разведкой или дружбе с опальными генералами. Забегая вперед, скажу, в 1957 году получили мы четвертушку бумаги, с подписями и печатями.

Ничего не объясняя, без малейшей доли вины (бумаги не хватило!), нам сообщили, что приговор 1937 года отменен, а гражданин Журавлев Федор Николаевич посмертно реабилитирован. Ну, спасибо властям и за это! А за что отец погиб и что мы все пережили — никого не интересовало.

После ареста отца нас в один день выкинули из квартиры. Теперь мы считались членами семьи врага народа (ЧСВН). Помню, погрузили на санки сундучок с барахлом и посудой, кое-что в руках несли. Куда деваться? Кто-то из знакомых, работавших на кладбище,

предоставил нам сарай. Земляной пол, холодина, лопаты, веревки — хоть сам вешайся. Прожили в кладбищенском сарае четыре дня, потом пришли немного в себя, стали устраиваться. Мы с братом какое-то время в общежитиях ночевали, стараясь коменданту на глаза не попасться, а маму приютила родственница.

В институте ко мне отношение резко изменилось. Даже дружок мой, Гоша Антипов, стал сторониться: «Слушай, иди от меня!» Боялся, что обвинят в дружбе с ЧСВН. Хотя учился я неплохо, но экзамены на зимней сессии по два раза сдавал, чего со мной раньше не случалось.

Преподаватель Шапиро поставил мне «отлично» на экзамене по технологии металла. Его потом задержали: «Сыну врага народа помогаешь! Хочешь, чтобы он стипендию от государства получал? Пусть работает». Я и так работал. Разгружал дрова на баржах. Кто с этим делом знаком, знает, как из трюма тяжеленные, мокрые (или обледеневшие) бревна по трапу на берег таскать. Работал вечером и ночью. Когда домой шел, ноги подгибались. А куда деваться? Есть-то надо и за квартиру платить.

Спустя какое-то время я из института ушел. Угнетала обстановка и больно задевало отношение прежних товарищей. Ближе к сороковому году восстановился. Тогда эта свистопляска с врагами народа поутихла, и меня снова приняли в институт.

Война для многих стала неожиданностью. Открытых разговоров не велось, но немало людей в институтской среде внимательно следили за обстановкой на западных границах. Они скептически воспринимали договор о ненападении. Гитлер оккупировал почти всю Европу.

Около двух лет, хотя об этом мало писали, Великобритания вела с нацистами войну.

Огромная немецкая армия, сосредоточенная у границ СССР, не могла ввести думающих людей в заблуждение. Но все делали вид, что ничего особенного не происходит. Считаю, что обстановка ненужной скрытности, вынужденное молчание военных специалистов сыграли в 1941 году свою роковую роль. Беженцы из Западной Украины, Белоруссии прямо говорили: «Чего вы ждете? Гитлер вот-вот развяжет с вами войну».

Поэтому речь Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз для меня не была такой уж неожиданностью. Я хотел и готов был воевать, чтобы оправдать честное имя отца и доказать, что не хуже других буду защищать Родину.

В июле 1941 года весь наш четвертый курс подал заявление с просьбой направить добровольцами на фронт. Я попал в группу, которую зачислили на Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. К командному составу я не относился, но в институте занимался на военной кафедре и кое-какие первичные познания имел. Наверху решили, что как будущие инженеры мы успешно овладеем бронетехникой и станем командирами танковых взводов, которых на фронте не хватало.

Красивый город — Ленинград. Город-памятник. И учебная база на курсах была солидная. Я гордился, что учусь здесь. Но положение на фронтах быстро менялось не в нашу пользу. В начале сентября немцы овладели подступами к городу, нависла опасность блокады. Наши курсы были срочно эвакуированы на Урал, в Магнитогорск.

Здесь я учился до апреля 1942 года. За неполные 7 месяцев неплохо постиг теорию. Преподаватели

были сильные. Мы изучили танки Т-26, БТ-7, «тридцатьчетверки», бронемшины. В начале сорок второго года пришли английские танки «Матильда» и «Валентайн».

На импортных машинах я не воевал. Но и отзываться о них пренебрежительно не буду, как это считалось модно во многих книгах. У английских танков была сильная броня, гидравлический поворот башни, неплохие прицелы. Скорость уступала нашим машинам и составляла километров тридцать в час. «Тридцатьчетверка» их, конечно, превосходила.

Курс нашей учебы состоял в основном из теоретических занятий. Вождение машин было ограничено, а боевые стрельбы из орудий не проводились ни разу. Нам объясняли так: «Снарядов нет. Все идет на фронт». Правда, технику прицеливания, заряжания в нас вдолбили неплохо.

В окрестностях Магнитогорска с нами проводили тактические занятия на горах Медная и Благодать. Учились «пешим по-танковому», то есть бегущий экипаж считался вроде как наступающим танком. Много ли было толку от такой беготни, судить не берусь. Но требования командиров выполняли добросовестно, делая «маневры», нанося удары в лоб и с флангов. С азартом учились.

Может, кому покажется смешно, но имелась у нас скамейка-тренажер. Садись на нее верхом, позади — коробка передач. И вот мы до автоматизма изучали переключение скоростей, повороты, ускорение хода, резкие остановки. Считаю, что это в какой-то степени компенсировало практическое вождение. Позже, на боевых машинах, мы довольно быстро освоили вождение. Хотя командиры танков и взводов редко садятся за рычаги. Для этого есть механики-водители.

В конце апреля я окончил курсы и в звании «младшего лейтенанта» выехал с группой командиров в город Горький получать танки. Там мы застряли. «Тридцатьчетверки», предназначенные для нас, были собраны, но не хватало 76-миллиметровых орудий и прицелов.

В Горьком эти орудия не выпускали, зато изготавливались 45-миллиметровые противотанковые пушки. За план спрашивали из Москвы строго, и на некоторые «тридцатьчетверки» поставили пушки калибра 45 миллиметров. Конечно, менее мощные, чем положенные трехдюймовки. Кроме того, к ним не было прицелов. Многие ребята от таких танков отказывались, хотя нас убеждали, что пушки хорошие, а прицелы мы получим «на месте». На каком месте — неясно. Шел июнь сорок второго, на фронтах творилось черт знает что.

Во второй половине мая закончилась трагическая для Красной Армии попытка наступления на Харьков. Маршал Тимошенко и Хрущев переоценили свои силы, наделали ошибок, и мы потеряли в окружении 200 тысяч солдат и командиров. А может, и больше. Кто их там считал, погибших в степи и попавших в плен.

Немцы наступали. Отсиживаться и ждать прицелы или танки с 76-миллиметровыми пушками было некогда. Кроме того, на мне висело клеймо члена семьи врага народа. Удивляюсь, как на Ленинградские курсы попал! Посижу подольше — обвинят в трусости. В общем, получили мы 15 танков, часть с «сорокапятками», часть — с положенными по штату трехдюймовками.

Эти дни в Горьком позволили провести мне какое-то время дома, с братом и мамой. Редкое везение, что танки получал в своем родном городе и повидал семью. Когда провожали до эшелона, брат Женя отозвал меня в сторону и прошептал на ухо:

— Шура, только не попадай в плен. Маму и меня тогда точно угробят. Сам знаешь, как к нам относятся. Члены семьи врага народа.

Позже, на фронте, я носил в брючном кармане-пистончике один патрон для нагана. В плен сдаваться был не намерен.

Погрузились в эшелон. Обнялись и поцеловались на прощанье с мамой. Слезы, причитания. Сколько уже похоронок на друзей и соседей пришло! Береги себя, Шура! Конечно, мама! Через полчаса остался позади Горький. Ехали на юго-восток.

Чтобы понять, какая обстановка складывалась на подступах к Дону (а значит, к Сталинграду), нам приказали снять с танков брезенты, и гнали мы до станции Морозовская Ростовской области открыто, на платформах. Как нам объяснили, этот рискованный шаг предприняли, чтобы показать: на помощь нашим войскам перебрасываются танки.

И еще такой эпизод. По дороге в Морозовскую я ночью дежурил по эшелону, обходил платформы и вагоны. Танков как было 15, так и осталось, зато везли много лошадей. В танковой бригаде по штату должно быть минимум с полсотни танков, а здесь — сплошные лошади. Какой-то офицер мне объяснил, что нет времени ждать получения дополнительных танков. Вместо них выделяют противотанковые орудия. А пока вот дали лошадей.

Возле станции Морозовская формировалась 40-я танковая бригада, куда я был зачислен командиром танкового взвода. Танковая бригада — подразделение серьезное. Кроме трех танковых батальонов имела артиллерию, минометы, пехотный батальон, даже зенитное прикрытие. Какие подразделения были в нашей бригаде — не знаю, потому, что все 15 танков сразу

разделили на взводы и группы и направили на передовую.

Хоть батальоном, хоть ротой эти 15 машин назови, а надо преграждать немцам путь к Сталинграду. Действовали мы на левом берегу Дона, между городком Суровикино и станцией Клетской, где снимался известный фильм Бондарчука «Они сражались за Родину».

Пятнадцатого-шестнадцатого июля недалеко от хутора Добринка мой взвод попал под бомбежку. Немецких самолетов было три или четыре. Сбросили несколько тяжелых стокилограммовок и сколько-то бомб помельче. Тяжелые фугасы подняли вверх огромные столбы земли. Мы почувствовали, как вздрагивает земля. Потом на месте взрывов долго клубилось облако пыли и дыма. Мелкие бомбы взрывались то ближе, то дальше, но прямых попаданий не было.

Боялся ли я? Конечно. К бомбежкам, по-моему, вообще невозможно привыкнуть. Двигаешься мимо пятиметровой воронки, земля в степи прокаленная, твердая, как камень, а фугас такую яму вырыл! От танка одни бы железяки остались, а про нас и говорить нечего.

Семнадцатого июля образовался Сталинградский фронт, и в этот же день мы приняли свой первый бой. Получилось неожиданно. Двигались по низине и вдруг увидели три немецких бронетранспортера. Длинный капот, десантный отсек, колеса и позади гусеницы. Мы ударили броневойными снарядами, попали или нет, непонятно, а бронетранспортеры, стреляя из пулеметов, попытались круто развернуться. Вступить с нами в бой означало для них верную смерть.

— Гони! — крикнул я механику-водителю Мельникову.

Налетели разом. У «тридцатьчетверки» масса под тридцать тонн, а у бронетранспортеров всего шесть или восемь. Удар, под гусеницами заскрежетало железо. Тонкий десантный кузов и капот сразу подмялись. «Тридцатьчетверка», разрывая гусеницами и плюща немецкую машину вместе с экипажем, перевалила через обломки и крутанулась, вмяная их в землю.

Не знаю, кричал кто или сразу накрылись экипажи. Я высунулся из люка, остановились два других танка. Подошли к размолотым бронетранспортерам. Большинство из нас первый раз врага убивали. У меня в экипаже, кроме пушки и пулемета, ни у кого не было пистолетов или наганов.

Глядели мы на сплющенные железом лохмотья, кровь. Может, и трофеи какие достались бы. Пистолеты или автоматы. Но никто не полез шарить, что-то искать. Не так легко убивать людей, пусть даже фашистов! Я приказал заводить машины и двигаться дальше.

Немцы в тот день не попадались. К вечеру вернулись в Добринку. Весь следующий день ремонтировали, приводили в порядок танки. Ударили мы по немецким бронетранспортерам крепко, были частично повреждены гусеницы, ослабили крепления. К сожалению, я почти не запомнил фамилий ребят из взвода, даже командиров машин. Не так и долго участвовал в боях.

Экипаж моего танка был, как говорится, интернациональным. Механик-водитель Мельников — украинец. Было ему лет двадцать пять, машину он водил хорошо, разбирался в технике. Заряжающий, или башнер — азербайджанец, стрелок-радист — кавказец, мингрел. Экипаж сработался быстро, ребята веселые, и вспоминаю их добрым словом.

В Добринке уже находились кое-какие части. Пришли еще несколько танков и хозяйственники из нашей бригады. Старшина накормил нас кашей с мясом, хлебом, селедкой, хотя мы не голодали. Скот эвакуировали, и директор совхоза «Первомайский» еще с вечера подарил нам бычка.

Вообще, казаки в местных хуторах встречали хорошо. В то же время упрекали, особенно старики, как мы допустили немцев так глубоко в Россию. Что мы могли ответить? Да они и не ждали ответа, все сами понимали. Видели наши танки с вмятинами от осколков, погнутыми подкрылками. Значит, воевали мужики.

Продолжали налетать «Мессершмитты» и «Юнкерсы». Небольшими группами, по 2 — 3 самолета. Сбрасывали несколько бомб, обстреливали нас из пушек и пулеметов. Появились раненые и убитые. В нашем взводе потерь пока не было.

Мы в основном были молодые, верили в победу, но скажу, что настроение у многих было подавленным. Немецкая авиация висела над головой, и ни одного нашего самолета! Но ведь сейчас не сорок первый год, фрицам дали хорошего пинка под Москвой, а мы снова отступаем. Километров сорок осталось до Дона и сотня с небольшим до Сталинграда.

Подвезли снаряды, горючее. Погрузка и продолжавшийся ремонт отвлекали от дурных мыслей.

Девятнадцатого июля нас подняли рано и сообщили, что немцы прорвались к Верхней Бузиновке. К месту прорыва срочно бросили все танки, которые могли собрать. Нам также выделили десантников из Орджоникидзевского военного училища.

Шли на скорости по пыльным степным дорогам с заряженными танковыми орудиями. У нас было за-

дание ударить во фланг. Обойдя небольшой холм, мы увидели 5 — 6 короткоствольных немецких танков Т-3. К тому времени фрицы уже усовершенствовали часть этих «панцеров», усилили броню.

Нас было 8 — 9 танков, половина из них с 45-миллиметровками без прицелов. Используя численное преимущество, мы сразу пошли в атаку. Мой заряжающий едва успевал вбрасывать в казенник бронебойные снаряды. Большинство из нас не обладали опытом встречного танкового боя. И про стрельбу с коротких остановок забывали. Но решительности и злости хватало. Это вам, сволочи, не бомбежка с высоты, когда нам оставалось только прятаться!

Десант наш спрыгнул при первых же выстрелах. Я вел огонь через панораму ПТК-1. Танк, в который я целился, оставался невредимым. Тогда я приказал остановиться. Расстояние было небольшое, и после трех снарядов подряд немец задымил. Впрочем, не буду приписывать этого «панцера» своему экипажу. Вели беглый огонь все остальные машины.

Этот близкий ожесточенный бой закончился в нашу пользу. Дымили три немецких танка, остальные отступали. Чей-то снаряд (не иначе трехдюймовый) ударил в одну из немецких машин с такой силой, что, кувыркаясь, полетел прочь оторванный боковой люк. Машина крутнулась и, получив еще один снаряд, загорелась.

Немецкая пехота, двигающаяся следом, отступала. Мы увидели группу прямо перед собой и выпустили подряд несколько осколочных снарядов. Один раз приложились хорошо, свалились сразу два или три фрица. Но снаряды у нас кончались, и преследовать пехоту мы не рискнули.

Четыре немецких танка не то чтобы горели, а тлели, словно резина. Не знаю почему, но снаряды в них не

сдетонировали. Не обращая внимания на дым, я полез в один из танков искать прицел. Прицел я нашел, даже сумел быстро его снять, но, как позже выяснилось, для наших орудий он не годился.

Вокруг машин лежали тела немецких танкистов в темных комбинезонах и небольших металлических шлемах. Почти никто из экипажа уйти не успел. Часть остались в дымящихся танках, остальных славяне перебили из пулеметов. Бой шел на небольшой дистанции, и спастись на открытом поле было трудно. Кроме танкистов насчитали десятка три убитых пехотинцев.

Я подошел к одному из них. Молодой парень, лет 18 — 20, такой же, как и мы. Осмотрели немецкие танки. С удовлетворением убедились, что не только «трехдюймовки», но и наши «сорокапятки» пробивали их броню. Впрочем, толщина ее оказалась небольшая, 20 — 30 миллиметров. Измолотили мы фрицев хорошо, на каждом танке по несколько пробоин.

Наши «тридцатьчетверки» оказались прочнее. Две машины были подбиты, но не сгорели. Их спешно ремонтировали. Погибли от осколков два танкиста. Броня Т-34 была хрупкая, и при сильном ударе разлетались мелкие осколки. Несколько человек получили ранения и контузии.

Мы чувствовали себя победителями. Вернулись на пункт сбора в Верхнюю Бузиновку, а большинство домов там догорают. Помню, уцелела каменная школа, в которой разместился медсанбат. Сюда стягивались части 166-й танковой бригады, подошла артиллерия, пехота, в том числе батальон курсантов из Орджоникидзе. Многие, как и мы, недавно из боя. Оживленно рассказывали эпизоды, показывали друг другу трофейное оружие. Легкораненные после перевязки оставались в строю.

Некоторые не верили, что наша неполная рота сожгла четыре немецких танка. Это подтвердили десантники и другие бойцы, видевшие бой. К нам подошел один из командиров с адъютантом.

— Вы из какой бригады? — спросил он.

— Из сороковой.

— Действительно, четыре танка уничтожили?

— Точно, — заверили мы.

— Ну, молодцы, ребята. Значит, можно фрицев бить?

— Еще как можно!

— Приведите себя в порядок, заправляйте машины.

Обед повара уже сварили.

Я не хочу хвалиться теми небольшими удачами, которые достигали наши части. Все же немцы наступали по всему фронту и далеко не везде получали такой отпор. Слишком неравные были силы. Но скажу одно. Наши бригады, полки, даже отдельные роты в боях за Доном, на дальних подступах к Сталинграду, не дали Паулюсу победным маршем войти в Сталинград.

Теряя где четыре, а где и десяток танков, истощая в атаках моторизованные части и пехоту, наступление в Придонских степях замедлилось. Здесь я впервые услышал слово «слоеный пирог». На одних участках фрицы прорывались вперед, а позади упорно держали высоты или отдельные хутора наши войска.

Подходило подкрепление, не прекращались бои, и далеко не всегда верх удавалось держать немецким частям. Они выйдут к Волге 23 августа, то есть немцам придется еще месяц драться с нами, чтобы пройти 100 километров, а потом навсегда завязнуть в Сталинграде.

Такая была обстановка. Я терпеть не мог хвастливых статей в наших газетах, где говорилось, что нем-

цев уничтожали легко и без счета. Но могу сказать как очевидец, участник боев на подступах к Сталинграду, что в степи за Доном мы снова сумели застопорить ход фашистской машины. К Волге армия Паулюса выйдет, неся ощутимые потери.

Если дела идут более-менее успешно, то всегда найдется командир. Наших восемь-девять танков единого командира не имели. В спешке не успели назначить. Но мы, три младших лейтенанта, друг с другом ладили и в начальство не рвались. Как говорится, каждый знал свой маневр, дрались решительно, поэтому и уничтожили четыре танка и около взвода немецкой пехоты. Кстати, нас обещали представить к орденам, переписали фамилии. Свой орден Красной Звезды я получаю в 1951 году.

Итак, о новом командире. Фамилия его была Удалов. Политрук по званию (три медных кубика на петлицах), звезда на рукаве. Он прикатил к нам на мотоцикле, представился батальонным комиссаром и сообщил, что ему поручено взять команду над нашей ротой. Удалову было лет тридцать, по званию он являлся старшим, и мы, выполняя устав, подчинились. В принципе, командир хоть и не из боевых, он оказался расторопным. Обеспечил подвоз снарядов, горючего, питание танкистов и десантников.

Но для меня появление Удалова стало неприятной неожиданностью. Он занимал какую-то должность в училище, знал, что мой отец расстрелян как враг народа, и относился ко мне враждебно. Его появление едва не стоило мне жизни, хотя первые дни ничем своего отношения не показывал.

Мы занимались ремонтом техники, вели разведку группами по 2 — 3 танка. Не хватало горючего, снаря-

ды тоже получали по счету. Нам приказали вырыть для танков капониры, чтобы в случае нужды использовать их как долговременные огневые точки.

Донская земля в конце июля стала твердой, как камень. Лопаты гнулись, а из-под лома летели искры. Меняясь, кое-как вырыли два капонира. Воду нам таскали сельские ребята. Жара, сухая пыль, пили ведрами холодную родниковую воду. Умотались до того, что решили — хватит двух капониров! Тем более нас часто посылали в разведку.

Двадцать второго и двадцать третьего июля произошли сразу несколько событий. К нам присоединилась часть нашей родной 40-й бригады, воевавшей на другом участке: пехотная рота, несколько пушек, обоз и помпотех бригады капитан Резник, деловой и грамотный командир.

Он сразу осмотрел наши танки, лично взял в свои руки ремонт. Мы сразу почувствовали себя увереннее. С прицелами Резник помочь не мог, зато отрегулировал двигатели, мы подтянули все крепления, гусеницы. Очень вовремя пришла подмога, потому что 23 июля нам пришлось отбивать сильную атаку. О ней я расскажу позже, а ночью 22 июля я едва не погиб. Эпизод этот до конца дней остался в памяти.

Метрах в восьмидесяти от наших танков стояла небольшая часть НКВД, или заградительный отряд. Удалов приказал мне отнести их начальству «секретную» записку и ни в коем случае не читать ее. Конверт был самодельный, кое-как заклеенный. Я бы мог без труда его вскрыть, но добросовестно отнес чекистам. Комиссар с двумя шпалами и старший лейтенант прочитали записку и удивленно посмотрели на меня. Потом комиссар сказал:

— Завтра атака, ты чем драться собрался? У тебя даже пистолета нет.

— Обойдусь без пистолета. У меня вон там три танка стоят с боезапасом. Три пушки и пулеметы.

— Ты командир взвода?

— Так точно, товарищ комиссар.

— В боях участвовал?

— Да. Рота подбила четыре танка, и, кроме того, мой взвод раздавил три бронетранспортера.

— Добро. Ну, иди, отдыхай перед боем.

Я вернулся, а Удалов спрашивает:

— Ты записку отдал?

— Конечно, отдал.

Он не поверил и крикнул (расстояние всего ничего):

— Вам Журавлев донесение передал?

— Передал, — отозвался комиссар, — но мы не убийцы и в своих не стреляем.

Меня как жаром обдало. Сволочь! Я догадался, что Удалов написал донос. В такой напряженной обстановке меня вполне могли расстрелять без всякого суда как врага народа. Да и неизвестно, что он там наплел в своей писульке.

Я уже прошел бои, повидал смерть и не был тем зеленым курсантом, который все стерпит. Имелся бы пистолет — наверняка пристрелил бы Удалова. От возмущения и злости собой не владел. Но Удалов, как чувствовал, что я ищу оружие. Куда-то сразу исчез. Командир он был нам формальный, в танках не разбирался.

Ребята меня успокоили, налили спирта, а я повторял, как заведенный: «Какая сволочь! Ведь вместе воюем». Оказался бы поблизости кто-то из командования бригады, я бы доложил немедленно. Но, кроме

помпотеха Резника и командира роты, никого не было. Понемногу успокоился, а утром начался бой.

Нас атаковали примерно 20 немецких танков, бронетранспортеры, пехота. Велся непрерывный минометный огонь. Но фрицы, видимо, не рассчитывали, что за последние сутки пришло пополнение. Атаку мы отбили. Уничтожили 2 — 3 танка и какое-то количество пехоты. Немцы не захотели нести дальнейшие потери и, видя нашу решительность, отошли.

Как впоследствии выяснилось, они сделали крюк и прорвались дальше, в другом месте. Ну, а нас два дня подряд бомбили и обстреливали «Юнкерсы-87» и «Мессершмитты». Налетали группами по 5 — 10 самолетов, над степью поднимался дым от взрывов фугасных и осколочных бомб. Горела трава, мы задыхались, кашляли от дыма.

Тогда мы еще толком не знали, как уворачиваться от пикирующих «Юнкерсов». Догадывались, что лучше уходить на скорости, зигзагами, но горючего оставалось в обрез. Обычно останавливались и прятались под переднюю часть танка. Надеялись, что башню и корпус не пробьет. Стокилограммовая бомба насквозь бы пробила танк и ничего бы от нас не оставила. Но не такие уж асы были немецкие летчики. Прямых попаданий при мне не случилось, хотя «Юнкерсы» пикировали чуть ли не до земли.

Осколки ловили, но броня у «тридцатьчетверок» была крепкая. Редко пробивало насквозь. Гусеницы, тяги повреждало. Когда самолеты улетали, мы исправляли повреждения и продолжали выполнять задания.

Пехоте, конечно, доставалось. Особенно когда немцы успевали внезапно перехватить на марше колон-

ну или отступающих в беспорядке красноармейцев. В таких ситуациях паника — самый страшный враг. От самолета не убежишь, а крохотная рожица, которая кажется совсем рядом — недосягаема. Все равно гады фашист догонит, особенно «мессер» с его скоростью под шестьсот километров, с осколочными бомбами на подвеске, с двумя пушками и двумя пулеметами.

Однажды мы пересекали поле, усеянное серыми бугорками. Это были тела наших бойцов. Лежало их, может, рота, а может, и больше. Куда убегали? К кучке акаций, которые их бы не спасли. Мы замедлили ход, чтобы ненароком не раздавить тела. У кого три-четыре пулевых пробоины, у кого рваное отверстие от авиационной 20-миллиметровки, другие погибли от осколков бомб. Лежат ребята, и почти все в спину убитые. Спасся ли кто из роты — неизвестно. Их сутки назад расстреляли, тела уже начали распухать от жары.

В один из этих дней едва не вляпался в беду экипаж моего танка. В связи с нехваткой горючего мы порой действовали в одиночку. Резник едва не под расписку выдавал нам солярку. Начинаем спорить: «Застрянем на полдороге с пустыми баками!» А капитан на вкопанные в землю танки показывает:

— Скажите спасибо, что пока на ходу, а не загораете в капонирах.

На войне грань между жизнью и смертью тоньше волоска. Вот ты есть, и вот тебя нет! Погибшая пехотная рота, судя по всему, не ожидала налета. На бреющем обрушились на нее штуки четыре «Мессершмиттов», скорость — двести метров в секунду. Только и успели ребята услышать приближающийся рев моторов. Оглянулись, а в них уже бомбы, снаряды и пули веером летят.

Не много дней прошло с первого моего боя, но на фронте учеба идет втрое быстрее. Своей шкурой премудрости постигаешь. Дали нам задание проверить одно из танкоопасных направлений. Десант — три курсанта и нас четверо в танке.

Дорогу, по которой мы двигались на юго-запад, накануне хорошо пробомбили. По обочинам несколько сгоревших полторок, разбитые повозки, орудийные упряжки. Погибших уже похоронили. Здесь нам повезло. Мельников показал на разбитые «сорокапятки» и перевернутые орудийные передки.

— Командир, глянем, может, снарядами разживемся?

— Давай глянем.

Мельников сидел на люке, наблюдал за небом, а мы шарили среди обломков. Насобирали штук двадцать пять снарядов: бронебойных и осколочно-фугасных. Патронами разжились. Они в картонных пачках и отдельными обоймами разбросаны кругом были.

Когда боеприпасов хватает, всегда настроение улучшается. Оживленно переговариваясь, шли на хорошей скорости по укатанной степной дороге. Перед балкой дорога раздвоилась. По какой ехать? Давай по правой! Спустя минут двадцать выехали на гребень, остановились, и я стал рассматривать в трофейный прицел окрестности. Если для пушки оптика не годится, то за бинокль вполне сойдет.

Как мы немцев прозевали, сам не понимаю. Наша «тридцатьчетверка» лязгает гусеницами, за километр слышно. У немцев машины потише идут, только мотоциклы громко трещат. Их мы и услышали. Поглядел я в прицел, а по параллельной дороге, повыше нас, дви-

гаются навстречу мотоцикл, два танка и легкий вездеход.

Если бы мы столкнулись в лоб, я бы немедленно принял бой. Хотя от лишней стрельбы нас предостерегали. Немецкая группа, промелькнув, остановилась выше нас. Мы их не видели, они нас тоже. Расстояние было метров сто пятьдесят. Мы затаились. А что еще делать? Из двух пушек нас в момент разделают. Спасибо, что бугор защищает. Сидим, ждем. Гляжу, у башнера пот крупными каплями течет. Все мы клятву давали и немцев бить беспощадно грозилась. Но сейчас ситуация складывалась не в нашу пользу. Немцев мы как следует не видели, да и два немецких Т-3 против одного нашего (без прицела) танка не оставляли нам шансов на успех.

Дай бог, чтобы разъехались и фрицы нас не заметили. До чего в такие моменты громко молотит сердце! Хотелось курить, но казалось, даже шуршание бумаги и махорочный дым обнаружат нас. Нервы не выдерживали. Я был уже готов отдать приказ идти в атаку, а там — как получится.

Но заурчали моторы, и немцы покатали дальше. Выждав несколько минут, дружно закурили. Но за нервотрепку мы фрицам в тот день отплатили. Уже на обратном пути перехватили два мотоцикла — разведка по всем дорогам сновала. В казеннике был бронебойный снаряд, и мы поначалу промахнулись. Зарядили осколочный и накрыли один из мотоциклов.

Врезали удачно. Мотоцикл с водителем отбросило в одну сторону, а коляску с пулеметом — в другую. Второй мотоцикл дал газу и ушел из-под снарядов и пуль. Подъехали к разбитому «зюндапу». Немец в коляске горел вместе со своим барахлом, трещали в огне патроны, трассеры, шипя, проносились над головой. Мы

отошли подальше — и правильно сделали. Сдетонировали сразу три-четыре гранаты, и коляску развернуло, как консервную банку. Обгоревшего пулеметчика отбросило в сторону, ноги по колено оторваны.

— Сапоги пропали, — сказал стрелок-радист.

Мельников странно поглядел на него, но ничего не сказал. Сапоги у экипажа были нормальные. Да и вообще, плохая примета — вещи или одежду у мертвых брать. У водителя мотоцикла уцелел автомат. В личном оружии мы нуждались, так как пистолеты или наганы никому не выдали. Теперь хоть автомат будет. Документы убитого тоже прихватили.

Когда вернулись, доложили о результатах подполковнику из 166-й бригады, который был за старшего. За документы нас похвалил, а насчет встречи с немецкими танками подполковник выразился неопределенно:

— Врага надо бить, а не смотреть.

— Позиция была неудобная. Они бы нас раньше прикончили. А мотоцикл с разведкой уничтожили. Трофейный автомат захватили.

— Шагайте, обедайте, — сказал подполковник, разглядывая с адъютантом немецкую солдатскую книжку с двуглавым орлом. — И свой взвод получше замаскируй.

Это он уже крикнул вслед. Свой взвод! Значит, для подполковника, я — командир Красной Армии, команду взводом, о котором он напомнил, а для Удалова — шпион или предатель. Автомат я нес через плечо и, попадись мне наш «комиссар», неизвестно, чем бы все закончилось.

Мог бы и шлепнуть сгоряча, а вообще, собирался отвести к особистам. Никак не мог отойти от ночного происшествия, когда Удалов под расстрел меня пытал-

ся подвести. Думаю, что ничем бы хорошим мои планы отомстить не кончились. Неизвестно, что бы еще наплел обо мне Удалов, но он куда-то исчез.

Мы перекусили перловкой с говядиной, напились холодного молока и отправились спать. Кроме немецких самолетов, нас никто не тревожил. Но они бомбили какие-то объекты в стороне. Когда же наши «ястребки» появятся?

Про истребители никто ничего не знал, но мы услышали новость, что на нашем участке немцы применяют новую дальнобойную пушку, которую окрестили «огненный змей». Начальная скорость снаряда у нее 1200 метров, и наши Т-34 «змей» пробивает за полтора километра. Не сказать, что мы сильно встревожились, но, на всякий случай, поинтересовались у капитана Резника.

Он сообщил, что у советской дивизионной пушки ЗИС-3 начальная скорость бронебойного снаряда тоже 1200 метров. Речь скорее всего идет о длинноствольных зенитных орудиях калибра 88 миллиметров. Они действительно опасны на расстоянии до двух километров.

— В наступательных частях их мало, — жестикулируя, объяснял помпотех. — Слишком громоздкие, весят восемь тонн. Но, учитывая сильное сопротивление, которое мы оказываем, Паулос мог подтянуть несколько дивизионов.

— Два километра, — рассудительно заметил кто-то. — И не увидишь, откуда стрельнут.

— Этих орудий у немцев мало. Вы не их бойтесь, а обычных 75-миллиметровок остерегайтесь. Те за километр могут подловить, и маскируют их фрицы хорошо.

— «Семидесятипятки» мы уже прошли, — раздался гот же голос. — В лепешку давили.

— Не хвались, — со злостью одернул смельчака Мельников. — Товарищ капитан дело говорит. Давили — не давили... А сколько уже наших танков пожгли!

Затем все вместе покурили, попили холодной водички и потрепались о женщинах. Хорошо, когда дружный коллектив, и таких уродов, как Удалов, поблизости не видно. Кстати, капитану Резнику я рассказал о ночном происшествии. Он сморщился, словно от зубной боли. Ответил, как всегда, рассудительно:

— Удалов из политсостава. Его так просто не возьмешь. Не обращай внимания. В обиду тебя не дадим. А появится кто из командования бригады, тогда доложим.

Недолго длилась моя война. 17 июля 1942 года я принял первый бой, а 27 июля, через десять дней — последний. Запомнился он мне до мелочей. Бойцы говорят, что у человека существует предчувствие, если его в ближайшее время убьют или тяжело ранят. У кого как, а мне в ночь с 26-го на 27-е снился госпиталь, я видел себя в больничном халате. Рассказал ребятам.

— Да ну, ерунда! — отозвался механик-водитель Мельников. — Есть примета, если плохое снится, все хорошо будет.

На смерть и ранения мы в эти дни насмотрелись, говорить о них не хотелось. Остальной экипаж подтвердил слова Мельникова. Хотя бодрости в голосах не чувствовалось. Нечему радоваться. Впереди жаркий день, раскаленное солнце, немцы наступают, и самолеты над головой ходят.

Комбат из 166-й бригады вызвал меня, приказал взять еще один танк, взвод десантников и четырема машинами двигаться к хутору, названия которого в па-

мяти не осталось. Вчера там наблюдалось движение небольших групп немцев.

— Танки, что ли? — спросил я.

— Неясно, — пожал плечами комбат. — Но артиллерию точно видели. Осторожнее действуйте.

Посидели над картой, обсудили маршрут. Затем перекусили с экипажем горячей, только что сваренной кашей и двинулись то ли в разведку, то ли в бой. Боеприпасами и горючим еще с вечера загрузились.

Солнце поднялось невысоко, но уже чувствовалась жара. В стороне на двухкилометровой высоте двигались тройками штук пятнадцать двухмоторных «Юнкерсов-88» в сопровождении истребителей. «Юнкерсы» на нас внимания не обратили, а две пары «Мессершмиттов», заложив вираж, спикировали в нашу сторону.

Истребители нам такого опасения, как в первые дни, не внушали, но я дал команду рассредоточиться. Прятаться негде. Виднелась вдалеке степная балка, вернее, верхушки деревьев. Туда мы и направились, хотя уже убедился, не в каждой балке можно найти с ходу укрытие. Слишком крутые склоны. Чтобы спуск к деревьям отыскать, время нужно. «Мессершмитты» не спеша выбирали цель. Десантники не выдержали воя снижающихся самолетов, начали прыгать. Другие крепче вцепились в скобы на броне.

Полетели вниз небольшие бомбы, но в цель ни одна не попала. «Мессершмитты» торопились догнать своих бомбардировщиков. Сделали еще один короткий заход, обстреляли нас из пушек, пулеметов и унеслись прочь.

Собрались снова вместе. У десантников один тяжело раненный в плечо, другой сломал ногу, когда пры-

гал с танка. «Тридцатьчетверки» не пострадали, если не считать нескольких щербин от осколков и снарядов 20-миллиметровых авиапушек.

— Ну вот, лейтенант, — сказал башнер. — Поэтому тебе и госпиталь снился. Десантники пострадали.

А у меня появилась проблема. Куда девать раненых? Мы от своих уже далековато отъехали. Эвакуировать их на танке не хотелось. Четыре штуки — для боя и так мало, а останется всего три.

Возле балки копошились бойцы, мелькали лопаты. Мы направились к ним. Передовая часть какого-то полка копала окопы. Было их человек семьдесят под командованием старшего лейтенанта. Нам они обрадовались, потому что артиллерия еще не подошла, а из противотанкового вооружения имелись всего два ПТР и бутылки с горючей смесью.

Старлей сообщил, что видел в бинокль мотоциклистов, а вчера их бомбили. Хорошо, что успели спрятаться в глубине балки, но несколько человек были убиты и ранены.

— Мы вам двух своих раненых оставим? — попросил я.

— А вы что, сматываетесь? — встревожился старший лейтенант. — Если немецкие танки пойдут, нам отбиваться нечем.

— Поблизости будем.

— Вы нас не бросайте, а мы о раненых позаботимся.

На том и договорились. Двинулись дальше. Вскоре наткнулись на группу отступающих бойцов. Шли они давно, от усталости едва ноги тащили, некоторые — раненые, с серыми от пыли повязками. Попросили воды. Напоить всех у нас запасов бы не хватило. Вы-

делили по кружке раненым. Показали их командиру в сторону балки:

— Шагайте быстрее туда, если под бомбежку не хотите попасть. Там оборону строят, и ручей имеется.

Красноармейцы поплелись дальше. Я не вкладываю в слово «поплелись» унижительное значение. Да, бойцы едва тащились после долгих дней отступления. Они побросали противогазы, шинельные скатки, даже гранаты, но винтовку со штыком имел каждый. Они вышли из боя и собирались воевать дальше. Есть в балке ручей или нет, я не знал. Но если роют окопы и ждут прибытия полка, то вода наверняка найдется.

— Дон далеко? — облизал губы обернувшийся сержант.

— Вы туда не мыльтесь, — посоветовал я. — Пока до Дона доберетесь, в дезертиры попадете. А с ними разговор короткий — шлепнут за трусость, и все дела. Шагайте, присоединяйтесь к обороне.

Не знаю, куда ушла группа, но мы через пару часов увидели несколько немецких танков. Сколько их было? Не помню. Может, четыре, может, шесть. Но я принял решение атаковать.

Еще не вышел знаменитый приказ Верховного № 0227 от 28 июля 1942 года. Но и без него в Донских степях в 100 километрах от Сталинграда постоянно действовали свои приказы: атаковать, уничтожать противника, не давать фрицам прорываться дальше. Особенно это касалось танкистов. У вас броня, пушки, пулеметы! Попытки отсиживаться и отступать приравнивались к трусости.

Наши четыре танка рванули вперед, обходя фрицев с фланга. Огонь открыли одновременно. На быстром ходу, подпрыгивая на буграх, он был неэффективен.

С короткой остановки я выпустил два бронебойных снаряда, целясь в ближайший танк. Попал, но снаряд прошел рикошетом. Сближались быстро. Немецкие Т-3 и пара тяжелых Т-4 тоже развили неплохую скорость.

— Командир, одна «тридцатьчетверка» дымит! — крикнул башнер.

Я не ответил, нажимая подошвой на педаль спуска. Еще один выстрел. Кто-то из нас попал снарядом в другой немецкий танк. Поднялась стрельба откуда-то сбоку, даже сзади. Как я позже догадался, били из засады противотанковые пушки. Я начал разворачивать башню и почувствовал сильный удар.

Хотите — верьте, хотите — нет, но «свой» снаряд я видел. Раскаленная красная болванка пробилла башню с кормы, рикошета, кувыркнулась внутри танка и упала на поддон. Машина продолжала двигаться. Мельников сказал:

— Ну что, лейтенант, «Интернационал» петь будем?

Дословно передаю тот момент. Хохол-механик не терял юмора, а башня уже наполнилась дымом, и снизу пробивались языки пламени.

— Какой «Интернационал»! Всем покинуть машину!

Мельников выпрыгнул через передний люк. Я позвал башнера. Он сидел неподвижно, обвиснув на сиденье, тело имело какой-то странный вид. Проведя рукой, нащупал что-то скользкое и липкое — у моего товарища были оторваны обе ноги.

Я пытался открыть верхний люк. Танк у нас был раннего выпуска с башней-пирожком и единственным, очень тяжелым верхним люком. Его заклинило, я тщетно молотил кулаками, толкал плечом крышку, не в силах ее открыть. Я задыхался от дыма, сильно припекало, к тому же почувствовал, что правая ступня не

слушается. Внизу, на поддоне, уже горела солярка, я торопливо пробирался к открытому переднему люку. Вывалился, успев заметить, что стрелок-радист тоже ранен и кое-как шевелится.

Вдвоем с Мельниковым мы буквально выдернули нашего мингрела.

Снаряд сломал, смял ему руку, и он был без сознания. Когда тянули его (тоже через передний люк), я сильно напряг правую ногу. Все тело пронзила боль, но я тут же забыл про нее — в лицо плеснул язык пламени.

Может, я кричал или выл от боли, не помню, но мы все же сумели оттащить тело стрелка-радиста в сторону. Вокруг шел бой, а к нам бежали трое немецких пехотинцев. Добьют, проткнут штыками! Русских танкистов они не щадят.

Автомат мы оставили в танке. Единственным оружием была «лимонка», которую я носил в кармане куртки. Подпустить поближе и взорваться? Но умирать не хотелось. Отогнув усики, швырнул гранату. Упала она недалеко и едва не изрешетила осколками нас самих, но немцы шарахнулись прочь. Упал один, второй. К нам пришла на помощь «тридцатьчетверка»; которая вела огонь из пулеметов.

Стрелку-радисту наложили шину на сломанную руку. А у меня жгло и горело лицо, особенно левый глаз, который я пытался тереть закопченными пальцами. Старшина-санинструктор и санитар схватили меня за руки, вылили на обожженное лицо фляжку воды.

— Не лезь в глаз, слышишь! — кричал старшина.

После ранения и контузии я мало что соображал. Запомнилось только, что повторял:

— Глаз... глаз выбили.

— На месте твой глаз, — успокоил старшина. — Лежи, не дергайся.

Глаз мне перевязали. Правый сапог был разорван, текла кровь. Сапог торопливо разрезали, наложили шину на правую ступню, распухшую и синюю. Мне повезло, что нас быстро доставили в санбат. Из ступни вытащили большой осколок, загипсовали. Осмотрев глаз, врач сказал, что в него попал мелкий осколок и надо срочно везти меня в госпиталь в Сталинград.

А до Сталинграда сто километров. Погрузили в санитарный автобус и повезли нас шесть человек тяжело раненных. Лежали на носилках-кроватях, закрепленных внутри автобуса. Как котята в корзине. Ну, думаю, «мессер» появится, и конец нам! Словно накаркал. Вынырнул «Мессершмитт» и обстрелял автобус. Задел кого или нет, не помню. Слышал, как гремела пробитая насквозь жестяная облицовка. Водитель, парень совсем молодой, испугался и выскочил. Рядом со мной лежал майор, весь перевязанный. Кричит сопровождающему санитару:

— Садись за руль, мать твою!

— Я не умею.

— Эй, танкист, садись тогда ты. Иначе добьют нас.

«Мессер» сделал еще один заход, но снаряды и патроны у него, видать, заканчивались. Можно сказать, только напугал. А я, с загипсованной ногой, гнал автобус напрямиком через степь. Нас догнал водитель, и майор пригрозил ему:

— Жаль, пистолета нет. А то бы я тебя пристрелил, трус поганый.

Пистолет был у другого раненого офицера. Но он лежал молча, потому что вез в Сталинград знамя погибшей в бою дивизии. Не уничтоженной или разбитой, а именно погибшей.

Шел уже август. Всем прочитали приказ Верховного № 0227 «Ни шагу назад». Батальоны дрались до последнего человека, до последнего танка. Отход разрешали только раненым. А из остатков частей, вырвавшихся из окружения, на Дону сколачивали новые роты и батальоны. Кого-то и расстреливали за отход без приказа. Суровый был приказ, и время тяжелое. Может, самое тяжелое за весь период войны.

В Сталинграде мне сделали в одном из госпиталей операцию, удалили из ноги еще штук пять мелких осколков. Глаз оперировать не стали, так как город уже бомбили, и госпиталь эвакуировали. Кто мог ходить, отправляли на своих двоих.

— Шагайте к причалам, садитесь на любой пароход и добирайтесь до Астрахани (400 километров), — инструктировали нас.

Мне укрепили металлическим каркасом шину на ступне, и я захромал к Волге. Над головой прошли несколько немецких самолетов, но я не обращал на них внимания. Столько всего насмотрелся, что они меня не пугали.

Зенитная батарея на высоком берегу открыла огонь. Самолеты пикировали на зенитчиков, взрывы поднимали столбы земли, обломки деревьев, что-то горело. Один из самолетов хорошо подковали. Он, завывая, уходил на малой высоте, и его добивали из пулеметов и винтовок. А на месте батареи клубился сплошной дым. Погибли, наверное, ребята.

Людей на берегу скопилось много, целые толпы. Но я все же до армии был водником, с моряками договорился. Глянули на мой танкистский комбинезон, обожженное лицо, шину на перебитой ноге и впихну-

ли на пароход «Композитор Бородин», который шел в Астрахань. Кстати, во время следующего рейса фрицы потопят этот пароход, когда он будет эвакуировать из Сталинграда сотни женщин, детей, раненых.

В Астрахани, уже в госпитале, я узнал о страшной бомбежке Сталинграда 23 августа 1942 года, когда был разрушен весь центр города и погибло 50 тысяч человек. Я успел эвакуироваться буквально за день-два до этой страшной бомбежки.

В госпитале мне снова прооперировали ступню, затем отвели к доктору-офтальмологу. Я этого доктора на всю жизнь запомнил. Маленькая чернявая женщина, звали Ревекка Львовна, эвакуированная из Киева. Долго она мой глаз осматривала, а потом сказала, что осколок вошел глубоко, перевернулся, повредил сосуды. Выход один — удалять глаз. Я чуть не заплакал, а Ревекка Львовна утешала меня, как ребенка:

— Саша, другого выхода нет. Сделаем все под наркозом, ты ничего не почувствуешь.

— Но ведь я им вижу. Болит только.

— Станет болеть еще сильнее, уже началось воспаление, а ведь там мозг рядом. Все будет в порядке, а правым глазом ты до старости хорошо видеть будешь.

В общем, удалили мне левый глаз. Вставили искусственный, долечили ногу и демобилизовали по второй группе инвалидности (потеря глаза и ограниченная деятельность голеностопного сустава).

Вернулся домой в Горький, многие друзья и сокурсники погибли или пропали без вести. Тоскливо было на душе. Но это не помешало мне закончить в течение года оставшиеся полтора курса института. Работал инженером-механиком, а с 1945 по 1951 год — главным инженером Ахтубинского судоремонтного завода в Астраханской области.

В 1951 году меня перевели в Сталинград, где я работал на Судостроительном заводе на разных должностях до 1978 года. В 1947 году женился и прожил с женой Валентиной Петровной пятьдесят два года. Похоронил ее после тяжелой болезни в 1999 году. Имею двух сыновей, Евгения и Виталия, несколько внуков.

Награды? Когда в 1951 году я вставал на учет в Красноармейский райвоенкомат, военком глянул на мою медаль «За победу над Германией», расспросил биографию и сказал:

— Ты в таких боях участвовал. Надо запросы в Подольск направить.

Вскоре пришел ответ из Министерства обороны, что меня за боевые действия на подступах к Сталинграду представили еще в 1942 году к ордену Красной Звезды, а позже — к медали «За оборону Сталинграда». Вскоре их вручили.

Вот и вся моя история. Живу вместе со старшим сыном, пенсия неплохая. А война до сих пор снится по ночам. Хоть и недолго воевал, но память осталась на всю жизнь.

ЛЕЙТЕНАНТ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

На моем попечении было тридцать бойцов. Все после ранений в живот, перенесшие тяжелые операции. Вот я их и выхаживала в длинной брезентовой палатке с двумя печками. Всех выходила, за что и была награждена орденом Красной Звезды.

Черноусова Е. П.

С Елизаветой Павловной Черноусовой мы живем в одном районе. На встрече с ветеранами Великой Отечественной войны я не мог не обратить внимания на ее пиджак с многочисленными наградами. Ордена Красной Звезды и Отечественной войны, медали «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», почетный медицинский знак времен войны с профилем А. В. Суворова и вещими словами «За мужество и любовь к Отечеству».

Мы познакомились с Елизаветой Павловной. Так и родился рассказ о ее жизни и фронтовых дорогах.

Я родилась 28 августа 1922 года в селе Пичуга Дубовского района Сталинградской области. Детей в семье было четверо, я самая старшая.

Девичья фамилия — Ястребова. Отец и мать были крестьянами, и до 1930 года мы жили неплохо. Имели корову, двух бычков, выращивали большой огород.

Земля у нас плодородная, климат теплый. Снимали богатые урожаи картошки, капусты, росли крупные помидоры, баклажаны, перец. Правда, дождей выпадало мало, воду таскали на коромыслах издалека. Трудилась в огороде и я, а воду в небольших ведрах носила для полива лет с семи.

В 1929 году началась коллективизация. Отец, любивший землю, присматривался, как создаются колхозы. Порядка в них было мало, оплата непонятная. Не очень ему нравился коллективный труд на земле, когда начальство учит тебя, что сеять и когда урожаем убирать. Маме до слез было жалко отдавать в чужие руки нашу корову и бычков.

Властям упрямство родителей и непонимание линии партии тоже не понравилось. Пришлось из села уезжать. Запрягли в телегу бычков, погрузили нехитрое наше имущество и приехали в Сталинград (поселок Баррикады). Купили там диковинное жилье, дом-землянку. Выглядело оно так. Комнатка, кухня, прихожая целиком находились в земле, крыша была на уровне почвы, а стены обиты обрезками досок. Отец с матерью спали на кровати, а мы, дети — на полу.

Места для огорода не было, отец пошел в пастухи. Ему каждый день давали литр молока, расплачивались также овощами, зерном, хлебом. Так и жили. В восемь лет я пошла в школу и закончила восьмилетку в 1938 году. Не знаю, как уж умудрялась делать уроки в нашей полутемной землянке, но школу закончила неплохо.

Затем поступила учиться на акушера. Профессия мне нравилась, училась с удовольствием. Когда нача-

лась война, мы, студенты (и парни, и девушки), принялись осаждать военкомат с настойчивыми требованиями отправить нас на фронт.

Военком терпеливо объяснял, что войны хватит на всех. Медработники для армии очень нужны, и нам следует закончить курс обучения. В феврале 1942 года нас выпустили досрочно, отучились мы без малого три года. Период с марта по июль не отложился в памяти. Я работала медсестрой в больнице, а в августе 1942 года была зачислена в штат госпиталя № 5112.

Боевое крещение приняла в памятный каждому сталинградцу день — 23 августа, когда на город обрушились волна за волной сотни немецких самолетов. Этот день достаточно описан в литературе. Расскажу о своих впечатлениях. Так страшно мне не было никогда в жизни. Самолетов налетело, как грачей на вспаханное поле. Куда ни глянешь, сыпались вниз бомбы.

Непрерывные взрывы, пожары, рушившиеся дома, вой сирен. Люди бежали к Волге, прятались в оврагах. Тела погибших лежали на расплавленном от огня асфальте. Мамочки, ведь меня убьют! Но времени на страх не оставалось. Мы, медсестры и санитарки, перевязывали раненых, накладывали шины на перебитые руки-ноги. Бойцы грузили пострадавших на грузовики и везли к пристани.

Гибли и работники госпиталя. У нас была медсестра Ася, беленькая, смешливая. Гляжу, бежит вдоль дома, придерживая тяжелую санитарную сумку. Остановилась у неподвижного тела — это, видимо, был убитый. Выпрямилась, хотела дальше бежать. А я вижу, как черная тень рядом с ней к земле несется. Закричала:

— Ася! Бомба!

И тут взрыв. Стена дома вспучилась, и все три или четыре этажа огромной грудой обрушились на Асю. И сразу тугая волна горячего воздуха, и пелена красной от кирпича пыли. Меня сбило с ног, а когда поднялась, увидела огромный завал и торчавшие металлические балки. Кое-где пробивался огонь. Поняла, что нет Аси в живых и вытащить тело из-под обвала не удастся. Здесь подружка погибла, и здесь ее могила.

Шла, и ноги заплетались. А кругом раненые, обожженные. Надо работать. Кто-то из наших окликнул меня:

— Тебя ранило?

— Нет... Асю убили. Под кирпичным завалом лежит.

За один день центр города был практически уничтожен. Мы еще несколько дней работали в горящем Сталинграде. Погиб санитар, были ранены и контужены еще несколько наших сотрудников. Насмотрелась за эти дни столько всего — вспоминать страшно. И обугленные трупы, вплавившиеся в асфальт, матерей с убитыми детьми, искалеченных без руки или ноги. Шок от первого дня прошел, и я уже спокойно выполняла свою работу. Надо было спасать людей.

Вскоре нас эвакуировали на левый берег Волги, в поселок Среднюю Ахтубу, километрах в двадцати от Сталинграда. Здесь я работала операционной сестрой. Если спросите, по сколько часов в сутки работали, то, пожалуй, и ответить не смогу. Шел сплошной поток раненых. Выглянешь из палатки — уже вечереет, затем наступала ночь, а хирурги продолжали оперировать. Ну, и мы всегда возле них. Спали урывками, на ходу перекусывали. Осень была самым тяжелым временем в обороне Сталинграда, мы это чувствовали на себе.

Впрочем, и в феврале, когда меня перевели в медсанбат № 32 27-й дивизии, 62-й армии, стало не лег-

че. Медсанбат располагался на окраине Сталинграда. В самом городе армия Паулюса уже капитулировала, но наши войска вели наступление, и поток раненых не уменьшался.

Я снова работала операционной сестрой у капитана-хирурга. Фамилии не запомнила, было ему лет тридцать, звали Григорий Иванович. Он специализировался на раненных в брюшную полость. А это же такие опасные раны! Не зря бойцы больше всего ранения в живот боялись. Мол, если поймашь осколок или пулю в живот, то все, конец тебе.

Григорий Иванович был, что называется, хирург от Бога. Извините, что все эти детали описываю, но такая у нас была работа. Привезут парня, а у него кишечник пулей в трех-четырех местах пробит. Да еще проблема была, что пока доставят, несколько часов пройдет. Загноение начинается, содержимое кишок вместе с кровью брюшную полость заливает. Григорий Иванович подмигнет, подбадривая меня: «Ну что, Лизавета, начнем».

По три, по пять часов сложные операции длились. Вырезал Григорий Иванович целые куски, скрупулезно сшивал кишки, чтобы ни малейшего отверстия не осталось. Я поначалу не верила, что с такими тяжелыми ранами человека спасти можно. А ведь спасали!

Наложим шов, боец отходит от наркоза, его увозят. А Григорий Иванович закуривает папиросу, идет вдоль лежащих в ряд раненых, смотрит, кого в первую очередь оперировать.

Для посторонних картина удручающая. Лежат в основном мальчишки 19 — 20 лет, редко кто старше. В телогрейках, шинелях, валенках, с которых стаивает замерзшая глина (в Сталинграде в основном глинистая почва). Одни, совсем без сил, едва равнодушно при-

открывают глаза, когда мы осматриваем раны. Другие держатся крепко, с надеждой смотрят на хирурга. Кто-то без сознания. Лица, покрытые копотью, засохшей кровью, крупные капли пота.

Очередь тянется на улицу. Несколько человек, укрытые полушубками и двумя-тремя одеялами, лежат на истоптанном снегу. Я обращаю внимание на мальчишку лет восемнадцати. Лицо серое, безжизненное, но он еще дышит, зажимая ладонями бок. Откидываю одеяла, полы шинели. Под пальцами расплзается бурозеленый ком. Вот кого надо срочно оперировать!

Но Григорий Иванович отрицательно покачал головой. Видя, что я застыла возле парня, объясняет:

— Лиза, он безнадежный. Разрывная пуля в кишечник угодила. Понимаешь?

За полгода я много чего насмотрелась. Что такое разрывная пуля в живот, отчетливо представляю. Десятки мелких, острых, как иголки, осколков превращают внутренности в решето. Кишечник у парня издырявлен так, что его никаким способом не зашьешь. Пока я неподвижно стояла, глядя на обреченного паренька, Григорий Иванович показал санитарам на раненного двумя пулями сержанта:

— Давайте этого... Лиза, пошли.

Медперсонала не хватало. Это в кино показывают, как вокруг операционного стола суетятся человек пять, а у нас в санбате обычно работали парами. Хирург и операционная медсестра. Санитарок в тот период не было, их обязанности исполняли легкораненные.

Консилиумы устраивать и советоваться было не с кем. За соседним столом работал хирург, специализирующийся на ранениях конечностей. Там тоже

сплошной поток бойцов и офицеров с простреленными, перебитыми, а то и оторванными руками-ногами. Бесконечные ампутации, чистка глубоких ран. Пули и осколки дробили кости. И все равно умудрялись собирать их и большинство раненых возвращать в строй, хоть и не скоро.

Я себя крепкой девушкой считала. Сколько мы тогда спали? Бывало, по четыре-пять часов. Проваливалась в темноту, едва до койки добиралась. Кормили нас неплохо, но порой и завтрак, и обед пропустишь, когда шли сложные операции. Выпьешь крепкого сладкого чая с куском хлеба — и опять в операционную.

И все же я надломилась. Пошла за чем-то и на ходу упала. Григорий Иванович с коллегой осмотрел меня, покачал головой. Два дня пролежала в койке, приходила в себя, отсыпалась. А затем хирург перевел меня на должность палатной сестры. Объяснил, что обмороки просто так не бывают. И тем более, свалилась я не от того, что всяких страшных вещей насмотрелась. К этому я привыкла. А вот сердце не выдержало.

У меня появилась новая работа. Длинная брезентовая палатка с двумя печками, помощник — санитар из легкораненых и тридцать бойцов из числа тех, кого прооперировал Григорий Иванович. Все с ранениями в живот.

Такая категория раненых требует особого ухода. Особенно важен режим. Как правило, все они страдали не только от боли, но и от жажды. Кто знаком с медициной, знает, что тридцать человек, только-только приходящих в себя после тяжелых ран и сложных операций, — это большая нагрузка.

Первые десять дней после операции практически никому не разрешалось пить воду и есть. «Кормила и поила» своих пациентов уколами глюкозы и физраствором внутривенно, вводила обезболивающее, в том числе морфин.

Спрашиваешь меня, просили ли воду, как это часто показывают в фильмах? «Сестрица, ну хоть глоток!» Нет, кому нельзя, не просили. Пойми, ведь Сталинградская битва была такая жестокая. Роты и батальоны целиком погибали. А ребятам повезло, хотя и получили раны в живот (большинство — пулевые). Они словно с того света вернулись и понимали, если выполнять режим не будут, то второй раз чуда не случится. Вода для них означала смерть. Поэтому терпели.

А у кого кишечник перебит и заново сшит, по две-три недели без воды терпели. Только глюкоза, физраствор и лекарства. Антибиотиков тогда не было, а об американском пенициллине мы и не слышали. Он позже стал в Советский Союз поступать. Поэтому следила очень внимательно. Малейшее загноение или нарушение пищевого режима могло привести к перитониту, считай, к смерти. Сразу бежала к хирургу.

Здесь, в палате (вернее, в палатке), я немного ожила. Хотя работы было много, я могла благодаря санитару, молоденькому пареньку, время от времени поспать. Стала нормально питаться. Все же постоянное общение с людьми, а не стояние целыми сутками у операционного стола, где я буквально валилась с ног, пока не схватило сердце.

Тридцать подопечных. Я за считанные дни познакомилась с ними. Все они относились к категории тя-

желораненых, хотя состояние было разное. Кто-то уже начал ходить, разговаривал. Другие, особенно со сложными ранениями в кишечник и печень, в основном спали или бредили.

Проблемой было поддержание в палатке тепла. Хотя имелись две печки и толстый брезент, но в Сталинграде погода стояла ветреная, очень морозная. Нам привозили на грузовиках всякий деревянный хлам. Лесов на правом берегу мало, лишь в балках да по берегам редких речек. Свалят в кучу мерзлые стволы, крупные ветки, расщепленные шпалы, охапки кустарника, груды обгоревших досок. А дальше занимайтесь с ними сами.

Печки у нас небольшие, мой санитар-помощник вместе с санитаром из соседней палатки берутся за пилу и топор. Топить приходилось постоянно, потому что в марте ночами зашкаливало за минус десять-пятнадцать, а ветер выл в трубах, не переставая. Когда дров не хватало, ребята брали повозки, инструмент и выискивали по степи все, что горит, вплоть до высохшего на морозе бурьяна. А ведь под снегом сколько мин оставалось! Мы кричали нашим помощникам вслед:

— Ребята, под ноги глядите! Не забывайте про мины.

Они смеются. Все будет нормально. Подружилась с медсестрой из соседней палатки. Звали ее Люба Нечай. У нее такой же брезентовый «дом», помощник-санитар и раненные в руки-ноги бойцы и командиры. Иногда встречаемся, пьем чай, вспоминаем довоенную жизнь.

Но долго не посидишь. У Любы свои проблемы, у меня — свои. Иду вдоль коек. Раненые мне улыбаются, отпускают комплименты. Конечно, приятно. А я смотрю

на лейтенанта, вижу, что у него температура. Где-то началось воспаление. Осторожно меняю повязку.

— Больно?

— Нет, Лиза. Приятно.

По глазам вижу, что больно, но терпит. Надо вызывать Григория Ивановича, пусть глянет. С другими проблемами справляюсь сама. Перевязки, глюкоза, физраствор. Просто посидишь возле загрузившего парня. Здесь главное — чутко следить за состоянием. Григорий Иванович хоть и делает обходы, но постоянно занят в операционной и доверяет мне. Все же медицинское училище закончила.

А бойцы и офицеры лишь немного придут в себя (из тех, кто по характеру бойкие) — начинают ухаживать. Посиди со мной, сестрица! О жите-бытье рассказывают, в глаза смотрят. Compliments. Красавицей я себя никогда не считала, но, наверное, все девушки в двадцать лет симпатичные.

— Нравишься ты мне, Лиза!

О своих чувствах говорит. Почти любовь. Вижу, соседи-раненые ревнуют. Поднимаюсь:

— Извини, мне работать надо. Потом поговорим.

В любви ребята признавались. Некоторые даже жениться предлагали. Лежит, весь перебинтованный, кое-как с койки встает, но жизнь не останавливается. Невесты, матери, сестры далеко. Я — одна. Чтобы не обидеть, отшучиваюсь, мол, у меня жених уже есть. Да и вообще, сначала надо выздороветь.

Хорошие парни были. Ко мне ласково относились. А ведь такое жестокое сражение прошли! Подвигами не хвалились, хотя тогда все газеты о разгроме немцев

под Сталинградом писали. Это была главная тема. Из разговоров раненых друг с другом я их истории знала.

Лейтенант Саша весь свой взвод пережил. Как я поняла, они в бои вступили в январе, когда всю трубили о наших победах и взятых городах. А в Сталинграде до дня капитуляции бои шли. Немцы сдаваться стали лишь после приказа своего командования о капитуляции 2 февраля 1943 года.

И Саша несколько раз чудом от смерти уходил. Рассказывал, как лицом к лицу в разрушенном доме с немцем столкнулись. Даже за автоматы не успели схватиться. Толкнули друг друга. Саша сильнее толкнул, сам на ногах устоял, а немец на спину упал.

— Я в него полдиска выпустил. Только клочки летят, а я все на спуск жму.

Он не хвалился, просто говорил, что пережил. И я, смертей насмотревшись, хорошо его понимала. Не затевала ненужных разговоров о жалости и милосердии. В той ситуации — или ты, или враг выживет.

Рассказывал про земляка из своего взвода. Тот умело воевал, один из немногих остался. Ну, и осторожность потерял. В один из последних январских дней стоял в разрушенном доме у окна, о чем-то задумался и попал снайперу под прицел. Пуля в левую скулу вошла и из правой вышла. Пока перевязывали, истек земляк кровью.

Сашу через день-два ранили, когда между развалинами в атаку бежал. Вдруг увидел вспышки из подвала. Автомат в руках разлетелся, и по животу как огромной железякой ударило. Когда в санбат несли, не верил, что выживет.

— До живота дотронусь, а его нет. Какие-то тряпки окровавленные и кишки, как пузырь, раздулись, по ногам то ли кровь, то ли что-то другое течет.

Я помнила, как его оперировали. Повезло лейтенанту, что из трех пуль лишь одна кишечник пробила. Но неделю между жизнью и смертью провел. Чтобы от болевого шока не умер, я ему после операции морфин вводила. Он еще просил, а я, сделав три или четыре укола, сказала: «Больше нельзя. Терпи».

Еще один парень запомнился. Еще в ноябре, когда Волга не встала, он ящики с боеприпасами таскал. На свой пароходик опоздал, прыгнул на следующий. А в то судно, где его взвод (или батальон) переправлялся, снаряд угодил. Как деревянный коробок разнесло, только куски палубы и доски среди ледяной каши плывут, а их с правого берега добивают.

Кого убили, кто утонул, лишь несколько человек похоронили. Тоже к нам в феврале угодил, получив пулю в поясницу. Рассказывал, что зимние месяцы на морозе провел. В Сталинграде все деревянное сгорело. Набьются теснее — и греют друг друга в подвалах. Мы ему кроме раны обмороженные пальцы лечили. Три или четыре ампутировали.

Ну, еще коротко упомяну про одного «жениха». Наш особист ко мне прилип. Не нравился он мне. Старше возрастом, назойливый, а вскоре выяснилось — женатый. Я его резко отшила. Тебе ППЖ понадобилась? Ищи в другом месте! Отстал и больше не привязывался.

А я вскоре сразу со всеми своими подопечными попрощалась. Они ведь в санбате временно лечение проходили. Операция, заживление ран, а затем всех ждал госпиталь. Поначалу их перевозить и трясти на грузовиках нельзя было. Полный покой требовался.

А для окончательного долечивания нужны были госпитальные условия.

Подогнали в теплый весенний день грузовики, и всю палату по восемь человек на койках-носилках погрузили в машины. Улетели мои белые голуби! Я по-женски их так называла. Отправляли мы их в новом белом белье. Одеялами не накрывали, солнце уже хорошо грело. Машут мне руками, кто адресок протягивает. Спасибо, Григорий Иванович, спасибо, Лиза! А у меня слезы текут. Привыкла к ним.

За то, что выходила тридцать послеоперационных тяжелораненых, получила первую свою награду — орден Красной Звезды. Я и про медаль не думала, а тут сразу орден. Тогда ведь мало кого награждали. Разве что начальство повыше. А лейтенанты да рядовые только шрамы да нашивки за ранения получали. После Сталинграда немного расщедрились, но редко у кого медаль на груди, а про ордена и говорить нечего.

Кроме ордена попозже получила медаль «За оборону Сталинграда». Но война и после Сталинграда для меня продолжалась.

Ведь я носила воинское звание, и наша дивизия (и медсанбат) двигалась на запад.

Запомнились долгие переходы конца лета и начала осени сорок третьего года. Это было уже после Курской битвы. В большие города мы не заходили, а поселки в памяти не остались. Бесконечные пыльные дороги, где-то впереди прорывают немецкую оборону танки и пехота, а мы стараемся не отстать от тылов дивизии.

Двигались повозки с медицинским оборудованием, медикаментами, палатками, а мы, медсестры, шагали

в кирзовых сапогах размера на три больше. Но все же сапоги, а не ботинки, в которых топала основная часть пехоты. Мы ведь старались всегда за собой следовать. Сапоги, юбка, гимнастерка, туго перепоясанная ремнем. Да мы еще девчата хоть куда!

Бомбили нас не часто. Но дорога выматывала. Пытаемся смеяться, даже петь, а ноги заплетаются от усталости. Ездовые — в основном дядьки в возрасте, заботились о нас. Увидят, что кто-то отстает, подсаживают на повозку.

Войска наступали быстро, санбат мы не разворачивали, оказывали помощь раненым на ходу и отправляли в тыл. Шли по местам тяжелых боев. Перепаханные гусеницами траншеи, много разбитой техники, трупов. Да и наших незахороненных солдат хватало. В местах прорывов застыли подбитые и сгоревшие «тридцатьчетверки». Возле машин суетились ремонтники. Ма-шут рукой:

— Сюда... к нам. Раненые здесь.

На раненых танкистов страшно смотреть. Особенно на обожженных. Ну, как ему поможешь, если у него почти весь промасленный комбинезон сгорел и вплавился в тело? Наступал шок от боли, другие, оставаясь в сознании, стонали. Вводим морфин, чем можем помогаем. Но их в госпиталь надо, в специальное ожоговое отделение.

Некоторым и госпиталь не поможет, если половина кожи сгорела.

Конечно, и пехоте доставалось, но танкистам особенно. Лежат двое, все что от экипажа осталось, смотрят на нас и не видят. Сильные контузии после удара снаряда. Многие с осколочными ранениями. Броня

крошится, и кусочки металла вонзаются в тело. Кому десяток осколков, а кому и не сосчитать, сколько железа досталось.

Врачи часть осколков на месте вытаскивали. Перевязываем раненого, как куклу, и тоже на попутку. Считалось, что мы продвигались в тылу, но во время наступления обстановка быстро менялась. Оставались островки немецкой обороны, целые воинские части в тылу оказывались.

Однажды попали под сильный артиллерийский обстрел. Только что тихо было, и вдруг взрывы. С нами пехота шла (видимо, второй эшелон), завязался бой. Снаряды вокруг взрываются, немцам наплевать на красные санитарные кресты. Неподалеку медсестру, как шапкой, взрывом накрыло, ничего не осталось. Взрывы то дальше, то ближе. У повозки задние колеса в разные стороны, лошадь остатки тащит, быстрее из-под огня. Хирург рукой показывает на кусты возле речки. Я туда побежала.

А что кусты? Это не защита. Осколки их, как траву, выкашивают. Спрыгнула под обрывчик, затаилась на короточках. Хоть и начало осени, а вода холодная. Наверное, родники поблизости. Холодная — не холодная, а жить хочется.

Просидела я в воде под обрывом часа два-три. От холода тело не сгибалось, а куда вылезать? Взрывы, пулеметные очереди. Кусок ивы вместе с огромной веткой метрах в пяти шлепнулся. Накрыл бы меня, расплющило, как букашку. Но пронесло. Стрельба понемногу стала стихать, я из воды кое-как вылезла. От холода с полчаса отходила. А ноги от того сидения в воде у меня и спустя шестьдесят с лишним лет ноют. Крепко застудилась.

Отлеживаться долго не пришлось. Раненые стонут. Санитарная сумка при мне была, мы их берегли, как солдаты свое оружие. Пошла, шатаюсь, раненым помощь оказывать. Остальные наши тоже разбрелись по полю. В воздухе гарью пахнет, грузовик неподалеку догорает. Остановилась у перевернутой пушки.

Несколько воронок вокруг, снаряды, гильзы разбросаны. Двое артиллеристов мертвые, один в стороне руку зажимает. Кое-как разжала, стала перевязывать, а паренек пальцем показывает:

— Там... вон там.

Из рыхлой земли ботинок торчит. Надо откапывать. Дернула слегка и на спину свалилась. В руке у меня кусок ноги до колена и облепленная бурой землей обмотка. На части кого-то из артиллеристов разорвало.

В июне 1944 года я была назначена медсестрой в санитарную роту 76-го стрелкового полка. В санроте имелся врач, два фельдшера, 2 — 3 медсестры, а обязанности санитаров исполняли легкораненые или выздоравливающие бойцы. Заодно я заведовала аптекой, так как неплохо разбиралась в фармакологии.

Впрочем, обязанности мы не делили. Все занимались ранеными и больными, а аптека размещалась на повозке. Медикаменты, по сравнению с современными, были самые простые. Об американском пенициллине мы и в сорок четвертом не слышали. Сульфидин, аспирин, физраствор, глюкоза. Для остановки сильного кровотечения использовали хлористый кальций.

Из обезболивающих имелся новокаин и морфин. Морфин считается наркотическим веществом, но мы слово «наркотики» тогда не знали. Вводили морфин раненым, страдавшим от сильной боли. Конечно, име-

лись какие-то ограничения, но такого, чтобы раненые привыкали к морфину и выпрашивали лишнюю инъекцию, не было. И вообще, бойцы наши очень терпеливые. Я в этом убедилась еще в Сталинграде.

Полк в начале сорок пятого года принимал участие в освобождении Варшавы. Снова раненые, операции. Я была назначена фельдшером, и 25 января мне присвоили воинское звание «младший лейтенант», а позже была награждена медалью «За освобождение Варшавы».

Варшава почти не осталась в памяти. Работали с ранеными, операции, снова помогала хирургам. Досталось нам позже, в боях за Познань, но я хочу немного отвлечься от войны. Я встретила своего будущего мужа. А получилось вот как.

Наши войска продолжали наступление. Зима, снежная каша, я выбилась из сил. Артиллеристы посадили меня на лафет орудия. Было холодно, приходилось крепко держаться, чтобы не свалиться под колеса, хотя очень клонило в сон. Мы же постоянно не высypались.

Вдруг ко мне подошел капитан, командир второго батальона, Виктор Петрович Черноусов. Мы были немного знакомы, полк — не такая уж большая единица. Он вел на поводу коня светлой масти и сочувственно сказал:

— Вы же окоченели совсем, под колеса упадете. Пойдемте, я для вас место обогреться найду.

И посадил меня в карету, запряженную двумя лошадьми. Видимо, карету «реквизировали» в каком-то поместье. Тогда много трофейного транспорта было. Кареты, конечно, редко брали, не самый удобный

транспорт, но я ничему не удивлялась. Так замерзла, и спать хотелось, что села в нее, накрылась одеялом и мгновенно заснула.

Проснулась от того, что кто-то осторожно поцеловал меня в щеку. Я открыла глаза, рядом сидел Виктор. Я ведь раньше ни разу не целовалась, до того мне хорошо стало (Виктор мне нравился), что я почти по-детски попросила:

— Поцелуй еще.

Так мы познакомились. А я вспомнила давнюю историю. Когда училась в фельдшерском училище, гадали на Рождество, и девчонки мне нагадали. Вот если встретится тебе парень (или мужчина) на белом коне, он станет твоим мужем навсегда. Так оно и получилось. Но об этом позже.

Познань была городом-крепостью и находилась в 40 километрах от границы с Германией. Во второй половине февраля 1945 года здесь развернулись сильные уличные бои. Такие бои всегда связаны с крупными потерями. В Познани и другим работникам санитарной роты пришлось не раз оказывать помощь и выносить раненых с поля боя.

Оружия у меня не было, зато имелась санитарная сумка и довольно тяжелые брезентовые носилки. Конечно, нам помогали санитары, но их постоянно не хватало. Да и нас, сестер и фельдшеров, в таких боях на весь полк было явно мало.

Насмотрелась в этой Познани на погибших. Перебежками пробираюсь вдоль домов, а посреди улицы лежат неподвижно четверо наших бойцов. Открытых мест все избегали. Из подвальных дотов и окон домов

велся сильный огонь. С минуту наблюдала, вслушивалась.

Бой шел метрах в трехстах впереди. Отсюда вроде немцев выбили. А вдруг засада или снайпер? Раздумывать некогда. Оставила носилки и побежала, пригнувшись. Трое — погибшие, четвертый весь в крови, ранения в грудь, ноги. Дотащила его до стены, перевязала, на перебитую ключицу поставила шину. Теперь срочно на сборный пункт. С помощью двух легкораненых кое-как донесли носилки до места.

Там скопилось не меньше двух десятков раненых. Несмотря на холод, я, вся мокрая от пота, с жадностью пью воду из фляги. Молоденький лейтенант с перебитой ногой тоскливо смотрит на меня. Его не так мучает боль (мы ввели обезболивающее), он переживает, что в свои девятнадцать-двадцать лет может остаться без ноги.

— Сестрица, неужели ногу отрежут? Как же я калеккой жить буду?

Что я могу ему сказать? Все решат хирурги, неизвестно, какая у него рана, а попусту утешать парня не хочется. Другим не слаще, а кое-кто не дожил до санбата. Трупы, накрытые плащ-палатками, лежат в стороне.

Поднимаю своих помощников-санитаров. Не сказать, что они идут с охотой, но на войне делаешь, что тебе положено. Оба неплохие ребята, а я хоть и молодая девчонка, но младший лейтенант. Они стараются меня беречь. Один шагает с автоматом впереди, второй тащит на плече носилки, меня оттесняют назад.

Входим в зону огня. Пока это редкие шальные мины. Но, взрываясь на каменной мостовой, они разбрасывают осколки далеко в стороны. Там, где нет каменного

или асфальтового покрытия, мины взрываются в земле, выкидывая фонтаны грязи, мокрой травы.

Три наших минометных расчета бьют из-за обломков стены. Торопливые хлопки и вой уходящих в сторону немцев мин. Двое бойцов в телогрейках подкатывают на тележке ящики с минами. Спрашиваю у командира взвода:

— Раненые есть?

В полку я уже более чем полгода, многих знаю в лицо. Младший лейтенант-минометчик вместо ответа показывает направление:

— Лиза, там сильно стреляют. И снайперов берегись.

Раненых во взводе нет. Но час назад разбило прямым попаданием миномет. Валяется скрученная труба, а у стены под брезентом, пропитанным кровью, лежат двое убитых. Вскоре дают о себе знать снайперы. Навстречу бежит боец, зажимая ладонью голову. Кровь течет между пальцев. Ни каски, ни шапки нет, волосы слиплись от крови. Увидев нас, кричит:

— Прямо в голову... убили!

У него, видимо, шок. Мы силком усаживаем солдата на асфальт у стены, разжимаем пальцы. Рана неглубокая. Пуля пробила каску и скользнула по черепу, вырвав клочок кожи. Считаю, что повезло. Торопливо выстригаю волосы вокруг раны, обрабатываю спиртом, накладываю повязку, пропитанную мазью. Бинтовать неудобно, затягиваю узел у подбородка.

— Пуля в голове, да? — спрашивает боец, с трудом шевеля челюстью.

— Нет, прошла вскользь.

— Я жить буду?

— Конечно, будешь, — уверяем бойца.

А тот от шока еще не отошел, мало что понимает. Показываем направление:

— Шагай туда. Там сборный пункт.

Минуем поворот. Впереди идет бой. Улочки узкие, дома из красного кирпича. Стреляют сразу из нескольких окон, хлопают взрывы гранат. Бурая кирпичная пыль и пелена дыма. Наши наступают активно. Несколько немцев выскакивают из подъезда и, отстреливаясь, бегут вдоль стены.

Из дома напротив им вслед бьют из автоматов. Падает один, другой, остальные фрицы исчезают среди развалин. Забираем раненного в живот бойца и снова в обратный рейс. Хирург-капитан, он же командир нашей санроты, оперирует одного из раненых прямо на месте, в комнате дома.

— Елизавета. Оставайся помогать мне.

Я отрицательно мотаю головой. Вчера у нас убили медсестру. Мы ходим в поисках раненых вместе с санитарями, потому что многим надо оказывать помощь на месте. Нередко санитары, когда идут одни, не в состоянии оказать необходимую помощь и приносят уже остывающие тела. В закоулках и подвалах большого города, где все смешалось и нет сплошной линии фронта, тяжелораненые лежат порой часами. Медсестры и фельдшеры ходят на передний край по очереди, одинаково рискуя. Я не хочу пользоваться своими офицерскими звездочками как привилегией, чтобы лишний раз остаться в тылу. Обещаю хирургу, что схожу в последний раз и останусь ему помогать.

Этот «последний раз» едва не оказывается для нашей группы последним в жизни. Перебегая дорогу, один из санитаров получил осколок в руку. Сняли ши-

нель, разрезали гимнастерку. Из глубокой раны толчками выбивало кровь. Перетянула руку выше локтя жгутом, обработала рану и наложила тугую повязку.

— Дойдешь сам?

— Дойду...

А через десяток минут мы попадаем под пулеметную очередь. Улица вроде очищена от немцев, позади разворачивают орудия. И вдруг пулеметная очередь. Меня спас санитар. Успел толкнуть, мы оба упали, а я почувствовала, как что-то обожгло спину.

Над головой прошли еще две-три очереди, затем пулемет замолк, и мы отползли за развалины. Сняла шинель. Наверное, я была в шоке, как тот паренек, раненный в голову. Мне стало жаль новенькую шинель, выданную совсем недавно. Трассирующая пуля располосовала ее, словно ножом, и обожгла спину.

Тут радоваться надо. Если бы санитар меня не толкнул, то я попала бы под пули. Шинель бы уже не понадобилась. Мы забрали очередного раненого и вернулись на сборный пункт. Увидев мою шинель, хирург категорически заявил:

— Все, хватит походов! Переодевайся, будешь мне помогать.

Вскоре подтянулся наш санбат, и я снова исполняла обязанности операционной сестры, сама проводила не слишком сложные операции. Запомнилось, что пришлось немало повозиться с бойцами, ранеными осколками снарядов и мин.

Конечно, и пулевые ранения часто бывали тяжелые, но осколки доставляли нам особенно много хлопот. Мины и снаряды, взрываясь среди камней, земли, причиняли глубокие инфицированные раны, заноса в тело грязь, микрочастицы всякой заразы, не говоря уже о

клочках гимнастеров и белья, которые буквально вбивало в тело. Такие раны приходилось тщательно обрабатывать.

Да и сами осколки. Люди, которые не имели с ними дела, поражались, глядя на эти кусочки металла: изогнутые, рвущие тело, как разрывные пули, острые, словно бритва. А мелочь, величиной с рисовое зернышко! Попробуй угадай и найди его, если даже входного отверстия практически не видно, а рентгена в санбате не было. И методы (кроме интуиции врачей) казались на первый взгляд чрезмерно жестокими.

Эти металлические зернышки искали с помощью тонких спиц. Как ни обезболивай, но если осколок вошел в мякоть ноги или руки сантиметров на 6 — 7, нужны очень чуткие пальцы и опыт, чтобы почувствовать металл. А если ошибешься, и спица уткнулась в кость? Ведь не станешь же резать каждый раз. Проверяешь снова, чуть ли не по звуку. А кто тебе тишину создаст? Раненые стонут, на соседнем столе операция идет, хирург командует, звякают инструменты.

Еще раз хочу сказать, очень терпеливые наши солдаты. Ну, милый, давай еще раз проверим, прежде чем резать! Новокаин глубоко не достает, да и не всегда его хватает, а паренек смотрит расширенными зрачками на спицу. Больно. Очень больно. Но терпит. Никогда не думала, что зубы так скрипеть могут. Того и гляди, крошиться начнут.

Достали наконец эту крошечную железячку вместе с окровавленной ниткой от рубашки. Прочистили глубокую рану. А если осколков с десятков или больше угодило? Дадим отдохнуть, и снова на операционный стол.

В Познани ранили и моего Виктора. Осколок вскользь прошел под мышкой. Сама обрабатывала рану и перевязывала. На этот раз ему повезло, а ранее, в 1942 году под Сталинградом, тяжело ранили в голову. Черепную операцию делали, кусок кости удаляли. Выжил. Наверное, и ему на роду было написано — меня встретить.

Шли на Берлин. Впереди гремел бой, а мы занимались своим делом. В небольших фольварках и городках нам выделяли хорошие дома с большими окнами. Чисто, светло. И бойцы после операций на настоящих кроватях спят. Работы у нас не убавлялось. Бои шли жестокие. Оперировали раненых на окраине Берлина. В разрушенном городе гремело и ухало, стрельба не стихала и ночью. Потом наступила тишина. Гарнизон Берлина капитулировал. Пока был приказ, дрались насмерть. Получили другой приказ — стали сдаваться. Дисциплинированный народ. На улицах жители появились.

В больших походных кухнях варили кашу с тушенкой. Кормили гражданское население. Никакого умиления по этому поводу не испытывала, а немцы оставались для меня чем-то враждебным. Разве забудешь, как они Сталинград вместе с женщинами и детьми день и ночь бомбили? Никогда они к нам жалости не знали. Пришли, чтобы забрать нашу землю, а нас уничтожить или превратить в рабов.

Черт с ними! Вместе с Виктором мы отыскали среди развалин Рейхстаг, и я расписалась на нем. А 9 мая была наша свадьба. Командир дивизии выдал нам с Виктором справку с печатью, что мы стали мужем и

женой. В конце зимы родился наш первенец, сын Юра, а позже, в Союзе, второй сын — Володя.

После войны я работала в разных больницах. Выросли сыновья, появились внуки. В 2004 году похоронила своего любимого Витю, бывшего комбата, с которым прожили 59 лет. Ходила, как потерянная. Ушла моя половинка. Остались дети, внуки, недавно родился правнук. Жизнь продолжается.

ПОЛКОВНИК ТУРОВ — НА ФРОНТЕ С СОРОК ПЕРВОГО ПО СОРОК ПЯТЫЙ

Я участвовал в боях на северных подступах к Сталинграду с 23 августа по 12 сентября. Таких ожесточенных боев мне видеть не приходилось. С рассвета и до вечера бомбежки, артобстрел, танковые атаки.

Жара, дым, грохот. Повсюду застыли сгоревшие немецкие танки. Не дали мы фрицам ворваться с ходу в Сталинград.

Туров В. С.

Сколько их осталось в живых, солдат и командиров, начавших свой боевой путь в первые месяцы войны? Статистика свидетельствует, что не больше 3 — 4 процентов. Один из них — полковник Туров Владимир Семенович (в 1941 году он был лейтенантом).

Крепкий, быстрый в движениях, несмотря на свои преклонные годы, Владимир Семенович помнит многие имена однополчан, города и села, где воевал.

Родился я 18 марта 1920 года в селе Большой Крупиц в Брянской области. Отец работал в колхозе, мать — домохозяйка. В семье было двенадцать детей, я девятый по счету. Земли в наших краях бедные, урожаи слабые.

Когда старший брат Василий служил в армии, нам в 1939 году как семье красноармейца предложили переселиться в Краснодарский край, на Кубань. В станице Савинской выделили глинобитный дом, приняли в коммуну имени 1-й Конной Армии.

Конечно, люди здесь жили богаче, сытнее, чем на Брянщине. Нашу большую семью неплохо поддерживали. Получали в день на всех 2—3 буханки пышного кубанского хлеба, молоко, еще какие-то продукты. Помню, что обедали в коммунарской столовой. Я так отродясь не ел: мясной борщ или суп с клецками, пшенная, перловая (реже гречневая) каша, овощи, фрукты.

Закончив восемь классов, поступил в горный техникум в городе Шахты. Отучился два года, чувствую — не мое это призвание. На третьем курсе подал заявление в военкомат и был зачислен в Буйнакское военнопехотное училище.

Скажу, что в довоенных училищах за два года давали крепкую подготовку. В моей роте было три взвода по 33 человека. Гражданские привычки из нас вытряхивали быстро. Подъем в шесть часов утра (летом — в 5.30), зарядка, стрелковый тренаж 20 минут. С первых дней приучали к оружию, чтобы винтовками мы, как портные иглой, владели.

Затем завтракали и на шесть часов быстрым шагом или бегом уходили в горы. С полной экипировкой: винтовка, противогаз, подсумки, учебные гранаты, шинельная скатка. Там занимались тактической или огневой подготовкой. Тяжело приходилось, но привыкали быстро.

После обеда один час на сон — и начинались теоретические дисциплины: уставы, связь, химзащита и так далее. Много времени уделялось физподготовке, в том числе штыковому и рукопашному бою. Свободного

времени полагалось перед сном всего 20 минут, так что загружены были до предела и засыпали мгновенно.

Кормили хорошо. На завтрак граммов 20 масла, се-ледка, сладкий чай. Обед тоже нормальный: щи, каша с куском мяса, компот. Ну, и ужин неплохой. Хлеба всегда хватало. Но все полученные калории уходили на подготовку. Были мы поджарые, быстро обрастали мускулами.

Часто проводились политинформации. Кто как, а я слушал с интересом о разных событиях в мире, особенно имеющих отношение к военной службе. Время было сложное: советско-финская война. Гитлер то одну, то другую страну захватывал. Замполит информацию свою начинал со слов: «Война вот-вот начнется. Будьте к ней готовы». Так что ни о какой самоуспокоенности речи не шло.

Отдельно скажу про огневую подготовку, которая проводилась три раза в неделю. На стрельбище добивались только бегом — 8 километров туда, столько же — обратно. В месяц выпускали по мишеням примерно сотню патронов. Кроме винтовок, тщательно изучили и стреляли также из ручного пулемета Дегтярева. Сотня патронов — это нормальное количество для хорошей тренировки. Позже, на фронте, я встречал выпускников шестимесячных курсов — младших лейтенантов, которые за полгода всего раз десять-пятнадцать стреляли. Конечно, такая огневая подготовка почти ничего не давала.

Много занимались штыковым боем. Сильны были традиции русской армии. «Немец штыка боится» — я часто слышал эту поговорку. Занимались с азартом. Тренировались, разбившись на пары, постигая всякие хитрости, или кололи соломенные чучела. «Коротким коли! Длинным коли!» Только ключья от чучел летели.

Снайперское дело как-то широко не распространялось, но после финской войны, когда мы понесли немалые потери от «кукушек», начали изучать основы снайперской стрельбы. Желаящие, в том числе я, занимались дополнительно. Стреляли с расстояния 600 — 800 метров. Мне это пригодилось буквально в первые дни пребывания на фронте.

Кроме того, мы прошли ускоренную программу артиллерийской подготовки. А в конце второго курса на меня «повесили» отделение минометчиков из 5 человек. 50-миллиметровые легкие минометы били на восемьсот метров небольшими минами размером с перезрелый огурец. С минометами тоже научился обращаться, там требовался точный расчет и, конечно, тренировки.

Подготовка в училище была разносторонней. Могу с уверенностью сказать, что как офицер войну встретил я с врагом на равных, а кое в чем немцев и превосходил. Навыки, полученные в училище, помогли мне выжить и пройти всю войну. Хотя имелись и недоработки, которые мы постигали уже в ходе боев на собственной шкуре.

Во избежание несчастных случаев мало проводилось занятий по метанию гранат. А в частях красноармейцы просто боялись ручных гранат РГД-33, которые перед броском надо было встряхивать. Опасались — встряхнешь, а она рванет в руках. Все это шло из-за отсутствия практических, боевых занятий.

Не были мы готовы к отступлению, оборонительным боям. Рассчитывали на скорую победу, на стремительные танковые и штыковые атаки. А сложилось так, что почти два года пришлось в основном обороняться, а затем идти вперед.

День 22 июня 1941 года, внезапное нападение фашистской Германии, запомнился всему моему поколению, как и последующее стремительное наступление немецких частей. Конечно, мы говорили на эту тему, недоумевали, но времени на рассуждения у нас не было.

В июле я, молодой лейтенант, прибыл в город Белгород и был зачислен в 956-й стрелковый полк 299-й стрелковой дивизии. Дивизия находилась в стадии срочного формирования. Вскоре в роте было уже 160 бойцов, а у меня во взводе — 57, включая отделение минометчиков, которое следовало вместе со мной из училища.

Вооружены мы были неплохо. В роте имелись два станковых «максима», четыре ручных пулемета Дегтярева. Автоматов — всего три, но винтовок хватало, в том числе самозарядных, системы Токарева (СВТ).

К сожалению, кадровых бойцов было мало, приходилось срочно обучать новобранцев. Шли всякие слухи о немецких танковых колоннах, сметающих все на своем пути. Сельские парни понятия не имели о танках. Мне запомнился характерный эпизод, как нас учили бороться с бронированными машинами.

Командиром полка был майор Кравченко, участник финской войны, Герой Советского Союза. Кравченко занимался лично с каждым батальоном. Наш батальон выстроился буквой «П», в центре вырыли окоп, глубокий, около двух метров.

Кравченко был в полевой форме, с кобурой и под-сумком с учебными гранатами. Мы думали, что дело ограничится простым показом, но майор спрыгнул в окоп, и на него двинулся танк БТ-7. Мы ахнули, когда машина весом тринадцать тонн принялась крутиться на окопе. Казалось, что танк вдавит нашего компол-

ка в землю. БТ проутюжил окоп как следует и пошел дальше.

На месте заваленного окопа зашевелилась земля, появилась голова, плечи командира. Кравченко одну за другой бросил три учебные гранаты. Бросал довольно точно, пара штук упала на трансмиссию позади башни — уязвимое место и наших, и немецких танков. Машина остановилась, а Кравченко стал приводить себя в порядок. Долго выколачивал пилоткой с гимнастерки и брюк прилипшую землю, вытер носовым платком лицо и спросил:

— Ну как?

Помню, красноармейцы и командиры что-то восхищенно выкрикивали, а командир полка прочитал нам краткую лекцию, которую после рискованного показа мы восприняли очень серьезно. Все видели, что занятие полностью приближено к боевой обстановке. Кравченко рисковал, ведь могло случиться всякое. Провались гусеницы сантиметров на 30 — 40 ниже — и все могло закончиться трагично.

А моральное воздействие? Я стоял в полусотне шагов и ощущал, как дрожала земля под тяжестью танка, а что чувствовал наш командир, когда махина утюжила обычную стрелковую ячейку? Тем временем, хорошенько выколотив от пыли обмундирование, Кравченко коротко, рублеными фразами говорил нам о «танкобоязни». Многие слова, а особенно личный пример, врезались в память крепко:

— Если не поленился, вырыл добротную ячейку и не растерял гранаты, то никакой танк тебе не страшен. Пропустил его через себя — и спокойно кидай гранаты вслед, а лучше — бутылки с горючкой. Что, у немцев танки такие страшные? Горят за милую душу, только не

теряйся. Пара гранат на трансмиссию или под гусеницы — никуда он не уедет. Ясно?

— Ясно! — вразнобой кричали мы.

Занятия тем временем продолжались. В полк поступило много самозарядных винтовок СВТ. Бойцы осваивали их с трудом, часто клинило затвор, застревали патроны. Я уважаю конструктора Токарева и считаю, что винтовка была неплохой. Немцы пользовались захваченными у нас СВТ до сорок пятого года.

Это оружие требовало гораздо большей заботы, чем любое другое. Автоматика быстро забивалась пылью, песком. Кроме того, патроны 7,62 мм с закраинами на доньшке требовалось протирать, заряжать в магазин аккуратно, без спешки. Если впихнешь небрежно два-три патрона, они цеплялись закраинами и застревали в магазине.

На стрельбище, особенно в училище, винтовки Токарева действовали почти безотказно. Ведь уход за оружием шел в нормальных условиях, под контролем командиров. Помню, на показательных стрельбах отделение из двенадцати человек одновременно вело огонь по мишеням. Плотность стрельбы напоминала пулеметный огонь. Если ударят сразу полсотни самозарядок, то и пулеметы не понадобятся. К сожалению, действительность внесла свои коррективы.

Полк вступил в бой числа 20 августа западнее станции Жуковка, километрах в 150 от Брянска. Если посмотреть на карту Смоленского сражения, то на рубеже западнее Брянска отчетливо видна красная полоса сосредоточения наших войск для контрудара. Протяженность этой полосы составляла километров 200. Кстати,

таких красных полос хватило и на остальных участках фронта: возле Ельни, Вязьмы, Ржева. Мы не только отходили и теряли города, но и наносили удары.

Первый бой нашего полка был не оборонительный. Мы наступали. Это была одна из тактических наступательных операций. Батальоны, артиллерия закрепились на опушке леса. Перед нами было открытое поле с редкими деревьями. Из леса мы немцев вышибли.

Спешно окапывались, укрепляли позиции. Дня два-три прошли в относительной тишине. Немцы рыли окопы за гребнем холма, метрах в 600 — 700 от нас. Где-то вдалеке гремело, ночами вспыхивали зарницы. Однако на участке нашего полка было пока спокойно. Примерно в километре за спиной сосредоточивались, маскировались в лесу еще какие-то части, артиллерийские батареи.

Время от времени, обычно утром и в полдень, нас обстреливали из батальонных 80-миллиметровых минометов. Противная вещь. Мины с близкого расстояния летели отвесно. Хотя прямые попадания в окопы случались не часто, но эффект от минометного огня был жутковатый. Что-то вроде бомбежки, когда остроносые трехкилограммовые мины, кажется, летят прямо в тебя.

Я видел результаты таких попаданий. Одного бойца из соседней роты превратило в месиво, изрубленное осколками. Натекло много крови, и несколько дней окоп пустовал, хотя был вырыт грамотно, из него хорошо просматривалась нейтральная полоса. Другого красноармейца выкинуло из окопа, ноги разлетелись в разные стороны. Смотреть на исковерканный низ живота было жутко.

В роте в моем распоряжении имелась снайперская винтовка. Немцы в некоторых местах рыли окопы от-

крыто, не опасаясь нас. Кроме того, я обратил внимание, что две лесные полосы искажают звуки пулеметных очередей и выстрелов. Эхо отдается в нескольких местах, а значит, обнаружить снайпера будет не просто.

Командир роты дал «добро», я сунул в карманы четыре обоймы и выполз вперед. Вскоре на окраине деревушки увидел немца, который что-то нес в руках. Хотя расстояние было довольно большое (метров 800), я уложил его наповал. Затем подстрелил еще одного.

Немцы, рывшие окопы, стали беспокойно оглядываться. Они пока не догадывались, откуда стреляют. Я перенес огонь на окопы и успел снять двоих. Тогда меня стали ловить на приманку, высовывая над бруствером каску. Вскоре им удалось обнаружить место, где я скрываюсь. Ударили из пулеметов, посыпались мины, и я срочно пополз к своим. Так в конце августа сорок первого года я открыл свой боевой счет.

Через день мы пошли в наступление. И развивалось оно поначалу успешно, хотя и с потерями. Накануне удачно провели артподготовку. В тот период командиры Вермахта были еще слишком уверены в себе. Обстреливая наши позиции, они выдали расположение своих батарей. И думаю, из пренебрежения к нам, «Иванам», не удосужились сменить позиции своей артиллерии. В эти дни очень многое было для меня впервые. Огонь трехдюймовых пушек и небольшого числа тяжелых гаубиц казался сокрушающим. Взрывы гремели непрерывно, на вражеских позициях вспыхивало пламя, что-то горело.

Под прикрытием артиллерии, пока немцы не пришли в себя, нашей роте удалось подползти к их траншеям

метров на пятьдесят. Но противник тоже вел огонь. Командир роты был отрезан от основной части бойцов.

Командование взял на себя политрук Кулаков. Немцы, приходя в себя, усиливали огонь. Рядом со мной тяжело ранило бойца. Из нескольких сквозных ранений на спине текла кровь. Ткнулся лицом в землю кто-то из сержантов. Кулаков поглядел на меня:

— Ротный молчит. Без него атакуем?

— Атакуем. Нельзя время тянуть, — отозвался я.

Рота лежала, напряженно ожидая сигнала к атаке. Кулаков, невысокий, круглолицый, неуклюже привстал, затем поднялся в полный рост и закричал срывающимся голосом:

— В атаку!

Но рота, понесшая первые потери, лежала неподвижно. И немцы молчали. Топтался лишь политрук, подняв над головой наган.

— В атаку! — снова крикнул он.

Кажется, ударил одиночный выстрел. А может, короткая пулеметная очередь. Я был слишком напряжен и не понял. Пуля попала политруку в живот, он упал, но, пересилив боль, снова поднялся. Следующая пуля угодила ему в лицо, Кулаков был убит наповал. Он был хорошим политруком, умел говорить с бойцами, а в этом бою видел себя комиссаром, чей долг — поднять роту в атаку. К сожалению, умения воевать ему не хватало.

Теперь обязанности командира роты временно исполнял я. Как нередко случается в самые трудные моменты, мозг человека действует автоматически. Я командовал громко и четко, словно сдавал зачет в военном училище:

— Рота, слушай команду! Подготовить гранаты, вставить запалы.

Залегшая цепь зашевелилась, готова гранаты к бою. Следом, не менее громко, я прокричал:

— Рота, встать!

Команда, которой учили бойцов до автоматизма, сработала. Красноармейцы торопливо поднимались, держа перед собой винтовки с примкнутыми штыками.

— В атаку!

Вместе со всеми встал и я. Мы бежали, торопясь одолеть эти последние десятки метров. Над полем неслось протяжное «а...а...а...», крики «ура!», «За Родину, за Сталина!». В нас стреляли почти в упор. Но сотня человек бежала, не останавливаясь, тоже стреляя на ходу. И огонь этот был плотный, так как вооружение роты составляли в основном самозарядные винтовки Токарева. Кроме того, нас хорошо поддерживали пулеметы.

И тем не менее люди падали один за другим. Боец впереди меня свалился ничком, еще один упал, схватившись за ногу. Пляшущий сноп пулеметного огня срезал сразу троих, но мы уже прыгали в траншею.

Трудно описать рукопашный бой, тем более первый. Я могу вспомнить только отрывочные эпизоды, мгновения. Передо мной стоял крепкий высокий немец в сером френче, выставив свою винтовку с примкнутым ножевым штыком. Я держал в руках трехлинейку, владеть которой меня учили по несколько часов в день два года в училище, а затем я сам учил штыковому бою своих бойцов.

Винтовка Мосина, надежное безотказное оружие со штыком на специальном креплении — шейке, которая позволяет подцепить и отбить прочь вражеский ствол. Я поймал шейкой рукоятку чужого штыка, рывком вышиб винтовку из рук немца и сразу пробил его тело

своим узким трехгранным штыком. Выдернул штык и бросился на другого немца.

Тот оказался не таким решительным и побежал прочь. Я догнал его ударом в спину. Наверное, мне следовало командовать, а не искать очередного врага. Но бой уже вступил в такую фазу, где никто никого не слышал и сам выбирал свою цель.

Пять-шесть немцев, прячась в стрелковых нишах, вели беглый огонь. Нам повезло, что автомат имелся только у одного. Они успели убить и ранить несколько красноармейцев, но остановить остальную массу были не в состоянии. Люди, сумевшие преодолеть простреливаемое поле, оставившие позади погибших товарищей, переступили порог страха.

У автоматчика опустел магазин, и его пригвоздили штыком к стенке траншеи. Лихорадочно дергавший затвор винтовки унтер-офицер стрелял до последнего, но был втоптан в землю. Остальных из его отделения закололи штыками.

Двое пулеметчиков разворачивали на треноге пулемет. В них стрелял из нагана в упор один из командиров взводов. Несмотря на ранения, они сумели переставить пулемет. Смуглый боец, выскочивший вперед, ударом приклада свалил одного пулеметчика, второй упал, пробитый пулей.

Десятка два немцев, перескочив через бруствер, отступали. Грамотно, перебежками, прикрывая друг друга огнем. За ними сгоряча кинулись наши. Упал один, второй боец. Я поймал за обмотку пытавшегося броситься в погоню парня.

— Куда? Стреляй отсюда.

Время с неудачным преследованием упустили, но несколько фрицев остались лежать на поле. Остальные нырнули в овражек и исчезли. Хотя противника

выбили из траншеи и заставили отступить, мы понесли значительные потери. Запомнилось большое число тяжелораненых. Их было не менее двух десятков. Те, кто угодили под пулеметные очереди, были ранены сразу несколькими пулями. Немецкие пулеметы МГ-34 со скорострельностью пятнадцать выстрелов в секунду прошивали тела насквозь, дробя кости на мелкие осколки. Я впервые увидел действие разрывных пуль. Попадание в тело означало почти неминуемую смерть. Бойцы, несмотря на умело наложенные повязки, истекали кровью.

Их торопливо грузили на подводы. С нами был командир роты. Он участвовал в бою с фланга.

— Ну что, получили боевое крещение? — проговорил ротный, глядя на тела погибших и подводы с ранеными, которых увозили в тыл.

— Получили, — отозвался кто-то из бойцов. — Ребят жалко. Но и фрицам досталось.

Вскоре мы снова наступали. Освободили несколько деревень. Запомнилось село Красное на Брянщине, из которого немцы угнали всех жителей. К нам подбежал чудом уцелевший старик и, дрожа, звал на помощь:

— Там! Скорее! Там немцы закопали наших.

Я с бойцами побежал за стариком, и мы увидели две пары босых ног, торчавших из земли. Это были молодые ребята лет двадцати: тракторист и комбайнер. Фашисты закопали их живьем вниз головой. Те из немцев, кто считает, что армия Вермахта состояла из солдат, и гордятся своим ветеранским прошлым, пусть запомнят эту деревеньку Красную.

Поэтому мы не называли немцев «солдатами». Для нас они были фашисты, гансы, фрицы. Звание «солдат» они не заслужили.

Лето и осень сорок первого года состояли не только из котлов, в которые попадали наши дивизии и армии, и колонн военнопленных, которые так любили показывать в немецкой кинохронике.

Наш полк и наша дивизия начали войну с наступления и убедились, что фрицев можно бить. Такой настрой сохранился у бойцов и командиров. Эти операции, контратаки, двухмесячное сражение под Смоленском, крепкий удар под Вязьмой привели к Москве уже не ту самоуверенную, надменную армаду, обрушившуюся на нас 22 июня. Их крепко потрепали.

Но в сентябре наш полк отступал.

Погибли командир роты и замполит. Получил тяжелое ранение командир первого взвода Юсупов. Я был назначен командиром роты, и мы двое суток прикрывали отступающий полк.

Перед атакой немцы пытались выкурить нас огнем минометов. Но прошедшие накануне дожди сделали почву мягкой. Мины, дающие в обычных условиях большой разброс осколков, существенного вреда не принесли. Они взрывались, поднимая фонтаны земли. Осколки в основном уходили вверх.

Нас было 110 человек, а участок, который мы перекрывали, — полтора километра. Нас выручали пулеметы, которых оставили в мое распоряжение около десятка. Отбили несколько атак, подожгли бронетранспортер. Танки в этом месте немцы не использовали из-за болотистой местности, а пехоте мы продвигаться не давали. Как это нередко бывало и позже, получив отпор, фрицы искали места послабее и к нам больше не лезли.

Наступил третий день, а приказа об отходе не было. Не появлялись и немцы. В роте кончились сухари — наша основная еда. Остались только набитые большими кусками сахара противогазные сумки. Но от такой пищи у многих начинала болеть голова и появилась тошнота. Да и боеприпасы были на исходе. С наступлением темноты я снял роту и быстрым шагом стал догонять свой полк.

Постоянные бои, нахождение в сырости, холоде, не имея возможности даже переобуться, привело к тому, что у меня отказали ноги, и я, лежа на повозке, продолжал командовать ротой. Бойцы верили, что я, родившийся в Брянских лесах, сумею вывести их из окружения.

Имелись ли у нас дезертиры? Практически не было. Возможно, сыграло свою роль, что мы удачно нанесли несколько ударов по врагу, двое суток успешно отражали атаки. В роте поддерживалась крепкая дисциплина и не чувствовалось растерянности. Но когда подходили к линии фронта и я встал на ноги, то заметил — ездовой Зубарь и трое бойцов кучкуются, о чем-то перешептываются.

Потом Зубарь подошел ко мне и, помявшись, сказал: «Воевали мы, как могли. А сейчас, лейтенант, может, без нас обойдешься?»

Это были бойцы в возрасте, из здешних мест. Наблюдая, как быстро наступают немцы, они решили отсидеться по домам. Вскоре все четверо незаметно исчезли. Оставшуюся роту вместе с ранеными я вывел к городу Венев.

Потом были бои за Тулу. Дивизия и наш полк понесли большие потери. Оставшихся в живых передали в другие части. Я был направлен командиром стрелковой роты в 878-й стрелковый полк 290-й стрелковой

дивизии все той же 50-й армии. В полку было всего две стрелковые роты численностью около 250 человек каждая.

Мое вступление в должность командира стрелковой роты совпало с началом нашего контрнаступления под Москвой и произошло на поле боя, когда рота вела наступательный бой за одно из сел Тульской области. С этой ротой мне пришлось освободить и другие населенные пункты, ходить в рейды по тылам врага.

Вспоминаю эпизод, показывающий, с каким серьезным противником нам приходилось сталкиваться. Возле станции Тихонова Пустынь вместе с немцами действовала финская дивизия. Мы взяли в плен трех финских солдат с подводами. А ночью нас внезапно атаковали.

Ярко светила луна. Между соснами в маскхалатах стремительно неслись финские лыжники, обходя на крутых поворотах деревья. Это была умелая и стремительная атака. Не будь у нас опыта боев, финны подмяли бы роту и уничтожили.

Быстро развернули пулеметы и открыли огонь едва не в упор. Стреляли из винтовок (автоматов было мало), бросали гранаты. Финские лыжники, оставляя на снегу трупы, так же быстро разворачивались и уносились прочь, огрызаясь огнем автоматов.

В тот раз все решали минуты. Если бы мы растерялись, то мало кто остался бы в живых. Финские штурмовые отряды не щадили русских. Трех плененных финских солдат мы расстреляли. Охранять их в условиях ночного боя не было возможности.

В декабре сорок первого года началось наступление наших войск под Москвой. Отступая, немцы угоняли население, а деревни сжигали. Зима в тот год была

морозная и очень снежная. Чтобы увезти свою технику, фрицы использовали гражданское население, в том числе женщин, подростков на расчистке дорог. Этим людям они уже не отпускали, а гнали дальше на запад.

Люди умирали от мороза, их не кормили, а тех, кто не мог двигаться, фашисты расстреливали с немецкой педантичностью выстрелом в затылок или добивали штыками. Расчищенные дороги представляли собой снежные туннели 2 — 3 метра высотой. Быстрое наступление наших войск заставляло немцев бросать грузовики, орудия, повозки. И рядом лежали трупы наших русских людей.

На одном, только что освобожденном участке, среди десятков расстрелянных мы увидели труп молодой женщины, прижимающей к груди ребенка. Неподалеку лежал изможденный старик в коротком порванном кожухе. Ветер шевелил его жидкую, торчавшую вверх бороденку.

Можно понять, с какой ненавистью мы преследовали отступающих фашистов. В период Московской стратегической операции с 5 декабря 1941 года по 7 января 1942 года были уничтожены или понесли тяжелые потери 38 вражеских дивизий, освобождены 11 тысяч населенных пунктов.

Не зря документальный фильм «Разгром немцев под Москвой» вызвал такой большой резонанс во многих странах, и в том числе в Германии. Разбитая техника, сожженные танки, тысячи обледеневших трупов несостоявшихся завоевателей. Это был мощный удар по Вермахту, который заставил задуматься многих немецких генералов о перспективах войны с Советским Союзом.

В одном из наступательных боев 23 января 1942 года я был тяжело ранен. Как написано в справке эвакогоспиталя ЭГ-3348 города Новосибирска, где я лечился: «сквозное пулевое ранение правого коленного сустава». В санбате и госпитале я пробыл без малого три месяца. После многочисленных просьб 13 апреля был выписан и назначен командиром роты противотанковых ружей в 315-ю дивизию, сформированную в городе Барнауле.

А вскоре начался новый этап моей фронтовой жизни — Сталинградская битва.

В июне дивизию на эшелонах перебросили в Сталинградскую область, а 16 августа маршем выступили на фронт, к Сталинграду. Каждый боец нагружен шинельной скаткой, вещмешком с боеприпасами, винтовкой, противогазом, а у меня в роте на плечах каждой пары бойцов — семнадцатикилограммовые противотанковые ружья. Гимнастерки мокрые от пота, серые от пыли. От усталости и недосыпания подкашиваются ноги.

Шагаю и я, опираясь на палочку после сквозного пулевого ранения в коленный сустав. Двигаться тяжело, болит, ноет недолеченная нога, кружится, гудит голова. Надо держаться, показывать пример, подбадривать бойцов, и приходится через силу, словно чугунную, тянуть негибачущую ногу.

Все чаще встречаются изнуренные люди, эвакуированные с прифронтовой полосы. Шли старики, женщины. Рядом с ними тянулись гурты скота. На скрипучих тележках, нагруженных скарбом, сидели дети. Немецкие самолеты бомбили и обстреливали этих людей с

не меньшей злостью, чем воинские части. Люди торпливо хоронили на обочинах погибших и продолжали свой путь.

Нашему батальону в ночь на 24 августа 1942 года было приказано занять оборону возле села Орловка. 23 августа немцы прорвали фронт на Дону и вышли к Волге, севернее Сталинграда, недалеко от того места, которое нам предстояло оборонять. В тот же день, 23 августа, Сталинград подвергся невиданной за всю войну бомбежке. Немецкие самолеты налетали сотнями, целый день, меняя друг друга. За день погибло, по разным данным, от 40 до 60 тысяч мирных жителей.

На рассвете батальон пошел в наступление. Роты продвигались вперед короткими перебежками. По нам открыли огонь, едва мы поднялись. Но если вначале это были редкие пристрелочные выстрелы, то вскоре взрывы густо накрыли цепи. Огонь усиливался, над полем неслись пулеметные трассы.

Бойцы падали один за другим. Погибли наш комбат и его заместитель. Вместе с начальником штаба Ивановым и командиром пулеметной роты Титоренко мы решили до конца боя никому не сообщать об их гибели. Все приказания отдавались нами от имени командира батальона, мы втроем руководили боем.

Немцы, не выдержав натиска, побежали. Батальон ворвался в покинутые траншеи, где оставались лишь трупы. Их было не так и много, зато наша лобовая атака, как всегда, обернулась большими потерями. И тем не менее заметно поредевшие цепи продолжали атаку.

Фрицы открыли заградительный огонь. Кто видел сплошной частокол гаубичных и минометных разры-

вов, да еще в два-три ряда, знает, что это такое. Оседает на землю клубы одних взрывов, а в полусотне метров стеной поднимается следующая стена земли и осколков.

А тут еще начались несчастья с бутылками горючей смеси (КС), которые многие бойцы несли в карманах брюк. При попадании пули, осколка или просто от удара о землю при перебежке бутылка разбивалась и вспыхивала. И ничто не могло спасти человека от мучительной смерти.

Люди, облитые густой липкой жидкостью, которая способна плавить металл, бежали, как горящие факелы, катались по земле, но огонь сбить было невозможно. Многие торопились избавиться от бутылок с КС, хотя это было, по сути, единственное эффективное средство против танков. Я приказал собрать все бутылки в ящики, которые бойцы тянули с помощью обмоток вслед за наступающими.

Чтобы задержать наши цепи, немцы вызвали авиацию. Сопровождаемые воем сирен самолеты один за другим пикировали, обстреливая ничем не защищенных бойцов из пулеметов и засыпая нас бомбами. Однако наступление продолжалось. И тогда против нас бросили танки. Они медленно надвигались справа, со стороны Волги по открытой степи.

В батальоне имелись лишь противотанковые ружья (ПТР) и минометы. Танки шли, непрерывно обстреливая нас из пушек и пулеметов. Ровная степь, редкие балки и грохот приближающихся машин. Несмотря на замешательство, огнем из противотанковых ружей мы сумели подбить два танка.

Нам прислали на подмогу батарею 45-миллиметровых пушек. Их снаряды, огонь ПТР и минометов

заставил танки отступить за железнодорожную насыпь. Ценой больших потерь батальону удалось захватить несколько высот и выйти к железнодорожному полотну, но дальше мы продвинуться не могли.

Полегла почти половина личного состава батальона. Кроме комбата и его заместителя погибли командиры двух пехотных рот. Большинство взводных тоже погибли или получили ранения. Командир шестой роты старший лейтенант Бедняков принял командование батальоном, но вскоре был тяжело ранен. 27 августа в командование батальоном вступил я.

24 августа и несколько последующих дней полк 10-й дивизии войск НКВД, 2-я мотострелковая бригада и наш батальон при поддержке артиллерии сумели оттянуть на себя значительные силы противника. Немцы на этом участке не смогли ворваться в Сталинград и каждый раз были вынуждены применять авиацию, бросать по 20—30 танков и большое количество пехоты.

Но об этом я узнал гораздо позже, из книги «Сражение века» командующего 62-й армией маршала Чуйкова В. И., где он пишет: «Севернее города 23 августа гитлеровцы вышли к Волге, но захватить северную часть Сталинграда им не удалось. Поселки Рынок, Спартановка, Орловка, где была своевременно организована оборона, стали неприступной преградой... Здесь фашисты в город не прошли».

В ночь на 27 августа ко второму батальону подошел весь наш 724-й полк. Готовилось новое наступление. Ближился рассвет. Батальоны заняли исходные позиции, используя старые окопы, воронки от бомб.

Местность северо-западнее Орловки впереди была совершенно открытой. Хорошо просматривались опорные пункты противника.

Приготовления к атаке не остались незамеченными, немцы открыли сильный огонь из минометов. Появились раненые, убитые. Рано утром наши артиллеристы и минометчики начали артподготовку. Полку были приданы два артиллерийских дивизиона, и артподготовка была довольно мощной. Немцы ослабили огонь.

И вот атака. Сибиряки ворвались в окопы первой оборонительной линии. По всему фронту полка шли рукопашные схватки. Вскоре мой второй батальон во взаимодействии с 26-й танковой бригадой почти полностью очистил от врага высоту. Первой ее достигла 6-я рота политрука Ралдугина. Немцы сопротивлялись упорно, их приходилось забрасывать гранатами, добывать штыками и прикладами, отвоевывая окоп за окопом. Противник перешел в контратаку. Замолк наш пулемет. Ралдугин сменил убитого пулеметчика и заставил фрицев залечь.

Пятая рота лейтенанта Петренко овладела западными скатами высоты и залегла. Вел огонь закопанный в землю тяжелый танк Т-4 и небольшой заслон немцев. Если заслон мы сумели загнать на дно траншеи пулеметным огнем, то Т-4 с усиленной броней не давал атакующим подняться.

Немногие «сорокапятки» и полковые пушки действовали на другом участке, а противотанковые ружья оказались бессильны. Танковая 75-миллиметровка била по вспышкам. Один из снарядов прямым попаданием угодил в окоп бронейщиков. Оба красноармейца из расчета были убиты, а исковерканное ружье отбросило на несколько метров.

Петренко, молодой лейтенант, мог послать кого-то из бойцов, но, сунув в карман две бутылки с горючей смесью, пополз сам. Сумел приблизиться к корме тан-

ка и поджечь его. Лейтенанту с пистолетом пришлось туго, экипаж Т-4 составлял пять человек.

Стреляя в упор, он уложил двоих танкистов, трое оставшихся залегли в стороне и открыли ответный огонь. Увидев поднявшихся в цепь наших бойцов, танкисты скрылись. Танк горел, как скирда соломы, облитая бензином, затем взорвался боезапас, а башню отбросило в сторону.

Сам Петренко был тяжело ранен. Лейтенанту помогла выбраться совсем юная санитарка Маша Меркулова. Позже она попала под автоматную очередь и погибла.

По своей ожесточенности бои под Сталинградом в те последние дни августа превосходили то, с чем мне приходилось сталкиваться раньше. Бомбежки, артиллерийские удары, снова пикирующие прямо на тебя «Юнкерсы». Немцы рвались к Сталинграду, используя все накопленные силы. В течение 27 августа полк несколько раз бомбили и обстреливали самолеты. Порой группы «Юнкерсов» достигали 15—20 штук, их поддерживали «Мессершмитты». наших самолетов практически не было.

Немцы не могли смириться с потерей важных опорных точек. Сильной бомбежке подвергались отвоеванные сибиряками высоты и отроги балки Водяной, где скопилось много раненых. Через некоторое время слышались крики: «Танки с фронта!»

Около пятидесяти машин с десантом пехоты приближались к позициям наших двух батальонов. Вой пикирующих бомбардировщиков, гул танковых моторов, взрывы бомб и снарядов слились в сплошной грохот. Казалось, не хватит сил, не выдержат нервы, чтобы отразить такой удар.

Наши батареи открыли огонь по танкам, подбили и подожгли семь из них. Но остальные продолжали двигаться, расчищая путь пехоте. 45-миллиметровые орудия расстреливали танки прямой наводкой. Все же часть танков с пехотой вклинились в оборону. Бой распался на отдельные очаги, где происходили жестокие схватки, исход которых зависел от стойкости расчетов, отделений, взводов, а подчас и отдельных бойцов. Сменив убитого первого номера противотанкового ружья, я сам стал вести огонь, целясь в уязвимые места. Один из танков мне удалось подбить.

Это был Т-3 с 50-миллиметровой пушкой. Его пытался оттащить на буксире другой танк. Сразу несколько противотанковых ружей открыли такой плотный огонь, что оба танка загорелись.

Среди горящих танков началась рукопашная схватка с немецкой пехотой. Слово «Сталинград» значило для нас много. Захватить город и позволить немцам переправиться на левый берег мы не имели права. Хотя из-за потерь прекратилось наступление, но отбросить нас фрицы не смогли.

Я описываю сухую хронику тех ожесточенных боев. Конечно, каждый хотел перехитрить смерть, многие переживали больше за свои семьи, чем за себя. Но обстановка была такая, что вникать в собственные переживания было невозможно. Приказ № 0227 от 28 июля 1942 года четко определял наши действия своим названием «Ни шагу назад!». Да и куда отступать? Позади была Волга.

Кто-то подсчитал подбитые и сожженные за день немецкие танки. Их было двадцать и несколько бронетранспортеров. Тела наших погибших бойцов лежали вперемешку с трупами немцев, которые так и не дошли до Волги.

Фронт обороны 724-го полка сократился до трех километров, боевые порядки батальонов уплотнились. В ту же ночь на 28 августа мы получили пополнение — 600 человек. Правда, бойцы были обучены наспех. Мой второй батальон передал свои позиции 26-й танковой бригаде и получил новый участок обороны левее.

Опять долбили твердую землю, отрывали окопы, оборудовали новые огневые позиции. Волновали большие потери людей, особенно среди командиров взводов и рот. Хотя немцы лишились многих своих огневых точек и постоянно находились в ожидании нашего наступления, численное превосходство в силах и средствах оставалось на их стороне.

Двадцать восьмого августа батальону пришлось отражать контратаку врага, а перед рассветом 29 августа началась наша артподготовка. Как только артиллеристы и минометчики перенесли свой огонь на гребни высот, стрелковые роты броском ворвались в окопы врага.

Нам было приказано взять высоту 147,6. Одна из десятков безымянных высот, которую оседлали немцы и прицельно обстреливали наши части. Две роты медленно и упорно охватывали ее с флангов. Мы все же взяли эту высоту. Но какой ценой — трудно сосчитать.

Последующие дни были заполнены непрерывными боями. Нас перебросили на другой участок. И снова атаки и бомбежка с воздуха. Седьмого сентября (запомнился этот день!) полк бомбили с утра и до темноты. Порой одновременно в воздухе висело до 40 самолетов. Били не только по артиллерии, технике, но и, ликируя, обстреливали из пулеметов одиночные окопы. А в перерывах снова начинались атаки, которые мы отбивали.

Не могу не рассказать о тяжелом для меня и для батальона дне — 9 сентября 1942 года. Одновременно с артиллерийским огнем налетали группы по 20—25 самолетов. От разрывов бомб и снарядов земля ходила ходуном, обваливались стенки траншей, многие бойцы были контужены или оглушены. Ведь что такое стокилограммовка, врезавшаяся в землю и рванувшая на глубине четырех метров? Даже на полста шагов, когда ты лежишь в укрытии, человека подбрасывает, бьет о землю. Летели вниз и «подарки» солиднее — по двести пятьдесят и пятьсот килограммов!

И все это с воем сирен и пулеметной трескотней. Дым и пыль клубилась огромными вихрями. Пушек уцелело немного, а на нашем участке вообще считанные единицы. Снарядов не хватало, и я еще с ночи приказал заминировать подходы оставшимися противотанковыми минами вперемешку с бутылками КС.

Обычно немцы действовали осторожно, но здесь они, что называется, нарвались. В атаку шли около 40 танков. Немцев подгоняли, потому что в Германии уже объявили о взятии Сталинграда. Пять танков подорвались на минах и горели от воспламенившейся жидкости. Открыли огонь броней бойщики. К лету — осени сорок второго года броня большинства немецких танков была усилена. Броней бойщикам, чтобы поразить цель, приходилось стрелять с расстояния и 200, и даже 100 метров, стараясь попасть в борт, моторную часть, в гусеницы. Те, у кого не выдерживали нервы и начинали стрелять раньше, попадали под огонь немецких орудий.

Политрук роты ПТР Николай Демидов и броней бойщик Сайдулаев, подпустив танки поближе, сумели подбить две машины. Танки, облитые горячей жидкостью

из взорвавшихся бутылок КС, заставили остальные машины попятиться назад. Об этой уловке с минами и бутылками с горючкой до сих пор вспоминают на своих встречах ветераны 315-й дивизии.

Все же прорвавшаяся на бронетранспортерах пехота достигла окопов второго батальона. Завязалась рукопашная схватка. Санитарка Люда Андреева бросилась с саперной лопаткой на спрыгнувшего в окоп немецкого офицера. На помощь ей кинулся старший лейтенант Александров, учитель математики из Барнаула. Но не успел. Офицер в упор выстрелил в Андрееву. Александров выбил у немца пистолет, но и сам выронил свой «ТТ». Двое сцепились мертвой хваткой, и каждый знал, что исходом ее может быть только смерть одного из них. Чувствуя, что ему не осилить молодого тренированного фрица, сорокапятилетний Александров зубами вцепился ему в горло и все же одолел.

Оставив за себя начальника штаба батальона, я собрал связистов, пулеметчиков и стрелков, занимавших оборону вокруг НП батальона, и повел их в контратаку, чтобы выбить прорвавшихся немцев. Со мной бежали примерно сорок человек. Ценой новых потерь мы сумели выбить в рукопашной схватке фрицев из траншеи. Обессиленные и физически, и от нервного переутомления бойцы валялись с ног. Всех мучила жажда, но воды не было даже для раненых.

Каждый из этих сентябрьских дней был похож один на другой. Артиллерийский огонь, немецкие самолеты, атаки и контратаки. На одном из участков обороны бойцы через каждые 20—30 метров копали одиночные окопы для стрельбы стоя, используя воронки от бомб

и снарядов. Для более плотной обороны людей не хватало. Погибает кто-то из красноармейцев и возникает никем не прикрытое пространство в полста метров.

А если убьет двух-трех человек? Это уже готовая брешь — жди прорыва фрицев. Пока находил замену, сам прикрывал «коридор» ручным пулеметом. Кому-то эта хроника августа-сентября 1942 года покажется скучноватой. Просто я хочу рассказать, что значил тогда для фронта и для нас Сталинград. За Волгой земли нет. Может, звучит несколько с пафосом, но так и было на самом деле.

12 сентября стал одним из самых тяжелых дней в моей жизни. В батальоне осталось около 120 человек. Весь день шел бой. Особенно запомнился мне коренастый боец из роты ПТР — Сайдулаев Танибек.

Меткий стрелок, он обращался с громоздким противотанковым ружьем, как с игрушкой. За время боев он подбил пять немецких танков, результат почти немыслимый для бронебойщика. Его ранило в обе ноги, и он приполз ко мне доложить, что противотанковое ружье разбито, а напарник погиб.

Я был поражен и смотрел на него, не находя слов. Передо мной был человек, которых называют героями. Обе ноги его были неестественно вывернуты, все в крови. Его угнетало, что убило помощника, а он, раненый, приполз без ружья и не может встать перед своим командиром. Такого бойца следовало представить к самой высокой награде, но тогда было не до наград. Некогда нам было заниматься этим вопросом. Его отнесли в санбат, ампутировали обе ноги, а затем переправили в госпиталь за Волгу. Хочется верить, что Сайдулаев выжил и вернулся домой.

А в тот день остатки батальона снова отражали танковые атаки. Я насчитал 25 танков. У нас оставались три противотанковых ружья и две «сорокапятки». Ну, еще гранаты и бутылки с горючей смесью. Четыре танка сумели подбить артиллеристы.

Несколько машин начали утюжить окопы, в них полетели бутылки с горючей смесью. Отступить было некуда. Подожгли три танка, остальные отползли. Зато активно наступала пехота, начались рукопашные схватки. Человек пятьдесят фрицев окружили наблюдательный пункт батальона. Мы могли бы пробиться к ротам, но в это время тяжело ранило комиссара батальона Умрихина. Передвигаться самостоятельно он не мог. Я не мог оставить своего боевого товарища и комиссара в беде и решил отстреливаться до конца, рассчитывая на помощь командиров подразделений и на счастливый случай.

Вскоре два автоматных диска опустели. Чтобы не попасть в руки врага живым, я оставил два патрона в пистолете — для себя и Умрихина. Вдруг рядом раздался оглушительный взрыв. Перед глазами пошли круги, все затуманилось. Я пришел в сознание уже в санроте. Комиссар Василий Леонтьевич Умрихин был убит. Позже я узнал, что из двух тысяч личного состава полка уцелело всего 270 человек.

Я описываю свой военный путь с 1941 года. Бои под Сталинградом заняли в моей биографии совсем небольшой период, с 23 августа по 12 сентября. Это было начало Сталинградской битвы, которая будет продолжаться еще четыре с половиной месяца.

Уже другие полки и батальоны станут оборонять узкую полосу волжского берега, а в Берлине будут не

раз повторять, что Сталинград взят. Однако закончится сражение разгромом 6-й армии фельдмаршала Паулюса и трехдневным трауром по убитым и попавшим в плен немцам.

Сталинград по праву остался в истории. Он действительно стал переломом в войне. Немецкие войска наткнулись на силу, которая впервые оказалась им не по зубам. Сколько бойцов и командиров остались в живых в нашем 724-м полку и батальоне после трех недель боев? Десять-пятнадцать процентов.

«Он прошел Сталинград!» — так будут говорить о бойцах и командирах, воевавших под Сталинградом и продолжавших свой боевой путь в сорок третьем, сорок четвертом, сорок пятом годах. Эти слова станут боевой характеристикой человека и будут цениться не меньше ордена. Орденами и медалями нас тогда не баловали.

После Сталинграда я воевал на Северо-Кавказском фронте, а затем в 33-й армии, в отдельном штурмовом батальоне под Оршей, где участвовал в прорыве глубоко эшелонированной обороны немцев. К этому прорыву наш батальон готовился целую неделю, довольно долго, по меркам военного времени.

Был конец октября 1943 года, уже выпал глубокий снег. Поверх телогреек и ватных брюк мы надевали стальные пластины толщиной миллиметров пять. Получался панцирь, тяжелый, сковывающий движения. Дело это было новое, предполагалось, что пластины защитят от пуль и осколков.

Поверх панциря надевалась шинель. Тренировки проводились в условиях, максимально приближенных к боевым. Бойцы кроме винтовок несли по 180 патро-

нов, две гранаты, вещмешок с запасным бельем и мелким скарбом. Поверх этого надевали белый маскировочный костюм.

За день проводили 4—5 учебных атак, больше не позволяло светлое время. Какой бы ни был мороз, но пот с нас лился градом. Дотащишь ноги — скорее бы поужинать и отдохнуть. Но предстоял еще «разбор полетов». Хотя и бурчали на такую нагрузку, но понимали, что так и должна вестись подготовка.

За неделю действия батальона все больше оттачивались. Стальные пластины уже не казались такими тяжелыми, а 600 метров заснеженного поля мы преодолевали с маху, понимая, что в быстроте и четкости залог успеха и спасение многих жизней.

Перед наступлением резко потеплело. Стоял туман, моросил мелкий дождь, а мы шли ночью к линии фронта по раскисшему снегу в валенках. На рассвете 5 ноября 1943 года началась артподготовка. Туман немного рассеялся, и вступила в действие наша авиация. Огонь артиллерии был такой плотный, что один из самолетов был подбит снарядом нашего орудия.

Артподготовка еще продолжалась, когда нам дали сигнал к атаке. Снег почти полностью растаял, и бежать было легче, хоть и в мокрых валенках. Белые маскхалаты приказали снять еще в окопах. На бегу мы сбрасывали шинели, а затем и панцири. Они слишком сковывали движения.

Из первой линии траншей немцы отошли, а во второй приняли бой. Из-за того, что делали перебежки по грязи, отказали часть автоматов и пулеметов. Зато трехлинейки действовали безотказно, и немцев мы выбили. Они отступили, бросив и третью линию траншей, а мы бежали к постройкам станции Орша.

Достигнув железнодорожных путей, остановились. Мы прошли на три километра больше, чем было определено приказом. Немцы вели сильный огонь, мы почти сутки находились на ногах, но присесть и отдохнуть было невозможно. Кругом вода и жидкая грязь. Хуже всего, что кончались патроны.

Уже начало темнеть, когда появилась группа людей в серых шинелях с бело-синими нашивками на рукавах. Власовцы! Они открыли огонь из немецких автоматов. Забыв про усталость, мы, расстреливая последние патроны, кинулись на власовцев. Это были не просто враги, а предатели. Я увидел их на фронте впервые, дрались с ними насмерть. В плен никого не брали, да они и сами не просили пощады.

В составе 757-го полка 33-й армии мы освобождали Белоруссию, ее столицу — Минск, превращенный в руины. Три года Минск был в руках немцев. Правильнее сказать, фашистов. Сколько людей было здесь уничтожено! Жители встречали нас со слезами.

Позже были бои в Литве, форсирование Немана, захват плацдарма на правом берегу. 11 августа 1944 года я был тяжело ранен. Пуля меня не пощадила. «Огнестрельный перелом кости правой голени» — так значилось в справке эвакогоспиталя № 4110, где я проходил лечение с 1 октября до 15 декабря.

Разбитая кость, осложнение, повторные операции. Лечился я в общей сложности четыре месяца, но рана заживала плохо из-за остеомиелита. Я был признан негодным к строевой службе и направлен командиром отдельной стрелковой роты при военной комендатуре города Гинденбурга.

Должность вроде и нестроевая, но пришлось участвовать в боях и уничтожать отдельные группы фашистов, в том числе полицаев, власовцев. Кроме того,

мы работали в районных комендатурах. Немцы, уходя, оставляли подпольную сеть, с которой боролись особысты, сотрудники комендатур. Это были далеко не «киношные» шпионы. Один из немецких офицеров, пойманный с радиопередатчиком, покончил с собой у нас на глазах, вскрыв себе вены стеклом от собственных очков. Его не успели даже допросить.

Не забыть день Победы. Мы не спали несколько ночей, так как ожидали прорыва отряда эсэсовцев, полицейав с Украины, власовцев. Отряд так и не появился, а днем 9 мая я услышал артиллерийский грохот. Стреляли наши пушки. К командному пункту бежал старшина роты и палил вверх из пистолета.

— Ура, победа! Победа!

День 9 мая был ярким и теплым. Мы победили! Бойцы обнимались друг с другом, у кого-то текли слезы.

Хочется добавить, что свою будущую жену Надю Ильину я встретил в госпитале в Караганде. Случайно поймали взгляды друг друга и уже не могли расстаться. 30 декабря 1944 года, находясь в отпуске, отпраздновали свою свадьбу.

В мае 1946 года у нас родился первенец Александр, а в 1950 году — второй сын, Володя. Надя умерла от тяжелой болезни 29 декабря 1998 года.

После окончания Великой Отечественной войны я окончил высшую офицерскую школу в городе Ленинграде, служил на разных должностях в Советской Армии в Белоруссии, на Крайнем Севере, в Прибалтике, на Чукотке и других гарнизонах страны. Выполняя обет, данный себе еще в 1942 году в боях под Сталинградом,

после увольнения в запас приехал на постоянное местожительство в Волгоград.

Какие имею боевые награды? Ордена: Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За освобождение Белоруссии».

До сих пор болезненно переживаю смерть жены. Ведь мы с Надей счастливо прожили пятьдесят четыре года. Помогают сыновья, внуки. Много занимаюсь общественной работой. Являюсь членом Совета ветеранов, возглавляю Волгоградскую городскую общественную организацию «Клуб защитников Сталинграда».

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО ПАРАДА ПОБЕДЫ

Эти переправы и мосты мне до сих пор снятся.

Темная быстрая вода, скрепляем понтоны или забиваем сваи. Товарищ рядом в воду упал, только всплеск. Еще одного накрыло взрывом. А ты работаешь. Срочно нужна переправа. «Скоро закончите?» — кричат.

Иванов А. П.

Сержант Иванов Андрей Павлович всю войну служил сапером. Длительное время командовал штурмовым отделением. Штурмом, под огнем и бомбежкой наводил переправы и мосты. Ходил в атаку, занимался разминированием минных полей. Начав свой боевой путь со Сталинграда, участвовал в Параде Победы 24 июня 1945 года. Высокий, подтянутый, он рассказывает мне о реках и плацдармах, где пришлось воевать.

— Везло мне. Я ведь «в рубашке» родился. А ситуации складывались такие — не верил, что домой живым вернусь. Но отвоевал и закончил войну на реке Нейсе в Германии в феврале сорок пятого...

Родом я из села Солодники, расположенного в 70 километрах южнее Сталинграда. Отец и мать — колхозники, а детей в семье было четверо: Николай 1918 года рождения, я, 1924 года, и две младшие сестренки.

Семья была большая, жили вместе 13 человек (родители, дядя с семьей) в небольшом домишке, где даже места для кроватей не хватало. Позже дядя отделился, и стало посвободнее. Жили, если прямо сказать, бедновато. Помню, в конце года отец с матерью получали на трудодни мешка два пшеницы и ржи. Хотя мама работала на бахчевых плантациях, ни арбузов, ни дынь нам не полагалось. Все уходило в город.

В основном кормились своим хозяйством. Осенью собирали мешков 20 картошки, хорошо росли помидоры, капуста и другие овощи. Выручал также фруктовый сад. Имелась корова, но по налогам сдавали 200 литров молока в год, так что не очень это было выгодно. Имелись также куры, 5—6 овец. Мясо ели редко, в основном зимой. Хлеб пекли в домашней печи, вкусный, с хрустящей корочкой.

Кроме зерна, которого на семью не хватало, колхоз выделял участок для сенокоса. Какое было отношение к колхозу? Как ни странно, нормальное. Крестьяне вообще терпеливый народ, видели, что другого выхода нет, и работали в колхозе добросовестно. Хоть мало, но что-то получали.

Еще в семье имелся бредень. В пойме было много озер, и рыбой мы семью снабжали неплохо: щука, карась, окунь, тарань. Крупная рыба редко попадалась, но хватало и этого. Варили уху, жарили, солили.

К зиме готовились основательно. Квасили большую бочку капусты, мочили яблоки, подкупали зерно, муку. Так и жили, помогая друг другу. В селе хорошие люди, всегда можно рассчитывать на помощь. Об электричестве мы тогда и не слышали. Автомашин и велосипедов тоже не было.

Несколько слов насчет религии. В 1930 году церковь в селе разрушили. В доме у нас висела икона, но

молились в основном мама и бабушка. Остальные относились к этому вопросу равнодушно. Взрослые мужчины и парни работой загружены (не до молитв), ну, а меня в школе учили, что Бога нет.

Так что острой проблемы с этим вопросом не было. Мол, большевики молиться запрещали, а народ страдал и был очень недоволен. Это не совсем так. Жизнь в селе нелегкая, работали с утра до вечера. Ходить по церквям да Богу кланяться — просто некогда. Если сам не поработаешь, никакие молитвы не помогут. Но главный церковный праздник, Пасху, отмечали весело, с размахом. Правда, чему она посвящена, я толком не знал.

Война обрушилась внезапно. Запомнился жаркий воскресный день, когда люди молча слушали речь Молотова. Хотя радио имелось лишь в сельсовете и газеты мало кто читал, но кое-какие слухи просачивались. Что немец собрал большую армию у границы. Но ведь и японцы не меньшую армию на Дальнем Востоке держали.

Многие верили в договор между СССР и Германией о ненападении. Старики, воевавшие в Первую мировую, качали головами и относились к немецким заявлениям недоверчиво. В любом случае настрой (особенно среди молодежи) был такой: если кто полезет, дадим такой отпор, что больше нападать никто не захочет.

Но война шла совсем не так, как ожидали. Красная Армия отступала. Забрали на фронт моего старшего брата, пропал без вести брат отца. Ну, а я вместе с другими сельчанами был мобилизован в августе 1941 года на рытье противотанковых заграждений. Было мне тогда 16 лет.

Копали возле села Трудолюбие (километров 30 от окраины Сталинграда) огромные рвы. Можно сказать,

что включился я в оборонительные работы за год до Сталинградской битвы. Трудились от рассвета до заката, а зимой и в темноте. Раза два-три налетали немецкие самолеты, сбрасывали бомбы, обстреливали людей из пулеметов.

Ну, это редко случалось, а работа была выматывающая. Жили в небольших палатках, утепляли их камышом, бурьяном, согревали друг друга, сбившись в кучу. За полгода ни разу не побывал дома. В феврале, прожив целую зиму в нетопленной палатке, сильно простыл. Лишь тогда отпустили домой. Долго мама меня выхаживала, пока в себя приходил. Понемногу оклемался, затем работал какое-то время в колхозе. В начале августа 1942 года нас, человек двадцать парней из села, призвали в армию.

Мне тогда еще и восемнадцати лет не было, но на это никто не смотрел, бои шли в 50—60 километрах от наших мест. На сборном пункте собралась вся родня. Матери плакали и, обняв нас, не хотели отпускать. Вернее, пытались продлить минуты прощания. У бойцов и командиров, приехавших за нами, не выдерживали нервы. Они силой построили группу и торопливо увели.

Я был зачислен в саперную роту 178-го стрелкового полка, который располагался в селе Капустин Яр, в 60 километрах от Сталинграда, на левом берегу Волги. Учеба длилась недолго. В Сталинграде шли сильные бои, и занимались мы «саперной наукой» с утра до вечера. Времени на раскачку не было.

В один из октябрьских дней нашу роту под командованием лейтенанта Дешина подняли по тревоге. Перед выходом командир полка сказал:

— Саперы! Получен приказ о нашем выступлении на помощь осажденному Сталинграду. Не посрамите честь полка.

Рота была вооружена винтовками, имелся запас патронов, противогазы, сухой паек (в основном сухари). С собой несли пилы, ломы, лопаты. Что нам предстоит, мы не знали. Также мало знали о положении в Сталинграде, о том, что бои идут на узкой полоске правого берега шириной метров двести.

Пешим ходом дошли до поймы. Уже стемнело, но вся западная половина неба была охвачена заревом. Через густой пойменный лес мы не видели ни города, ни Волги, зато отчетливо слышали канонаду, взрывы снарядов. Все сливалось в сплошной гул, от которого дрожала земля.

В темноте мы шли сквозь лес по левому берегу Волги. До сражающегося города было с десяток километров. В отдельных местах отчетливо виднелось пламя пожаров. Немцы непрерывно запускали осветительные ракеты.

Несмотря на то что за день одолели 60 километров, отдохнуть нам не дали. Всю ночь мы рыли глубокие ниши — капониры, как позже выяснилось, для реактивных установок БМ-12 (знаменитых «катюш»). Утром, выполнив работу, без сил свалились на землю и заснули. Так началась наша трехмесячная саперная работа рядом со сражающимся городом.

Мимо нас шли к Сталинграду новые и новые части. Пехота с легкими орудиями переправлялась через Волгу, а тяжелая артиллерия и «катюши» оставались в пойме и отсюда вели огонь. Что можно сказать о том периоде?

Дни и ночи сливались в сплошную череду. Работали в любую погоду и по 12, и по 14 часов, случалось, сутками напролет. К ноябрю листья с деревьев опали, «катюши», сделав залп, сразу меняли позиции. Артиллеристы хорошо знали, что через полчаса, а то и раньше,

жди налета немецкой авиации. Наблюдение и связь у фрицев были налажены четко, а самолетов хватало.

Машины, покинув линию огня и отъехав на какое-то расстояние, ныряли в выкопанные нами капониры. Хотя рыли мы глубокие укрытия, но «катюши» на базе машин ЗИС-5, да еще с массивными рамами — направляющими, полностью укрыть было невозможно.

Конечно, капониры маскировали, как могли, тем более за «катюшами» и артиллерией шла постоянная охота немецкой авиации. Обычно налетали группы 3—4 бомбардировщика «Юнкерс-87» в сопровождении «Мессершмиттов». Доставалось и нам, саперам. Особенно много налетов было в октябре-ноябре сорок второго года.

Первое время нам самим не хватало опыта быстро укрыться от налетевших самолетов. За неделю от осколков и пуль погибали и получали ранения 5—6 человек из роты. Конечно, нас выручал лес, но «Юнкерсы» пикировали низко и умели находить цель. Помню, мы укрылись втроем за уже облетевшим кленом, бомба взорвалась шагах в двадцати.

Нас разбросало взрывной волной, сверху сыпались сломанные и срезанные осколками ветки. Одного молодого парня, моего земляка, который лежал на другом конце поляны, подкинуло и ударило о землю. После налета мы подошли к нему, он был мертв, отбило внутренности.

В другой раз пара «Мессершмиттов» буквально накрыла нас веером трассирующих снарядов и пуль. Повезло тем, кто спрятался за деревья, но часть бойцов лежали среди травы. Мы слышали шлепки пуль о человеческие тела. Один сапер был убит, второму прошило ноги. Я вполне мог оказаться на их месте, но мне повезло.

Все это рождало ненависть к фашистам, ведь гибли друзья. Не помню, чья была инициатива, но вскоре мы стали не просто прятаться, а встречать самолеты огнем из винтовок. Высунешься из-за дерева и бьешь навскидку.

Хвалиться зря не буду — ни одного самолета мы не сбили. Но огонь нескольких десятков винтовок все же заставлял немцев менять курс, шарахаться. Некоторые пули чиркали по бронированному брюху и рикошетили. Попасть в «Мессершмитт», который проносился на скорости 600 километров, было почти невозможно. Но мы не хотели быть мишенями, тем более в ноябре началось наступление наших войск и настроение у всех было приподнятое.

Пойма сплошь прорезана довольно глубокими ериками, шириной и 10, и 30 метров. Приходилось строить много мостов для быстрой передислокации «катюш» и артиллерии. Дело непростое, учитывая, что в пойме Волги растет много кленов, дубов, вязов, которые мало пригодны для строительных работ. Деревья рубили и приносили к ерикам порой издалека. Вбивали опоры в илистое дно, подбирали стволы подлиннее, закрепляли их и делали настил.

Глубокой осенью низменность Волго-Ахтубинской поймы раскисала и превращалась во многих местах в болото. Это затрудняло продвижение наших войск к Сталинграду, мешало передислоцировать «катюши» и тяжелые орудия, ведущие огонь по немецким позициям.

Приходилось рубить большое количество деревьев и делать поперечный настил шириной метров пять и длиной по несколько сот метров, а то и по километру (тоже своеобразный мост). Обуты мы были в ботинки

с обмотками и вскоре, сами того не замечая, ходили мокрые по колению.

Строили иногда ложные артиллерийские позиции. Очень старались, чтобы орудийные окопы и деревянные пушки были похожи на настоящие. Труды наши даром не пропадали. Мы с удовольствием наблюдали, как, обнаружив «русскую артиллерию», немцы обрушивали на нее с высот на правом берегу десятки снарядов.

Очень они старались стереть эти «батареи» с лица земли и боеприпасов не жалели. Приятно было осознавать, что мы отвлекаем внимание немцев от наших артиллеристов. Но такие «игры» тоже были опасные. Однажды, едва закончив работу, собрали инструмент, отошли шагов на двести, сели перекурить.

А с правого берега уже летят немецкие фугасы и осколочные снаряды, калибром не меньше 105 миллиметров. Бежать было нельзя, залегли в ложбинах и среди деревьев. И хотя фрицы били по «батареям», разброс снарядов был велик. Некоторые взрывались в 20—30 метрах от нас. Осколки свистели над головой, впивались в деревья, срезая мелкие и крупные ветки. Повезло в тот раз, никого не задело. Переждали обстрел и двинулись к месту сбора.

Я не буду сравнивать наши условия с той смертельной опасностью на передовой, но и нашей саперной роте доставалось достаточно тяжестей в обороне Сталинграда. Теряли убитыми и ранеными друзей. Жили все три месяца, включая декабрь, в неотопливаемых палатках, сбиваясь в кучи и грея друг друга телами. Утром выбираешься наружу, руки-ноги не гнутся. Ничего, терпели, работали.

Кормежка была такая. Примерно через день приезжала кухня, и мы получали порцию жидкого пшеничного

супа с мелкими зелеными помидорами. Мясо и жир в нем почти не наблюдались. Остальное время питались всухомятку. Порцию хлеба, 800 граммов, получали ежедневно, а воды кругом хватало. Хлеб да вода — чем не еда! Так три месяца и прожили.

Хотя мы в боях не участвовали, но оставили в пойме могилы погибших ребят, кто-то лежал в госпиталях с тяжелыми ранами. Мы внесли свою посильную долю в оборону Сталинграда. Отсюда начался наш военный путь, а медаль «За оборону Сталинграда» я всегда ношу с гордостью.

В декабре 1942 года наш полк начал марш на юго-запад. В лицо дул холодный ветер, а разбитый снег под колесами нагруженных телег казался сыпучим песком. В нем мы утопали по щиколотку, а порой по колени. Единственным светлым пятном было то, что путь пролегал мимо моего родного села. Командир роты отпустил меня на ночь к семье. Надо ли говорить, какой неожиданной радостью стала эта встреча!

Вся семья не спала ночь, мы не могли наговориться. Мама напекла свежего хлеба в дорогу, проводила меня до избы, где ночевал командир, и мы простились. Я уходил, не оглядываясь, чтобы не видеть ее слез. Надолго ли? Лучше не загадывать. Казалось, под Сталинградом я уже нагляделся много страшного, но впереди была целая война.

Шли, поднимаясь еще до рассвета и захватывая кусок вечера. Дни в декабре — короткие. Четыреста километров до слободы Николаевская прошагали практически без отдыха. Несколько раз видели немецкие самолеты, но им было не до нас, в Сталинграде добивали 6-ю армию Паулюса. В конце февраля, когда уже закончилась Сталинградская битва, я вместе с группой

бойцов был переведен в 240-й отдельный моторизованный инженерный батальон под командованием майора Киневского.

Под Ростовом шли сильные бои, нам дали приказ навести переправу через Дон. Здесь я понял, что такое построить переправу под огнем противника. Я был во второй роте, которой командовал капитан Сытник, опытный инженер и сапер лет пятидесяти. Тогда же я получил звание «младший сержант» и был назначен командиром отделения.

Работу по наведению переправы начали 1 марта 1943 года. В одном из заливов Дона немцы, отступая, оставили тяжелые понтоны и другое оборудование. День выдался по-весеннему теплым и безоблачным. Только радости от этого было мало. Сверху обрушились пикирующие бомбардировщики «Юнкерсы-87» и «Мессершмитты». Авиабомбы они сбросили на другие объекты, зато огонь пушек и пулеметов достался нам.

Самолеты пикировали едва ли не до земли, не обращая внимания на редкие зенитные батареи. Мы укрывались под понтонами, но пули и снаряды насквозь прошивали тонкий металл. Стоял сплошной треск от взрывов 20-миллиметровых снарядов и пулеметных очередей.

У нас появились погибшие и раненые. Нас лежало под понтоном несколько человек. Пулеметная очередь прошла через днище. Страшная лотерея! Сапер, лежавший справа, дернулся, пробитый несколькими пулями. Мне и соседу слева повезло. Другой понтон получил несколько пробоин от 20-миллиметровых снарядов. Из-под него выполз боец, волоча перебитую, почти напроочь оторванную ниже колена ногу. Санитар, попытавшийся оказать помощь, тоже получил ранение.

Никто не отменял приказ насчет наведения переправы. Работали, растаскивая понтоны, выбирая наименее поврежденные под огнем следующей группы немецких бомбардировщиков. На этот раз наряду с зенитками пришли на помощь наши истребители. Они не давали сбрасывать бомбы прицельно и пикировать до земли, как в первый раз.

Но часть моста, которую мы успели навести, была повреждена. Приходилось менять набравшие воды понтоны, ремонтировать настил. Ночью, когда окончательно стемнело, работы прекратили, так как трудно было увидеть пробоины в понтонах. Ужин, короткий отдых. Специальная команда хоронила погибших. Сколько их было? Не помню. Но первый весенний день оказался для многих саперов последним днем жизни.

Переправа через Дон считалась настолько важной (других мостов не было), что на третий день комбат приказал не прекращать работу даже под налетами немецкой авиации. Нас снова поддерживали истребители, но их было недостаточно. По-прежнему гибли люди, тонули или получали пробоины понтоны.

Ночью каким-то чутьем выбирали из груды искореженного металла уцелевшие понтоны, мостки, и все же к утру мост был построен. Через считанные минуты через него хлынул поток людей, техники, танки, орудийные батареи.

В апреле, уже набравшись опыта, мы построили несколько мостов на сваях через Северский Донец. Конечно, речка была меньше, чем Дон, но строили, как и в Ростове, под огнем. Без жертв не обходился ни один мост. Про ледяную воду, из которой не вылезали часами, я уже не говорю. Привыкнуть к ней невозможно, но

деваться некуда. Ходили мокрые, успевая кое-как подсушить одежду во время короткого отдыха.

В июне сорок третьего года проводили первое большое разминирование. Частично у нас имелись карты-формуляры минных полей. Но бои, наступления и отходы в Ростовской области происходили так часто, что мин понатыкали и немцы, и наши огромное количество.

Вспоминаю, как рассыпавшись широким фронтом, шли через равнину, заросшую бурьяном. У нас были миноискатели, в которых то и дело слышались звуки «пи-пи-пи». Очередная мина. А сколько их осталось обезвреженными и сложенными в кучки с вывернутыми взрывателями! У нас были опытные командиры, да и среди саперов (в отличие от пехоты) имелось немало пожилых специалистов, бывших рабочих заводов, привыкших иметь дело с металлом.

Знаешь, как обезвреживали противотанковые мины? Это пять килограммов тола в плоской жестяной «тарелке». Такая штука рвет гусеницы танков и проламывает днище. А что останется от тебя, если поспешишь? Воронка да окровавленные клочья.

Если корпус проржавел, то приходилось взрывать «тарелки» на месте, но чаще, осторожно ощупав металл, начинаешь откручивать крышку, под которой расположен взрыватель, похожий на толстый медный карандаш. Это самый ответственный и опасный момент. Взрыватель извлечен, но предстоит обкопать мину со всех сторон. Нет гарантии, что под ней не установлена вторая мина. Небольшая противопехотка, которую можно принять за ком земли.

Смахнув пот, убеждаешься, что второй мины нет. Тогда уверенно поднимаешь обезвреженную «тарелку»

ку» и относишь к кучке других мин. Но не все проходит благополучно.

От сильного взрыва вздрогнула земля под ногами, черное облако поднялось к небу. Осторожно подошли к воронке глубиной около метра. Кто-то сказал, что здесь находился сапер Зубков. Другие видели момент взрыва и как разлеталось на части тело нашего товарища. Удалось собрать руки, ноги, голову, разбросанные далеко в стороны. От туловища почти ничего не осталось.

Сложили в плащ-палатку останки, смешанные с землей, и похоронили на небольшом холме. Дали трехкратный залп из автоматов, постояли со снятыми пилотками. Затем Сытник отвел всех в сторону, мы сели на траву, и он подробно перечислил причины, от чего мог произойти взрыв. Слушали внимательно и молча.

— Ну, ребята, если вопросов нет, продолжим разминирование, — поднимаясь, сказал командир роты.

И мы снова двинулись через поле. Разминированием занимались несколько дней подряд.

На войне случалось всякое. В июльский день в степи, возле Саур-могилы (место, где был похоронен один из татарских вождей), рота понесла большие потери от налета собственной авиации. Двенадцать штурмовиков Ил-2 в сопровождении истребителей обрушились на нас. После двух налетов в траншеях и прямо на поле лежали убитые, расползались в разные стороны раненые.

Я глядел на самолеты, которые не реагировали на наши сигналы, хотя мы размахивали руками, пилотками, и с тоской думал, что третий налет станет для меня последним. Кроме авиабомб и ракет каждый штурмовик был вооружен двумя 23-миллиметровыми пушками и тремя пулеметами (один из них крупнокалиберный).

60 стволов на роту, не считая пушек и пулеметов потребителей. Ведь от нас ничего не останется!

К счастью, летчики, хоть и с запозданием, разглядели, что внизу свои, и переместились западнее, в сторону немецких позиций. Как мы ненавидели в тот момент безответственного командира эскадрильи, бездумно расстреливавшего своих же солдат! Куда он рвался? За орденами, званиями? Единственным объяснением этой роковой ошибки (но не оправданием!) могло служить то, что линия фронта тогда перемещалась, а немцы находились в нескольких сотнях метров от нас.

В августе и сентябре сорок третьего года мы наводили переправы и занимались разминированием. Минные поля были немецкие и, конечно, никаких карт у нас не имелось. Особенно много мин было на подступах к Таганрогу — сплошной пояс.

Противотанковые мины фрицы устанавливали вперемешку с противопехотными. В одном месте наткнулись на участок открытого минирования. Ровными рядами, в двадцати шагах друг от друга торчали полуметровые колышки. На каждом из них были прикреплены мощные мины системы ПОМЗ (противопехотные осколочные мины заграждения), соединенные между собой еле заметной проволокой — «паутинкой».

Хотя мины стояли открыто, однако участок был опасный. В условиях плохой видимости наступающая рота или батальон, задев проволоку, могли оказаться под градом даже не сотен, а тысяч осколков. Среди колышков были зарыты в земле мины в деревянных ящичках, на которые не реагировали миноискатели.

И здесь не обошлось без жертв. Возле села Самбек наш командир взвода лейтенант Надюшкин что-то обнаружил в овраге. Он объявил взводу перекур, а сам

вместе с сапером спустился в овраг. Через несколько минут раздался сильный взрыв. Когда мы спускались в овраг, он был заполнен дымом. Наш молодой взводный был убит наповал, а сапер вскоре умер от потери крови. Мы так и не узнали, что там случилось. Возможно, лейтенант пытался обезвредить мину, поставленную на неизвлекаемость. Да мало ли какую хитрость могли придумать немцы!

Трагический случай произошел во время одного из последующих разминирований. Сапер Якубович, боец уже в возрасте, опытный, неосторожно наступил на небольшую противопехотную мину. Взрывом ему оторвало ступню. Он пошатнулся, сделал шаг, другой и наступил на вторую мину. Все же он попытался выбраться из опасного места, но упал и ладонями «накрыл» еще две мины.

Оторвало часть пальцев, повредило кисти рук. Человек истекал кровью. Несмотря на то что участок был нашпигован минами, мы сумели быстро вынести Якубовича и наложить жгуты. О себе в этот момент никто не думал, мы спасали товарища. Я не знаю дальнейшую судьбу Якубовича. Он был семейный, имел несколько детей. Хочется верить, что он выжил, хотя и стал инвалидом.

Восьмого апреля 1944 года началось освобождение Крыма. Двенадцатого апреля немцев выбили из Симферополя. Мы продвигались вместе с наступающими войсками, проводили разведку и снова разминировали дороги, подступы к селам и городам.

Наш 110-й батальон вошел в состав отдельной мото-штурмовой саперной бригады Резерва Главного командования. Такими частями командование фронта,

маневрируя, усиливало операции на главных направлениях. У нас сменилось командование роты и батальона. Вместо Сытника назначили молодого капитана Переверзева, тоже участника обороны Сталинграда. Наш командир третьего взвода Ченцов (будущий Герой Советского Союза) принял роту огнеметчиков. Ему на смену пришел лейтенант Головин, имевший боевой опыт, награжденный орденом Красной Звезды.

Для нас боевые действия в Крыму начались с наведения переправы через Сиваш. На другом берегу уже находился небольшой плацдарм наших войск. Там непрерывно шли бои, не хватало боеприпасов, скопилось большое количество раненых. Каждый день этот кусок земли перепахивала артиллерия, с утра до вечера висели немецкие самолеты. В траншеях отбивала атаки редкая цепочка красноармейцев. У каждого бойца имелось по 5—6 винтовок и автоматов (оружие убитых и тяжелораненых). Они вели непрерывный огонь, создавая видимость, что обороняющихся много. Хотя на самом деле там оставалась горстка защитников. Нам дали приказ за ночь навести переправу.

— Если не сумеем, — сказал комбат, — завтра будет поздно. Немцы атакуют непрерывно, без подкрепления плацдарм обречен.

Поздно вечером нас подвезли на грузовиках к заливу на малом ходу, без света. Доставили элементы наплавного моста. Началась быстрая работа. Мы приближались к середине залива, когда ударили сразу три-четыре пулемета. Мы залегли под пулями на досках настила. Не знаю, как бы все повернулось, но нам на помощь пришли бойцы с плацдарма, открыли огонь и отвлекли внимание на себя.

Но вскоре в нашу сторону полетели мины и снаряды. Теперь мы работали, не останавливаясь, тем бо-

лее, видели впереди полосу земли. У нас уже было много убитых и раненых. То и дело слышались крики: «Санитара!». Работавший рядом со мной сапер вскрикнул и упал в воду. Тяжелый всплеск — и как не было человека.

Тут еще резко ухудшилась погода, пошел мелкий дождь, а с моря тянул холодный ветер. Настил моста покрылся ледяной коркой. Передвигаться приходилось осторожно. Впрочем, слово «передвигаться» не подходит. Мы все делали бегом, промедление увеличивало потери. Наконец перекинут последний отрезок моста, и сразу же на плацдарм хлынула пехота с легкими пушками, минометами. Мы свою работу закончили.

В Крыму мы пробыли до июня сорок четвертого года, выполняли различные задания, потом нас перебросили в Подмосковье, а затем под Курск. Разминирование минных полей, наведение переправ, учеба вновь полученного пополнения.

На всю жизнь запомнились боевые действия на Сандомирском плацдарме, куда батальон прибыл 15 декабря 1944 года. Возле разрушенной польской деревни Чарница наш взвод с трудом отыскал сарай. В нем без печки, без всякого обогрева нам предстояло жить всю зиму. Грелись, как всегда, сбившись в кучу. Но это было еще не самое трудное.

Мы навели мост через речку Чарну, а 12 января 1945 года нашей роте было приказано наступать вместе с танками. Прорывать оборону противника, провести танки через минные поля и сопровождать машины в бою.

После артиллерийской подготовки широким развернутым строем пошли в наступление танки. Наша

саперная рота бежала следом за ними. Атаку хорошо поддерживала авиация. Первая траншея сравнялась с землей, песок почернел от огня, всюду лежали обгорелые немецкие трупы. Здесь же разбитые орудия и пулеметы.

Но в последующих траншеях мы вступили в бой с уцелевшими немцами. Всюду пулеметные вспышки, свист пуль. Мы ворвались в одну из траншей. Мелькали каски, лица. Немцы оборонялись отчаянно. Я расстрелял диск и торопливо заменил его на запасной. В траншее что-то горело, все было заполнено дымом. С одной стороны он прикрывал нас, а с другой, выскочив на открытое место, я почти в упор столкнулся с немцем. Он стрелял в другую сторону, но, заметив меня, развернул ствол автомата. Все решали секунды — кто кого опередит. Я нажал на спуск ППШ. Очередь хлестнула по брустверу, на уровне груди, и немец исчез.

Левее неслись трассы станкового пулемета. Упал один, второй сапер, кто-то залег. Но темп наступления не давал времени отлеживаться. Большинство саперов были вооружены автоматами. В сторону пулеметного гнезда открыли огонь сразу несколько человек, полетели гранаты. Пробегая мимо, я увидел разбитый пулемет МГ-42 и трупы двух немцев.

«Тридцатьчетверка», за которой мы бежали, вдруг остановилась и задымила. Уцелевшее орудие немцев, хорошо замаскированное, расстреляло его, подпустив метров на пятьдесят. Сапер из моего отделения крикнул, обращаясь ко мне:

— Товарищ сержант, немцы справа!

Возле орудия суетился расчет, а ствол выискивал новую цель. Длинными очередями мы заставили немцев залечь и подбежали к пушке. Четверо немцев,

встав на колени, подняли руки. Пока я размышлял, кого направить с ними в тыл, прибежали танкисты из подбитой «тридцатьчетверки» и расстреляли всех четверых. А танк,двигающийся за подбитым, с ходу раздавил орудие.

Война — жестокая вещь. Пройдя мелколесье, наша рота вышла на поле и увидела подбитые и горевшие танки. И наши, и немецкие. Возле некоторых лежали обугленные трупы. Видимо, «тридцатьчетверки» шли на скорости и вступили во встречный бой с немецкими танками.

Снаряды, выпущенные в упор, оставляли рваные дыры в бортах и башнях. В некоторых танках взорвался боезапас, сорванные башни лежали на земле. Наши танкисты хоронили погибших товарищей, ремонтировали подбитые машины. Прорыв немецкой обороны обошелся танкистам дорого. Я понял, почему с такой беспощадностью они обошлись с немецкими артиллеристами. Слишком поздно фрицы подняли руки.

Шли до позднего вечера, и весь день впереди гремел бой. Лишь поздним вечером наступила тишина. За первый день мы продвинулись в глубь немецкой обороны на тридцать километров.

На следующий день на пути наступающих войск встала очередная водная преграда — речка Пилица. Отступая, немцы взорвали мост. Часть пехоты с ходу форсировала речку, а танки уходили под защиту деревьев и в ложбины. Увидев, что пехотинцы отрезаны от основных сил, немцы открыли сильный огонь из орудий и минометов по прорвавшейся вперед пехоте и по танкам, укрывшимся на нашем берегу.

На этом участке создалась сложная обстановка. Если не навести срочную переправу, снаряды и мины выбьют бойцов на плацдарме, да и танковая часть тоже стала нести потери — слишком плотный был огонь. Редкий лес защищал от снарядов слабо. Еще час-два такого огня, и немцы перейдут в контратаку.

Наш взвод насчитывал всего восемнадцать человек. На речку, еще недавно покрытую льдом, было страшно смотреть. Вода бурлила, поднималась фонтанами от взрывов, плыли обломки льда, срезанные деревья и ветки. От немецкого моста остались лишь торчавшие сваи, расщепленные, покосившиеся. Мы пробирались к воде, нагруженные снаряжением, металлическими скобами (и, конечно, с оружием). Нас поддерживала пехота, переправившаяся на правый берег.

Начали работу в одних гимнастерках, сбросив все лишнее, кроме автоматов за спиной. От пуль нас частично спасал крутой западный берег. Спешно валили и обтесывали сосны, готовя заранее прогоны и настил. Часть саперов подпилили по одному уровню сваи, и мы спешно стали наводить переправу. Хотя работали без остановок, нас понукали два офицера: полковник и майор.

Подбежал, сбрасывая с себя накидку, кто-то из командиров. Это оказался командарм 4-й танковой армии генерал Лелюшенко. Для постройки такого моста требовался не взвод, а минимум рота. Увидев обесилевших, падающих от усталости саперов, он резко приказал нашим «погонялам»:

— Чего вы смотрите? Видите, саперы падают. Берите и носите бревна.

Не знаю, какие посты занимали полковник и майор, но они резво включились в работу, забыв про свои большие звезды. Тем более, на берегу, не обращая

внимания на пули, стоял Лелюшенко и лично руководил наведением переправы.

Едва прогоны коснулись западного берега реки, генерал, не дожидаясь, когда на них ляжет настил, побежал к танкам. И вот уже первая машина на малом ходу прошла через мост, за ней пошли другие. Мы буквально на бегу укладывали остатки настила, едва уворачиваясь от гусениц танков.

Все. Работа закончена. Танки и пехота двигалась вперед. На дороге остановился «виллис» с нашим комбатом. Командир взвода попытался доложить, но комбат, отмахнувшись, поблагодарил нас:

— Молодцы, ребята!

Ордена и медали нам вручали очень редко. Ну, что же, спасибо и за благодарность. Как говорится, не за ордена воюем. Нас довезли на грузовике до села, где после ужина и ста граммов «наркомовских» впервые за месяц пребывания на Сандомирском плацдарме спали в теплом доме.

На следующий день мы участвовали в атаке. Запомнился сильный орудийный огонь, который вели немцы, и налет бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Дорога превратилась в кладбище разбитой техники и повозок. Гибли и получали ранения многие бойцы. Хотя мы и наступали на всех фронтах, но немцы оборонялись отчаянно. Продолжая преследовать отступающего врага, приблизились к реке Варта. Снова бомбежка и артиллерийский обстрел. «Юнкерсы» и «Мессершмитты» снижались до бреющего полета, расстреливая все живое. Наши самолеты почему-то не было. Когда немцы улетели, ударили «катюши», заставив замолчать артиллерию врага.

В этот день мне запомнился случай, который покажется кому-то невероятным. Нашу автомашину с

остатками взвода какой-то полковник послал в разведку. Проехали деревню, лесок. Вдруг сразу у нескольких бойцов, сидевших по левому борту машины, побежали огоньки на верхушках шапок, некоторые загорелись.

Пулемет из засады бил, зависив прицел. Зажигательные пули прошли по верхушкам шапок. Если бы сантиметра на три-четыре ниже, пробило бы головы. Бойцам повезло. Шофер резко затормозил, а мы мгновенно спрыгнули на землю. Мы опередили пулеметчика на считанные секунды. Некоторые саперы еще не успели приземлиться, а пули уже крошили борт, кабину, задымил мотор. Обозленный тем, что не достал русских, пулеметчик с остервенением дырявил нашу полуторку. Щепки от кузова отлетали метров на пять.

Потом посыпались снаряды. Это была игра со смертью. Оставаться в кювете было нельзя, а отход к своим прикрывала сплошная стена разрывов. Наш взводный, лейтенант Головин, выбрал правильную тактику. Немцы вели огонь на упреждение, рассчитывая, что мы начнем отходить в сторону своих позиций. Но мы, пригнувшись, бежали на четвереньках по кювету в сторону занятой фрицами деревни.

Немцы потеряли нас из виду, и мы провели остаток дня в небольшой ложине, готовые обороняться в случае атаки. У некоторых бойцов не выдерживали нервы, они предлагали Головину пробираться к своим.

— Нас же все равно обнаружат!

— Обнаружат, когда начнем метаться, — выругался Головин. — Лежать и не двигаться. Если приблизятся фрицы, огонь по моей команде.

Немцы, хоть и искали нас, но бродить по открытой местности опасались. Одна группа двигалась в ста

шагах, но слишком торопилась. Обстреляли подозрительные места, однако в нашу сторону не пошли. Большое дело, когда командир решительный, сумевший наладить во взводе крепкую дисциплину. Эта дисциплина и выдержка нас спасли. Вечером мы благополучно выбрались из-под носа немцев и добрались до своих позиций.

Мы продолжали наступление. В один из январских дней, когда прочесывали лес в поисках отступавших немцев, командир роты Переверзев остановил нас возле небольшого ручья и, построив роту, объявил:

— Перед нами за ручьем лежит фашистская земля.

Никаких пограничных столбов поблизости не было. Переверзев держал в руках карту, по которой определил, что мы вступили на землю Германии. К вечеру вышли к городу Опель. На его юго-восточной окраине лежал в развалинах автомобильный завод, город был тоже основательно разрушен.

За весь день, пока мы шагали, не встретили ни одной живой души. Ни в городе, ни в деревнях. Все оставалось на своих местах: скот, одежда, мебель, продукты. Но людей не было. Напуганные пропагандой о том, что Красная Армия сразу начнет мстить, гражданское население бросало все и убегало на запад.

Наш саперный батальон двигался вместе с частями 6-й гвардейской дивизии. И чем ближе к Одеру, тем ожесточеннее становилось сопротивление. Активно действовала немецкая авиация, хотя, судя по нашим газетам, она была уже практически полностью уничтожена.

На подступах к Одеру мое отделение попало под сильный огонь. Бойцы бросились под защиту единственной уцелевшей стены каменного дома. Огонь

шел такой, что никто не хотел вставать. Стена казалась единственной защитой. Но я видел, что держится она слабо, и сумел поднять отделение. Мы успели отбежать метров тридцать. Снаряд ударил в основание, и стена рухнула. Если бы мы промедлили еще несколько минут, то все бы остались под грудой кирпича.

В ночь на 27 января 1945 года один из батальонов дивизии с ходу форсировал Одер севернее города Штейнау и занял плацдарм полтора километра по фронту и 800 метров в глубину. В тот же вечер к реке вышла наша рота под командованием капитана Переверзева с заданием срочно навести переправу.

Один батальон плацдарм не удержит, требовалась срочная переброска других частей и артиллерии. Здесь, на Одере, немцы твердо намеревались остановить русских и перейти в контрнаступление. Несколько офицеров и сержантов вышли на берег, чтобы наметить будущую переправу.

Что меня поразило, это железобетонные доты, врытые на другом берегу у самой кромки воды. Мощные приземистые сооружения, с толщиной стен не менее метра, стояли сплошной цепочкой на расстоянии перекрестного огня друг от друга. Позже мы узнали, что большинство дотов были рассчитаны на установку одного орудия, трех пулеметов, а гарнизон мог бы вести бой в полной изоляции в течение месяца.

Бросок наших войск был настолько быстрым, что немцы не смогли использовать эти доты. Но бой только начинался. По своей ожесточенности переправа через Одер навсегда врезалась в память. Неужели это было со мной, и как я сумел уцелеть?

Подошли еще две роты нашего саперного батальона. По тонкому позеленевшему льду переходили на правый берег небольшие группы пехотинцев. Лед про-

валивался и не мог удержать даже легкие 45-миллиметровые пушки, которые пытались перебросить на западный берег. Все три роты в спешном порядке рубили и укладывали тонкие деревья и жерди, укрепляя лед. К середине ночи, когда жердевая дорога была наполовину готова, немцы пошли в атаку и оттеснили прорвавшихся бойцов к воде.

Бой шел совсем рядом, пули пролетали над головой, впивались в стволы деревьев. Мы находились под защитой берега. Тогда начался орудийный обстрел переправы. Одно, второе прямое попадание. В воздух взлетали обломки жердей, куски льда. Двоих саперов, работавших недалеко от меня, накрыло взрывом. Когда мы подбежали, в дымящейся полынье с черной водой плавали только щепки. Оба бойца погибли, их сразу затянуло под лед.

Были убиты и ранены еще несколько человек. Наращивание дороги приостановилось, мы лежали под огнем. С плацдарма прибежал офицер, сообщил нашему комбату, что без поддержки бойцы долго не продержатся. Мы снова взялись за топоры и пилы. Но огонь был слишком сильный. Осколки находили новые жертвы. Снаряды рвались на берегу, и комки мерзлой земли разлетались на десятки метров.

Лед на том месте, где наводили переправу, был разбит. В огромной промоине бурлила темная вода, крутило обломки бревен, досок, солдатские шапки. Не то что работать, голову не поднимешь. Имелось несколько «сорокапятков» с запасом снарядов, но поддержка их была малоэффективна. Наш берег был пологий, а западный — высокий и крутой. Кому-то пришла мысль сколотить сани из жердей. «Сорокапятки» весят 600 килограммов, а лед выше переправы был довольно прочный.

Сделали сани, и штук семь-восемь пушек переправили под огнем на другой берег. Эти орудия, без преувеличения, спасли и нас, и плацдарм. Ведь немцы приблизились к берегу метров на 300 и вели огонь из всех стволов. Вода от пуль кипела, а пулеметные очереди не давали поднять голову.

Мы головы не поднимали, но пули находили все новые жертвы. Пробивали насквозь бревна, доски, добивали пытавшихся поползти раненых. В это время открыли огонь с фланга переправленные «сорокапятки». Снаряды у них небольшие, всего два килограмма весом, зато скорострельность 20 выстрелов в минуту. Целый град снарядов обрушили.

Переправилась по льду и часть пехоты, отогнали немцев от берега. Мы снова взялись за мост. Глубина в том месте была метров пять. И в нормальной обстановке не просто в зимних условиях сваи с плотов забивать. Орудийный огонь немцы не прекращали. А как только умолкали нагретые орудия, налетали самолеты и почти в упор забрасывали строящийся мост небольшими бомбами, обстреливали саперов из пулеметов.

За каждым человеком гонялись, патронов не жалели. Нашей авиации не было. Скорее всего аэродромы располагались слишком далеко, а может, какая другая причина имелаась. А ведь шел январь сорок пятого. Считай, конец войны, а мы без поддержки авиации под огнем вперед пробивались. Поэтому не люблю я громких фраз, как «фашисты драпали», а в сорок четвертом и сорок пятом году мы победы не успевали считать.

Побеждали, двигались вперед. Но какой ценой? В ночь с 27 на 28 января мы уже заканчивали строительство этого проклятого моста. Контуженые, мо-

крые, в обледеневшем обмундировании, саперы мечтали, что вот-вот прекратится эта огненная карусель, пойдут танки, а мы сможем обсушиться.

Но 28 января повторился вчерашний день. Только самолетов стало больше. Развернутым строем «Юнкерсы-87» в сопровождении «Мессершмиттов» охватили всю ширину плацдарма и реки. Шли на бреющем, снова сбрасывая бомбы и расстреливая все живое. Многие бойцы в бессильной ярости били по самолетам из винтовок и автоматов.

Изготовленная часть моста получила множество пробоин. Строительство стояло на месте, так как самолеты, меняя друг друга, не прекращали обстрела. К вечеру мы снова вышли на полуразрушенный мост. Длина его составляла 280 метров. Работали торопливо, зная, что завтра с рассвета опять появятся немецкие самолеты. Снаряды, которые продолжали падать, по сравнению с бомбежкой казались не такими страшными. Хотя люди гибли.

Я первый раз увидел, как человек предчувствует свою смерть. К берегу подошли автомашины с досками. Немцы перенесли огонь на них. Помкомвзвода выкликнул несколько фамилий для срочной разгрузки. Среди них оказался Толя Горбунов, молодой парень. Он побледнел и стал просить:

— Товарищ старший сержант! Убьют меня. Замени!

Но заменять его не стали, и Анатолий вместе с несколькими саперами побежал к автомашинам. Осколок снаряда убил его наповал, двое саперов были ранены. Вот и не верь в предчувствия! Толя едва не со слезами упрашивал помкомвзвода не посылать его на разгрузку, а ведь трусом никогда не был.

Что заговорило в нем? Страх или предчувствие смерти? Черноволосый, с небольшими усиками и дет-

скими веснушками, он был похож на мальчишку. Только военная форма делала его взрослым. Тело Толи Горбунова вместе с другими погибшими и ранеными погрузили на автомашины и увезли.

Работа шла лихорадочно. Мост вот-вот должен был соединить оба берега. На рассвете, увидев, что упрямство русских не перебороть, немцы пошли на крайность. В верховьях Одера они взорвали дамбу, и уровень воды в реке резко поднялся. Огромная масса воды трехметровой высоты вышла из берегов, сметая все на своем пути, сразу покатила на мост.

Расстояние быстро сокращалось. Работавшие на мосту увидели все это в 15 метрах от себя. Они кинулись к берегам, но было уже поздно. Огромная водяная лавина с силой ударила о мост, разрывая его на части. Послышался удар, треск ломающихся бревен и крики людей, застигнутых врасплох. Они погружались с головой, всплывали вдали от моста вместе с обломками дерева и льда. Мокрая одежда и оружие тянули ко дну. Люди, выбиваясь из сил, плыли к берегу. Те, кто растерялся или не умел плавать, тонули. Немцы, решив, что с переправой покончено, обстрел прекратили.

Все оставшиеся в живых саперы снова бежали к мосту. Утром 29 января мост через Одер, забравший большое число жизней, был все же достроен. Не дожидаясь полной готовности, на него въезжал первый танк. Шел он медленно, как бы опасаясь провалиться. Мост слегка покачивался, оседал, но держался. За первым танком пошел второй, третий, и следом — целая колонна. С замиранием сердца следили саперы за всем происходившим, ведь мост был неустойчив (сваи, вбитые на

метр в грунт, при пятиметровой глубине реки). Устоял! Выдержал мост! Шли танки, артиллерия и пехота.

Так закончилась эта тяжелейшая операция. В двух километрах от реки саперы получили короткий отдых. Три бессонные ночи дали о себе знать. Очутившись в теплом доме, спали мы, как убитые, весь день и всю ночь. Утром 30 января на автомашинах мы уже догоняли передовые части.

Далеко позади оставались реки — Чарна, Пилица, Варта, Одер... Здесь, на Западе, по настоящему «пахнет» весной. Если там, на Одере, был лед, а на земле лежал снег, то в этих местах ничего похожего. Лишь кое-где в чашобе или овраге, на самом дне остатки пористого, торчащими иглами снега. И всюду непролазная грязь. Дни были теплыми. Не надо искать уцелевшего дома или сарая, как там, где шли упорные бои, чтобы отогреться.

Почти все города и села на нашем пути остаются разрушенными. Фашисты, отступая, почему-то оставляют все в сохранности: во дворе скот и птица, в доме вода, продукты, одежда. Все говорит о том, что недавно — сегодня — вчера, здесь жили люди. Но они ушли вместе с отступающими войсками. Все ясно. Срабатывает пропаганда, что русские солдаты будут безжалостно мстить и убивать всех подряд.

Очень часто, иногда по несколько раз в день, над колонной появлялись немецкие самолеты. Они бомбили и на бреющем полете расстреливали все движущееся. Дорога — прямая лента, была хорошей мишенью. Иногда казалось, что тот или другой самолет вот-вот врежется в тебя. Летали они, едва не касаясь земли. Дорога от этого становилась еще более забитой — погибшие и раненые солдаты, лошади, разбитые авто-

машины, повозки, в асфальте огромные воронки. Шли дни. Фронт все дальше уходил на запад.

Затем, если не Бог, то начальство, услышало наши молитвы. Мы увидели в небе наши самолеты. Истребители сопровождали передовые части, мы не раз становились свидетелями воздушных боев. Горели немецкие самолеты, но гибли и наши летчики.

Запомнилось наведение понтонного моста через реку Бубер. Ширина ее была всего 40—50 метров, но крови пролилось здесь достаточно. Одна за другой подъезжали машины с понтонами. Несмотря на темноту, немцы освещали местность ракетами и вели сильный огонь.

Понтоны подтаскивали к воде, нагибаясь как можно ниже, а порой и ползком. То в одном, то в другом месте падали убитые и раненые. Не знаю, сумели бы мы закончить переправу или полегли на берегу, но подошла большая пехотная часть.

Открыли огонь из всех видов оружия. Особенно мощным был пулеметный обстрел, который загнал немцев в траншеи. Подчиняясь приказам, фрицы пытались отвечать, но брустверы траншей буквально разваливались под ударами сотен пуль. Немцы стреляли по нам, не имея возможности целиться, поднимая оружие на вытянутых руках. Но это уже была пальба «в небо», и мы ускорили работу. Когда мост вплотную приблизился к берегу, из темноты полетели гранаты, последнее, что могли преподнести нам фрицы. Если уж под бомбами мосты возводили, то гранаты нас остановить не могли.

Понтоны едва коснулись берега, как хлынул поток нашей пехоты. В траншеях завязался рукопашный бой, и вскоре плацдарм был захвачен. Мы заменили часть продырявленных понтонов и, шатаясь от усталости,

ушли на отдых в лес. Все же работали без остановок целые сутки. Старались не смотреть на мертвые тела товарищей. Похоронили их немного позже.

Прорвав оборону, вместе с войсками двигалась и наша вторая саперная штурмовая рота. Мы шли следом за танками с автоматами наготове. Где-то впереди была река Нейсе. Уже издалека начался орудийный обстрел. Взрывы поднимали фонтаны земли то справа, то слева. Один из снарядов ударился о землю рядом со мной и, несколько раз отрикошетив, пронесся мимо. Возможно, это была бронебойная болванка. Фугасный или осколочный снаряд разнес бы меня на части. Повезло!

Мы вступили в город Любань. На улице горели два немецких танка, рядом лежали трупы танкистов. Наша танковая часть ушла вперед, а по пехоте открыли огонь из дома на другой стороне улицы оставшиеся в городе немцы. Мы окружили дом. Из окна второго этажа бил пулемет. Неосторожно высунувшийся боец упал и пополз, оставляя на булыжниках пятна крови.

Сразу несколько саперов ударили из винтовок и автоматов, но достать пулемет не могли. Переверзев приказал мне не прекращать огонь. Из соседних окон тоже стреляли немцы (возможно, ополченцы, «фольксштурм»). Тяжело ранило сапера из моего отделения. Его торопливо перевязывали. Пули свистели над головой, крошили булыжную мостовую, разлетаясь рикошетом.

Кто-то из бойцов сумел приблизиться и бросить гранаты. Попасть в узкое окно было сложно, да и опасно для бойца. Отскочившая от стены граната могла изрешетить его осколками. Все же одной гранатой он попал в окно. Наша активность и стрельба, которую вела рота, заставили немцев отступить. Они покинули дом и

побежали вдоль улицы, боясь попасть в плен. Автоматные очереди и выстрелы вслед догнали двоих, остальные исчезли за углом.

Продвигаемся дальше к западной окраине города, нигде ни души. Да и никто не ждал встречи с горожанами. Мы уже привыкли видеть только что оставленное жилье пустым. Внизу, прямо перед лестничным маршем, шевельнулось что-то, накрытое белой простыней. «Человек», — подумали мы. Пальцы на спусковом крючке, приближаемся. Подошли к топчану, теперь было ясно: лежал человек. Но кто он? Сдернули простынь.

Перед нами лежал старик, лет восьмидесяти, седой как лунь. Его щеки, губы и ресницы закрытых глаз судорожно дергались. Около него, на топчане, лежала горбушка хлеба и пол-литровая банка с водой. Мы стояли над стариком еще две-три минуты, и он ни разу не открыл глаза. Все его лицо, сложенные одна на другую руки тряслись. Накрыв его простыней, ушли. Это был первый гражданский немец после 600-километрового пути.

В начале марта мы вышли к реке Нейсе. Война подходила к концу. Это понимали все. Но понимали и другое. При том ожесточенном сопротивлении немцев не все доживут до победы. Некоторые бойцы с тоской читали письма из дома. Их уже ждали, но дождутся ли? Ко мне подошел один из саперов, Павел Михеев, и, улыбаясь, сказал:

— Товарищ сержант. Пишет жена, чтобы поосторожнее воевал. Очень хочет, чтобы я вернулся.

Что я мог ему ответить? Никто не знает, что будет с нами завтра. Какие сюрпризы готовит нам эта река,

через которую наверняка придется наводить переправу?

Мои предчувствия сбылись. Нашей роте было приказано поставить понтонный мост. Ночью грузовики с понтонами, бревнами и настилом на малом ходу приблизились к реке. Пока никто не стрелял. Работа шла в быстром темпе. Осторожно опускали один за другим понтоны на воду. На них ложились прогоны, настил. Но как только дошли до середины реки, работа осложнилась.

Понтоны течением относило в сторону. Нам пришлось немало повозиться, но когда мост был готов, передовые части еще не подошли. Мне приказали взять свое отделение и охранять подходы к мосту на западном берегу. Неподалеку расположился десяток пехотинцев, а вскоре переправилась артиллерийская батарея.

И в этот момент немцы открыли оружейный огонь. В первые же минуты погиб один из саперов, двое бойцов были ранены, разбило приклад ручного пулемета. Надежных окопов у нас не было, кругом сухой песок. Вместо окопов, несмотря на наши старания, получалось подобие неглубоких воронок.

После обстрела услышали немецкую и русскую речь. Открыв плотный огонь, на нас наступали немцы и власовцы. «Ну что, приехали? Конец вам сейчас будет, на куски порежем!» — кричали власовцы.

Всего наступающих было человек 100—120. Пехотное отделение, на которое мы рассчитывали, поддавшись панике, бросилось в воду и поплыло на другой берег. Батарея тоже замешкалась. Я решил имитировать контратаку. Тихо передал по цепи:

— Кричим «ура», а сами остаемся на месте.

Кричали «ура», не жалея глоток. К нам присоединились артиллеристы (почему они не стреляли, не знаю), приплыли назад пехотинцы. Немцы и власовцы отошли, а кое-кому из бросивших позицию артиллеристы набили морду за трусость.

С рассветом по мосту переправилось еще несколько наших частей. Но мост был сильно поврежден, некоторые понтоны затоплены. Приказали восстановить переправу и в первую очередь забить сваи.

Бревна-сваи забивали с плотиков, через которые перехлестывала ледяная вода. И тут на нас с западного берега обрушился огонь из пулеметов и стрелкового оружия. Пришлось лечь на сваи и плотики. Когда огонь затих, снова взялись за сваи. Два-три удара — немцы опять открывают огонь и заставляют нас ложиться.

Пять ночей под огнем мы наводили переправу, которую немцы разбивали, а мы упрямо восстанавливали. Огонь был такой сильный, что от деревьев на берегу остались одни обрубки. Снаряд угодил в ствол дерева над окопом, где находились командиры взводов Караичев и Силантьев. Осколки ударили в них пучком. Но верно говорят, что у каждого своя судьба. Лейтенанту Силантьеву оторвало обе ноги, а Караичев остался невредим.

На рассвете опустился густой туман. Это помогло эвакуировать убитых и раненых. Утром к окопу, где находился Силантьев, прикатила упряжка собак, ведомая только вожаком-собакой. Собаки в упряжке легли, плотно прижавшись к земле, а вожак, не обращая внимания на разрывы и свист осколков, повернувшись к окопу с раненым, все время смотрел, когда же уложат раненого.

Когда Силантьева погрузили и закрепили ремнями, Караичев махнул рукой. Вожак понял его без слов, поднялся, а следом за ним остальные собаки. Упряжка рванулась к лесу, а впереди и позади ее, как и по всему участку, рвались снаряды. Но собаки сумели добраться до леса. Добрым словом вспоминали мы четвероногих санитаров. Собаки пришли сами, без людей, и вернулись в санбат, где были «прописаны» эти хорошо обученные помощники.

Это был мой последний бой. Вскоре получил команду:

— Младшего сержанта Иванова в штаб батальона!

Когда шел, даже не знал, зачем вызывают. Может, где-то не так сработал? Оказалось, меня направляют на учебу в Московское военно-инженерное училище. Пошел за вещами и проститься с товарищами, а весь взвод спит после многодневной тяжелой работы под немецким огнем.

Будить ребят не стал. Оставил записку, пожелал всем дожить до победы, а через час штабная машина увозила меня на место сбора будущих курсантов. 960 дней и ночей пробыл я на войне. Повезло, уцелел и под обстрелами, и под бомбежками.

В училище я долго не задержался. Шла переформировка. Тех, у кого была «десятилетка», оставляли в приказном порядке. Мне с моими семью классами надо было проходить дополнительную подготовку. Я предпочел отслужить еще два года в армии, после чего демобилизовался.

Что еще добавить о службе? Участвовал 24 июня 1945 года в Параде Победы. Незабываемое зрелище.

Награды? Нас сильно не баловали. Был награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», а позже орденом Отечественной войны. Тогда мы не слишком про награды думали.

Спустя много лет, на очередной встрече ветеранов, я не выдержал и высказал своему бывшему командиру роты Переверзеву:

— Вот ты меня в самые горячие места гонял. А представление на медаль написать не догадался. У тылови-ков да писарей и то орденов-медалей больше. Непонятно, кто воевал?

Переверзеву стало неудобно. Отшутился:

— А кого же еще гонять? Я знал, что ты задание выполнишь, поэтому и доверял.

Ну, все это не так важно. Мы победили, а награды — дело второе. В 1947 году женился, имею двоих дочерей, сына, пятерых внуков. С 1947 по 1981 год работал на Волгоградском судостроительном заводе. Являюсь почетным жителем Красноармейского района города Волгограда. Часто выступаю перед молодежью в школах, училищах. Хочу, чтобы память о той великой войне сохранилась навсегда.

Я БЫЛ ЗЕНИТЧИКОМ И ДВАЖДЫ ГОРЕЛ В ТАНКЕ

Наши три танка в момент накрылись.

Попали в засаду. Кто сумел выпрыгнуть, уцелели. А через пару дней нас послали сгоревших ребят из танков вытаскивать. Не дай бог кому это видеть...

Часовской В. И.

Виктор Ильич Часовской — мой сосед, десяток минут ходьбы друг от друга. А познакомились недавно. Гвардии старший сержант воевал на зенитной батарее, затем переучивался на танкиста и был наводчиком на «тридцатьчетверке». У каждого на войне своя судьба, не бывает она легкой.

Я родился 15 ноября 1925 года в поселке Светлый Яр, рядом со Сталинградом. Семья была большая — пятеро детей. Отец, Илья Егорович, прошел Первую мировую войну, был рассудительным, грамотным человеком. Землю любил. До коллективизации держал лошадь, корову, овец, засеивал свой клин пшеницей, выращивал арбузы, тыквы. Огород хороший имел.

Ссылаясь на многодетную семью, отцу удалось уйти от обязательного вступления в колхоз. Но в 1932 году на семью обрушилась беда. Отца как грамотно-

го и уважаемого в поселке человека власти решили включить в комиссию по раскулачиванию крестьян-единоличников. Согласись он, и все было бы нормально. По крайней мере, нашу семью бы не тронули. Но отец уже видел, что такое колхозы, подневольный труд за палочки-трудодни и сдача в общее стадо выращенного людьми скота. Отказался участвовать в этом несправедливом деле.

Тогда нашу семью раскулачили. Забрали скотину, часть одежды, сельхозинвентаря. И что сохранила моя детская память, унесли со двора даже глиняный горшок с «альчиками» (бараными костяшками), в которые играли мы с братьями. Ну, и соответственно, на всех собраниях клеймили отца как пособника кулаков.

Мы переехали в хутор Барбаши за Волгу, где отца взяли на должность заместителя лесничего, а меня, подальше от этих передряг, отправили в Сталинград, к старшей сестре Маше, которая жила там с мужем и двумя детьми.

Наш рубленый дом колхозное начальство разобрало и перевезло для постройки правления в село Большие Чапурники. Кстати, отец, хорошо зная законы, подал в суд, который признал действия властей неправомочными. Обязали колхоз вернуть изъятое и выплатить семье компенсацию, три тысячи рублей. Со скрипом, упираясь, деньги выплатили, но семейное наше гнездо, по сути, разорили.

В Красноармейском районе Сталинграда я отучился 6 классов, поступил в ремесленное училище. В начале сорок второго года досрочно его закончил, получив как старательный ученик четвертый разряд слесаря-инструментальщика. Немалое достижение для шестнадцатилетнего мальчишки. На станке я вытачивал наравне со взрослыми рабочими такие довольно

сложные инструменты, как кронциркуль или штангенциркуль, различные инструменты: отвертки, молотки, топоры.

Нас, пятнадцать выпускников ремесленного училища, направили в Астраханскую область на озеро Баскунчак на комбинат по добыванию и переработке поваренной соли, кажется, он назывался «Бассоль». Озера Эльтон и Баскунчак знают все по учебникам географии. Это крупнейшие месторождения соли, которая так нужна и в мирное, а тем более в военное время. Местность там своеобразная. Озера расположены в глубине Заволжья. Голая степь на сотни километров, полынь, редкий кустарник.

Летом — жара под сорок, горячий ветер и нередко пыльные бури, когда в пяти шагах ничего не видно. Зимой — тоже ветер, только ледяной, пронизывающий насквозь, прессирующий снег в твердые серые сугробы. Правда, весной хорошо. Зелень, тюльпаны распускаются, всюду мелкие озера, уйма перелетной птицы. В общем, люди приспособляются, живут.

Работали мы на комбинате до декабря 1942 года. С горечью слушали сводки Информбюро о том, что Сталинград практически разрушен (центральная и северная часть), беспокоились о родне. Радовались, когда 19 ноября началось наступление Красной Армии и немцы были взяты под Сталинградом в кольцо.

Что сказать о нашей работе? Мы, несовершеннолетние (16 — 17 лет), работали по восемь часов в день. Кормежка в столовой была жидковатая. С голоду не падали, но есть хотелось все время. По воскресеньям нас делили по парам, и мы вдвоем загружали 16 тонн соли на платформу. За это получали талон на хороший мясной обед. Праздник!

В армию меня призвали неожиданно, 28 декабря 1942 года. Не добровольцем, а как рядового призывника, хотя мне было тогда 17 лет и два месяца. Просто время было такое тяжелое, решалась судьба войны, и на возраст зачастую не смотрели. Кстати, рост у меня был один метр пятьдесят сантиметров.

В райцентре Владимировка мы выпустили на стрельбище по три патрона из винтовки. Затем нас переодели в военную форму, перевезли эшелонам в город Ленинск, оттуда топали пешком, и оказался я в 1080-м зенитно-артиллерийском полку. Полк охранял разные объекты в поселке Бекетовка города Сталинграда, а нашу батарею 76-миллиметровых орудий в количестве тридцати пяти человек поставили ближе к передовой, в село Песчанка.

Несколько слов о своей батарее. Из-за нехватки офицеров их было всего два человека: командир батареи (фамилии не помню) и начальник связи лейтенант Богаури. Я, хоть и не прошел обучения, но был назначен связистом. В группе связи были еще несколько ребят и девушек лет по 17—18. Артиллерийскими взводами и орудиями командовали сержанты, имеющие военный опыт.

Вот такая нехватка была офицерского состава в начале сорок третьего года! Винтовок на всю батарею имелось штук пять-шесть. Их выдавали бойцам, которые заступали на пост. Зато снарядов хватало. До линии фронта, вернее, до позиций, окруженной немецкой 6-й армии Паулюса от нас было километров пять-шесть.

Главная задача батареи была не допустить прорыва немцев из кольца и уничтожение вражеских самолетов. Кстати, уже в первый день нас бомбили. Погибли два молодых бойца-казаха. Запомнилось, что оба дер-

жались особняком и делали вид, что не понимают по-русски. Это было характерно для многих призывников из Среднеазиатских республик.

Ребят было жалко. Совсем еще зеленые были, даже подготовки не прошли. Метнулись куда-то от бомб, их и накрыло осколками. Лежат два тела в окровавленных шинелях, а каждый себя представляет на их месте.

Шел январь сорок третьего года. Немецкие самолеты налетали реже, но боевые тревоги объявлялись практически каждый день. Мы, связисты, обеспечивали связь, а орудия вели беглый огонь. Я уже научился различать немецкие самолеты: двухмоторные бомбардировщики «Хейнкели-111», «Юнкерсы-88», пикирующие бомбардировщики «Ю-87».

Часто появлялись транспортные «Юнкерсы-52», которые сбрасывали окруженным войскам разные грузы. Скорость транспортников была небольшая, наши снаряды, взрываясь под носом, заставляли их шараться, и тюки с грузом нередко попадали в руки красноармейцев.

Сбивали ли мы немецкие самолеты? Прямых попаданий за те недели, что мы стояли возле Песчанки, я не видел. Но сержанты дело свое знали, снаряды часто взрывались рядом с самолетами. Раза два я наблюдал, как они с явными повреждениями тянули, теряя высоту, на запад. Долетели до своих аэродромов или где-то шлепнулись по пути, сказать не могу.

Запомнилась попытка немецких танков прорваться через кольцо. Конечно, это было не то мощное наступление, которое в декабре предпринял Манштейн. Да и сил внутри кольца уже таких не было. Тем не менее какое-то количество танков и бронетранспортеров

шли на прорыв, охватывая позиции соседних частей и нашей батареи.

Зенитки калибра 76 миллиметров являлись серьезным противником для немецких танков. Хорошие прицелы, скорострельность до 20 снарядов в минуту позволяли вести эффективный огонь. Конечно, я, семнадцатилетний подросток, мало в этом разбирался. Я подносил ящики, в каждом из которых лежали четыре остроносых снаряда.

С детским любопытством глядел на немецкие танки. Крошечные коробочки, нырявшие в облаках снежной пыли, с бугра в низину, и снова выныривавшие наверх. Батарея открыла огонь с большого расстояния. Наводчики через свои сильные прицелы уже хорошо видели цель. Четыре пушки хлопали звонко и часто, а я, наблюдая за картиной боя, порой забывал про ящики.

— Витя, быстрее носи вон те, бронебойные! — торопили меня и других подносчиков.

Вражеский снаряд, пролетавший поблизости, то ли выл, то ли гудел. Рвануло с перелетом. Я выронил ящик, но тут же его подобрал и потащил к орудию. Трусом прослыть не желал! Тем более здесь находился и наш командир, лейтенант Богаури, остальные ребята и девчонки-связистки.

Взрывов наших снарядов я не видел. Били бронебойными болванками. Где-то в стороне по танкам стреляли другие орудия. Зато немецкие снаряды взрывались то ближе, то дальше. Фонтаны мерзлой земли, грязного снега и столбы дыма. Огня от взрывов не было. Зато впервые услышал, как противно воют и свистят на разные лады осколки. Один шлепнулся в снег рядом со мной и зашипел. Я нагнулся, чтобы глянуть, и вздрогнул, услышав крик:

— Есть! Одного уделали! — и забористый мат.

Одна из коробок дымилась и упорно тянула в низину. Сейчас добьют! Я тянул очередной ящик, когда взрыв ударил совсем близко. Или, может, так показалось. Я не упал, чтобы спрятаться от осколков, а пропустил еще быстрее с двухпудовым ящиком на плечах. Потом ранили бойца из расчета. Его отвели под руки в землянку санинструктора, и путь был обозначен красными пятнами величиной с пятак. Подносчик, который брал ящик передо мной, обернувшись, сказал:

— Крепко его зацепило. Наверное...

Фразу закончить не успел. Шарахнуло, как мне показалось, прямо над головой. От деревянного ящика брызнули щепки. Боец свалился в снег, рядом лежал разбитый ящик и надорванный посередине снаряд. Из дыры, проделанной осколком, торчали, как макароны, пучки артиллерийского пороха.

Я пробежал мимо. Когда вернулся, парень, сунув два уцелевших снаряда под мышки, тащил их к орудию. Меня поразило его перекошенное, трясущееся лицо.

— Ты как, ничего? — спросил я.

Приятель мотал головой и, заикаясь, сообщил, что немецкий снаряд взорвался у него под ногами.

— Под ногами! — усомнился я. — Тебя бы в клочья разнесло. Глянь, где воронка.

Нам обоим повезло. Снаряд оказался фугасный (так мне потом объяснили). Осколков было немного, и взрыв, ударивший метрах в десяти, донышком стакана снес крышку ящика. Зато не повезло расчету четвертого орудия.

Снаряд взорвался спереди перед капониром. У зенитных пушек отсутствуют щиты, артиллеристы ничем не защищены и сидят на платформе. Взрыв снес часть бруствера, смял ствол и разбросал людей. Комком мерзлой земли в лицо был убит заряжающий, еще два артиллериста получили осколочные ранения.

На этом бой с танками закончился. Они свернули в сторону, и там еще долго слышались выстрелы. Потом мы узнали, путь прорывающейся колонне преградили наши «тридцатьчетверки». Там состоялся бой, прорыв немцам не удался. Боец-повозочный рассказывал нам увиденное:

— И наши «тридцатьчетверки», и немецкие танки стоят. Некоторые без башен, еще дымятся. Танкисты, как головешки обгорелые, и снег на всем поле закопченный.

— Много танков сгорело? — спросил кто-то.

— Ой, много...

— Ладно, езжай своей дорогой, — перебил словоохотливого возчика наш командир. — Разговорился...

— Я ничего... Я мимо проезжал, — заторопился боец.

Запомнилось второе февраля. До нас дошла весть, что армия Паулюса капитулировала. Но мы еще с неделю стояли на прежней позиции. Некоторые немцы, не желая сдаваться, мелкими группами ночами уходили на запад.

Комбат усилил посты. Много мы навоевали бы с нашими пятью винтовками и двумя наганами, если бы на батарею вышла группа побольше? Мелькали среди снежной мути какие-то фигуры. Мы раза два открывали огонь, фигуры исчезали.

Вскоре нас снова вернули в Бекетовку. Орудия сдали и занимались очень важным делом — выжаривали вшей, которые на позициях нас замучили. Настроение было хорошее. Победа, скоро весна, по дорогам вели колонны немецких пленных.

— Навоевались, фрицы?

— Чего молчите, Гитлер капут?

В основном шли молча, но некоторые кивали, повторяли, что «Гитлер капут». Боялись, что вдруг разозлимся и пальнем в колонну.

Вскоре нам прислали более мощные и современные зенитные орудия калибра 85 миллиметров. Не слишком отличаясь по весу от 76-миллиметровок, новые орудия имели такую же скорострельность, а снаряды поражали немецкие самолеты на высоте до десяти километров.

Через какое-то время полк передислоцировали в Ростов. Батареи раскидали по городу для защиты мостов и других важных объектов. От каждой батареи выделялась группа наблюдателей из трех человек с радиостанцией, которая находилась на переднем крае. Мы следили за небом и в случае приближения немецких самолетов сразу же передавали сведения о них на свои батареи.

Наш пост представлял землянку и круглый окоп глубиной полтора метра, а в диаметре чуть больше метра. Называли этот окоп «ямой подслушивания». Наблюдатель, который находился в нем, хорошо слышал звук приближающихся самолетов.

Какое-то время я находился в этой группе. Служба, хоть и напряженная (попробуй, прозевай самолеты!), но все же лучше, чем в атаку ходить. Хотя и здесь люди гибли. У немцев снарядов хватало, и обстрелы велись едва ли не каждый день. Порой снаряды падали совсем близко, в соседних группах имелись погибшие и раненые. Но мне было суждено нарваться на другую неприятность.

Однажды утром, когда я стоял на посту в «яме подслушивания», вдруг увидел троих немцев. Скорее всего они возвращались через линию фронта из разведки. Была бы у меня винтовка, может, по-другому бы повер-

нулось, но единственная в группе винтовка имелась у сержанта, который находился в землянке. Я закричал:

— Немцы! Товарищ сержант, немцы!

Что, непохоже на героические подвиги наших бойцов? В газетах все по-другому происходило. Отважный часовой уничтожал фашистов-разведчиков, кого-то обязательно в плен брал. А вот в жизни по-другому случилось.

Услышал сержант мой писклявый голос, сразу выскочил, передергивая затвор, но было поздно. Кто-то из немцев бросил гранату. Сержанту штук пять осколков попали в голову, он погиб на месте. Мне осколок угодил в правое плечо под ключицу. Немцы скрылись, уцелевший радист остался на посту с мертвым телом сержанта. А я пошел в санбат. Вначале вроде бодро, но рана оказалась глубокая, кровь под бельем вниз течет, в ботинках хлюпает. Кто-то помог мне добраться до санбата, пролежал я там два месяца.

Резали, чистили рану, началось воспаление, снова чистили. Вылечили, и продолжил я службу. В январе сорок четвертого меня направили в танковую школу в Пятигорск. Красивые места, горы, ущелья, леса. Здесь я месяцев пять старательно постигал танки Т-34 и новый Т-34-85 с 85-миллиметровой пушкой. Окончил школу в звании «сержант» и поехал в Свердловск, где получил новенький танк Т-34-85. Так началась служба в танковых войсках.

Наша 39-я танковая бригада дислоцировалась в Прибалтике. Новое место службы мне понравилось. Вызывало гордость, что я теперь танкист, экипаж мощной машины Т-34-85, хорошо бронированной, скоростной, с орудием, способным пробивать броню любых фашистских танков.

Насчет «любых» я, конечно, преувеличивал. К осени сорок четвертого даже обычные немецкие Т-4 уже были бронированы дальше некуда. Обвешаны дополнительными листами брони, звеньями гусениц, а знаменитые «Тигры» и «Фердинанды» имели броню от 100 до 200 миллиметров.

Ни с «Тиграми», ни с «Фердинандами» столкнуться не пришлось. И вообще, как учили более опытные товарищи, опасаться больше следует противотанковых орудий с их подкалиберными, а особенно кумулятивными снарядами. Хорошо замаскированные, они наносили в лесах Прибалтики быстрые и эффективные удары из засад.

В тот период широко появилась в войсках Вермахта еще одна головная боль для танков — «фаустпатроны». Простая в эксплуатации штукавина прожигала броню всех наших танков, а носить эту трубу с набалдашником можно было на плече. Единственным утешением служило то, что «фаустпатроны» действовали эффективно на сорок-пятьдесят метров.

Мне понравилась обстановка в экипажах. Здесь не козыряли званиями, а командир танка — лейтенант, ничем в обычной обстановке не показывал своего преимущества. Этими свойствами танкисты заметно отличались от других родов войск. Сплоченность экипажей, без преувеличения, напоминала семью.

Недели через две после прибытия, в ноябре сорок четвертого года, наша рота в количестве десяти машин пошла в наступление. Шли мы, развернувшись по фронту, один танк от другого метрах в ста пятидесяти. Местность, как сейчас, перед глазами стоит. Насыпан-

ная проселочная дорога, слева — болотистое поле, а справа — лес. Наш танк шел левее дороги, выбирая места посуше, готовый в любую секунду открыть огонь.

Неудобное место для наступления. Скорость не наберешь, постоянно преграждают путь низины, в которых можно завязнуть, и без буксира не выберешься. К тому же лес, кустарник, каменистые гряды представляли удобное место для артиллерийских батарей. В общем, двигались осторожно. Но это нас не спасло.

«Тридцатьчетверка», которая шла по дороге, нарвалась на фугас. Рвануло крепко. Фугас — это не противотанковая мина с ограниченным зарядом взрывчатки. Фугасы начинают тротилом от души, да еще сунут для верности пару гаубичных головок, ну и одну-две мины «тарелки».

Рвануло так, что земля вздрогнула. Танк практически разнесло на куски. Двигатель отлетел метров на пятнадцать, башня — на обочину. Вокруг дымящейся воронки валялись куски металла, остатки гусениц, выбитые, расколотые колеса. От экипажа даже клочков не осталось. Ведь кроме фугаса сдетонировал еще боезапас — 60 снарядов.

Мне стало не по себе. Мальчишка, только восемнадцать лет исполнилось, а тут такая страшная смерть! Танки открыли беспорядочный огонь, пальнули раза два и мы. Нам сразу же ответили немецкие орудия. Я разглядел две вспышки. Что-то провыло прямо над головой.

У нас экипаж был неполный (не хватало стрелка-радиста), я подавал снаряды. Что творится снаружи, толком не видел. В какой-то момент разглядел совсем близко капонир и торчавший ствол пушки. Немцы? Наверное, я замешкался, а командир заорал:

— Витька, осколочный!

Мы ударили по орудью осколочным раз и другой, потом под гусеницами заскрежетало, кто-то пронзительно кричал. Легкую противотанковую пушку мы раздавили, прошлись пулеметной очередью по разбегающемуся расчету.

И в этот момент «тридцатьчетверку» сильно встряхнуло, удар забил уши, как ватой, я свалился вниз. Подбили? Запахло дымом.

Несмотря на малый опыт, мне заранее толково объяснили, что хорошо горит не только бензин в немецких танках, но и солярка в наших «тридцатьчетверках». Причем разогретая солярка вспыхивает мгновенно, и медлить в такие секунды нельзя.

Мы выскочили все четверо быстро и без толкотни. Командир танка был ранен в ноги осколками. Штанина комбинезона и мякоть ниже колена были распороты, сильно текла кровь. Мы подхватили его и потащили прочь от машины, из которой уже выбивались языки пламени.

Ранен был в плечо командир орудия, а я получил вскользь осколок в спину. Мы отбежали метров на сорок и легли возле кустов. Наш танк всю горел, потом сдетонировали снаряды, и башня свалилась с корпуса. Что происходило на поле, трудно было определить. Хлопали орудийные выстрелы, еще один танк горел, другой рывками уходил под защиту деревьев, непрерывно огрызаясь выстрелами из пушки и пулеметными очередями.

Мы торопливо перевязали командира. Рана была глубокая, бинты сразу пропитывались кровью. Пушка, которую мы раздавили, вплющилась во влажную землю, как таракан. Возле нее ворочался тяжелораненый немец. Еще двое немцев бежали неизвестно куда.

У механика-водителя был пистолет ТТ. Мы отговаривали его стрелять, но когда немцы, в суматохе не видя нас, приблизились метров на тридцать, он выпустил в них всю обойму. Одного ранил. Оба фрица залегли, но не стреляли, хотя у них был автомат. Возможно, опасались наших танков.

Механик, более опытный, торопливо перезарядил пистолет, но стрелять больше не стал. Понял, что немцы не намерены с нами воевать. Крикнул:

— Вег! Бегите, к чертовой матери.

Фрицы поползли, а потом, оглядываясь, встали и побежали. Один поддерживал другого. Позже я понял, что сержант не ставил целью уложить обоих немцев. Он их остановил, ранив одного. Если бы немцы натолкнулись на наш израненный экипаж, то наверняка перебили бы всех. Получив отпор, они предпочли скрыться.

К вечеру добрались до своих. Командира танка и наводчика отправили в санбат. Я ходил на перевязки к батальонному санинструктору и отсыпался. Меня не тревожили. Иногда сам шел к поварам, помогал им, а они за работу накладывали в котелок побольше мяса и удивлялись:

— Такой маленький, и куда столько лезет? Ладно, ешь, ешь! Лишь бы на пользу.

С поварами я подружился. Они были в возрасте, и для них я был совсем мальчишка. Через неделю получил новый танк, звание «сержант» и должность командира орудия. К сожалению, на этом танке я тоже долго не провоевал.

Успели разок смотаться в разведку. Шел декабрь сорок четвертого года. Наши кругом наступали. Вроде и конец войны, бои шли уже в Венгрии, Германии, а

сопротивлялись немцы ожесточенно. В разведке наш танк зашел в немецкий тыл, болота замерзли, идти было легко. Наткнулись на саперов, минировавших поле и дорогу. Увидев нас, они разбежались. Стрелять мы не стали, отметили на карте поле, вырытые траншеи, в общем, будущий узел сопротивления.

Когда вернулись, нас похвалили. А через день-два произошла большая беда. Не зря танкисты так дружно и сплоченно держатся. Короткий век у большинства расчетов на передовой.

Снова пошли в разведку. На этот раз взводом, тремя машинами. Нам дали задание выйти к лесу и пройти по дороге вдоль него километра полтора, выяснить, какая там обстановка.

Вначале все шло нормально. Четко очерченной линии фронта в этих местах не было. Где наши вперед вырвались, где фрицы продолжали позицию удерживать. Но, в общем-то, мы их упорно теснили. Метрах в семистах от нас находилась пехота, немного подальше — орудийные батареи.

На быстром ходу миновали открытое холмистое поле. Стояли два сгоревших грузовика, к одному была прицеплена перевернутая гаубица. Кругом были разбросаны гильзы и боеголовки (у гаубиц заряды разделные).

Водители и орудийный расчет частично сумели убежать, но трое или четверо лежали припорошенные снегом. Мы, не останавливаясь, подъехали к сосновому лесу, осмотрелись и двинулись по дороге, как нам было приказано. Метрах в пяти-шести рос кустарник, мелкие деревья, а за ними сосны. Вроде грамотно двигались. С одной стороны — кусты, лес, в котором ничего подозрительного не обнаружили, а открытое

место мы держали под прицелом трех наших орудий и шести пулеметов. Попробуй, сунься!

Никто к нам не сунулся, а спустя короткое время вдруг ударили из леса выстрелы. Артиллерийскую батарею мы бы заметили, пушки не так просто спрятать. Но нас поджидала засада с «фаустпатронами». Били они прицельно, мы ведь в пяти метрах от опушки двигались. Облегчили им задачу.

Наш танк ударило, прожгло насквозь. Командир рядом со мной сидел, я видел, что его наповал осколками изрешетило. Рукой провел, а он весь в крови, комбинезон — в клочья. Меня тоже контузило, как и остальных в машине.

Но мы четверо из танка успели выпрыгнуть. Глядим, два других танка тоже горят. «Фаустпатроны» реактивной струей броню прожигали насквозь, танки мгновенно вспыхивали.

Ситуация получилась такая. Командир взвода и командир нашей машины погибли сразу. Еще четверо танкистов, погибшие или тяжело раненные, остались в горящих «тридцатьчетверках». Мы, девять человек, бежали от засады. Командир танка, единственный уцелевший офицер, был тяжело ранен.

Может, нас всех и добились бы. Но сыграли свою роль два обстоятельства. Кто-то из опытных сержантов взял в свои руки инициативу. Поле, по которому мы бежали (вернее, пытались бежать) — контуженые, обожженные, было прорезано дренажными канавами.

Кроме того, успели захватить с собой автомат, имелись три-четыре пистолета и несколько гранат. Как знали, что в подобную ситуацию попадем. А ситуация очень скверная. Не случилось такого, чтобы за минуту

целый танковый взвод, три новых мощных «тридцать-четверки» подожгли.

Человек семь немцев выскочили, чтобы нас добить. Им было весело глядеть, как горят наши машины, а контуженые, обожженные «Иваны», пригибаясь, убегают прочь. Сержант, который взял командование на себя, понял, что бегущих добьют очередями в спину. Показал на дренажную канаву:

— Прыгай сюда. Сейчас мы им, блядям...

Тяжко пережить момент, когда из огня выскакиваешь, глядя, как корчится в пламени твой товарищ, а ты ему помочь не в силах. И неизвестно, сумеешь ли сам из люка выкатиться, когда комбинезон на тебе тлеет и задыхаешься от дыма. Но уж если пережил и пришел в себя — злости на троих хватит.

Из пятнадцати человек нас девять осталось. Двое-трое были сильно обожженные, с осколочными ранениями, остальные обороняться могли. Сержант открыл огонь из автомата, захлопали пистолетные выстрелы, бросили гранаты. Я тоже стрелял из своего ТТ, выпустил обойму и вставил запасную.

Попал в кого или нет, не знаю, но немцы, кинувшиеся сгоряча за нами, не учли, что имеют дело не с новичками, а много чего повидавшими бойцами. Один, второй фриц свалился. Одного потащили назад в лес под руки, другой так и остался лежать.

Я лихостью наших танкистов хвалиться не буду. Какая уж тут лихость, когда прозевали засаду и потеряли машины! Но и добить себя мы не дали. Сыграл роль дружный, может, и не слишком меткий огонь, и, кроме того, немцы боялись, что появятся еще наши танки.

Пехота нам помочь не могла, слишком далеко от нас находилась. Но открыли огонь трехдюймовки, расположенные за позициями пехотинцев. Немцы не стали

ждать, когда по ним пристреляются, тем более от нас потери понесли, и убрались от греха подальше. Свою задачу они выполнили — уничтожили танковый разведвзвод. А убитый немец, оставшийся лежать в снегу, не такая уж большая плата за три уничтоженных русских танка.

Вскоре подоспели санитары, оказали первую помощь. Лейтенант, молодой, как и мы, парень, умер позже от тяжелых ранений в санбате. Спрашивать за уничтоженный взвод было не с кого. Нас подбадривали. На войне всякое случается. Роты, батальоны в наступлении гибнут. Из этой истории понял я одно. Просто выпала нам задача, которая ничем хорошим и не могла кончиться.

Разведку вести надо было. Это — приказ. Отошли бы подальше от леса, то на открытом месте попали бы под огонь немецкой артиллерии. Командование сверху решило, что идти, прижимаясь к лесу, более эффективно. Наша цель была — обнаружить артиллерийские, пехотные позиции. Никто не думал, что влетим мы в засаду, где от силы человек двадцать фрицев было. Но вооруженные «фаустпатронами» и поджидающие танковую разведку, они сработали умело.

Кто-то из нас попал в санбат, кто лечился в бригадной санчасти. Я от санбата отказался. А дней через десять собрали четверых танкистов из погибшего взвода и приказали идти на место боя. Похоронить погибших товарищей и подготовить машины к эвакуации.

К тому времени наши войска продвинулись вперед. Лес и эта злосчастная дорога были уже в тылу. На всю жизнь я этот поход запомнил. Словно специально наказание нам выдумали (хотя это было не так). Просто мы лучше других знали место боя, да и кого еще посылать?

Кроме оружия захватили с собой лопаты, кирки и пошли. Смотрим, стоят три наших танка, как и стояли. Люки распахнуты, окалина, покрытая инеем, башни на месте, хотя все три машины выгорели изнутри.

На погибших ребят смотреть страшно. Черные, как головешки. У кого голова, у кого рука оторвана. Некоторых скрутило жаром так, что нарочно не придумаешь. Руки, ноги во все стороны торчат, тела промерзшие, не сгибаются. Вытащили четверых, а двое в люки не пролезают. Смотрим друг на друга:

— Что делать?

— Вытаскивать, — буркнул кто-то.

Лучше не рассказывать, как мы их вытаскивали, чтобы матерей и жен погибших товарищей не травмировать. Вырыли могилу. Столбик, фанерную дощечку с именами погибших заранее приготовили и с собой принесли.

Закопали наших товарищей, соорудили аккуратный бугорок и воткнули столбик с табличкой. Дали, как полагается, три залпа в воздух, постояли у могилы. Долго ли продержится столбик и братская могила? Чужие, враждебные кругом места. Или немец, или прибалт, проходя, собьет ногой дощечку.

Да если и не наткнется никто, затопит все вокруг талой болотной водой, размочит бугорок, а потом пойдет в рост трава, и не останется следа от братской могилы. Вот такие невеселые мысли бродили в моей голове, когда возвращались в часть.

А меня, когда я отходил от контузии, взял к себе в штаб батальона старший оперуполномоченный особого отдела СМЕРШ. Старший лейтенант, по характеру простой. Я ему по разным мелочам помогал, числился вроде ординарца.

Однажды особист позвал меня, усадил за стол напротив и сообщил, что идет набор в Саратовское танковое училище. Требовалось образование семь классов и хорошая характеристика. Насчет характеристики у меня было в порядке, а вот с образованием... я ведь всего шесть классов закончил.

Аттестатов не требовалось, кто их на войне с собой носил? Мог соврать, но не решился. Начну сдавать экзамены или во время учебы выяснится, что я недоучка. Чем все кончится? Здесь я сержант, ребята меня уважают, а там выгонят с треском за вранье и сунут рядовым в окопы.

Особист меня убеждал, что шесть или семь классов — это формальность. Я опытный танкист (как же, два раза горел!), и такие люди для училища нужны. Отучусь полгода, стану офицером. Разве плохо? Конечно, неплохо. Только в восемнадцать лет голова по-другому работает. Начал я рассуждать, что война к концу идет, и я хочу довоевать до победы в своем батальоне. Старший лейтенант от такой наивности даже выругался:

— К концу... к какому только — непонятно. Ты за четыре месяца дважды в танках горел, чудом выбрался. Или считаешь, Бог троицу любит? Ждешь, когда в лоб снаряд получишь?

Откровенно со мной особист разговаривал и хотел, чтобы я, восемнадцатилетний мальчишка, дожил до победы. Видя, что не переубедить, махнул рукой:

— Поступай как знаешь.

Получил я вскоре свой третий танк. Особист как в воду глядел. На нем мне было суждено снова угодить в переделки, из которых мог и не выйти живым.

Через какое-то время, в феврале, неполная рота из

Командир группы из восьми танков пошла в разведку. Имели с собой небольшой десант, а командовал нами капитан. Молодой, лет двадцать пять, но уже повоювавший. Фамилии не помню, энергичный, возможно, излишне самоуверенный. Но решения принимать умел. Не зря так быстро капитаном стал и два ордена имел.

Прошли мы на скорости мимо сгоревшего поселка. Если от наших русских деревень оставались только печи, то здесь, в Прибалтике, каменные дома сохранились более-менее. Выгорали крыши, полы, дерево, торчали закопченные коробки — удобное место для засады. Командир роты повел машины в обход поселка, а вскоре мы увидели линию брошенных траншей.

Осторожно перебрались через траншеи. Все говорило о том, что их покидали в спешке. Экономя металл, немцы старались забирать с собой даже стреляные гильзы от пушек, канистры, эвакуировали подбитые танки.

Здесь же валялось множество стреляных гильз от противотанковых пушек и гаубиц. Самоходка «Веспе» с развороченным боком стояла в капонири. Немцы не сумели ее увезти и сожгли, чтобы не досталась русским. Поспешное отступление свидетельствовало о том, что наверняка впереди находится заслон. Немцы всегда прикрывают свои отступающие части и преграждают путь разведывательным группам вроде нашей.

Танки остановились. Капитан послал трех человек, в том числе меня, поглядеть с высоты, что там впереди. Высота представляла из себя плоский холм с несколькими каменными глыбами. Недавно здесь было пулеметное гнездо: россыпь стреляных гильз, пустые ленты, банки из-под консервов. Вовремя фрицы отсю-

да убрались. Но это была мелочь. В бинокли мы разглядели километрах в двух впереди массивный бетонный дот, откуда торчал ствол дальнобойного орудия. Чего-чего, а дотов и разных укреплений в здешних местах немцы за три с половиной года понастроили успели. Недалеко от дота, в капонирах, размещались две противотанковые пушки, скорее всего 75-миллиметровки.

Судя по траншеям и окопам, там имелись несколько пулеметов и наверняка минометы, без которых фрицы никогда не обходились. Обычный заслон, который наша рота смела бы с ходу... если бы не массивный дот. Его наши снаряды не возьмут. А внутри скорее всего находится 88-миллиметровое орудие. Его шестиметровый ствол пробивал броню наших танков на расстоянии двух километров. То есть подобраться ближе и всадить в амбразуру снаряд вряд ли удастся.

Впрочем, это решать капитану. Может, он даст команду отступить, но я в этом сомневался. Вернувшись, лейтенант, возглавлявший группу, доложил ротному увиденное. Не знаю, что бы предпринял капитан, но появилась небольшая колонна грузовых машин в сопровождении танка Т-4 и бронетранспортера. Видимо, они выходили из окружения.

Капитан разделил роту на две части. Двум танкам приказано было выждать и открыть огонь по колонне (там было 10—12 машин), а остальным шести танкам под его командованием — обойти заслон с фланга и уничтожить. Главной опасностью для нас был дот с дальнобойным орудием. Обычно стены таких массивных противотанковых дотов имеют толщину метр или полтора. С флангов его защищают «семидесятипятки». Возможно, в тылу тоже имеются пушки.

— Здесь гаубицы нужны, чтобы такую махину развалить, — пробурчал кто-то.

— Или десяток штурмовиков, — весело передразнил его капитан. — Что, улизнуть захотелось?

— При чем тут улизнуть...

— Значит, будем фрицев бить.

Мой танк входил во вторую группу. Скажу сразу, что затея капитана не слишком пришлась мне по душе. Местность в Прибалтике, с плохо промерзающими болотами, вязкими низинами и участками густого леса, не слишком способствовала маневрам.

Но меня никто не спрашивал, и шесть «тридцатьчетверок» двинулись, делая большой полукруг. Вскоре услышали стрельбу. Оставшиеся два танка вели огонь по колонне. Они отвлекали внимание на себя и давали нам возможность зайти нашим двум взводам с фланга или даже с тыла.

— Старшой! — мрачно обратился к нашему лейтенанту механик-водитель, бывший тракторист, лет на десять старше его. — На рожон не лезь. Не хочется за медаль живьем сгореть в конце войны.

Наверное, младшего лейтенанта задел тон механика-водителя, но тот считался опытным специалистом. В экипаже его слушались. Накалять обстановку перед боем было бы неразумно, поэтому лейтенант молча кивнул, соглашаясь, что на рожон лезть не следует.

Наши шесть машин миновали редколесье, где хилые ели торчали, как палки. Часто попадались камни и целые валуны. Вскоре один из танков вдруг остановился и крутнулся на месте. Он напоролся на угловатый камень и порвал гусеницу. Остановились и другие машины. Подбежал с руганью командир роты:

— Ты что, нарочно, гад? От боя уклоняться?

— Виноват, — вытянулся светловолосый старшина, командир танка. — Сами видите, товарищ капитан, сколько вокруг камней.

Я не был специалистом по вождению, но мне показалось, что механик из экипажа старшины действительно мог умышленно порвать гусеницу. Наехать на камень — полбеды, а вот резко усилить газ или слегка крутнуться, тут уже гусеничные пальцы могут не выдержать.

Как там произошло на самом деле, не знаю. В любом случае экипаж своего механика никогда бы не выдал. А офицер, командир взвода, находился в другой машине. Ротный полез в карман комбинезона, где все обычно носили личное оружие. Сейчас достанет пистолет... Старшина побледнел и отступил на шаг.

— Товарищ капитан, честное...

— Разбираться с вами некогда. Двадцать минут на перетяжку гусеницы и ни минуты больше, — ротный не вынул пистолет, но сжатый кулак побелел от напряжения. — И ты теперь всегда впереди будешь идти... пока я жив. Мать твою в гробину!

Мы двинулись дальше. Конечно, сразу возник спор. Категорично заступился за старшину и механика-водителя наш механик. Лейтенант промолчал, а мы, покурив, согласились, что камень мог попасть под гусеницу случайно. Вон их сколько валяется, не каждый заметишь.

— А капитан наш молодец, — сказал механик. — Другой мог и пристрелить.

— Что он, дурак? — подал голос лейтенант. — За расстрел без суда угодил бы в штрафбат.

— Угодил, не угодил... ты, лейтенант, как маленький. Шлепнул бы, а после боя никто бы и не вспомнил.

— Не строй из себя умника, — резко оборвал его лейтенант.

Механик вспомнил, что он подчиненный, и спорить с командиром танка лучше не надо.

— Резкий наш капитан, — сглаживая обстановку, объяснил он. — В бою никого не щадит.

— Это точно, — согласился кто-то из экипажа. — Решительный мужик, напролом идет.

На этом спор закончился, а через пяток минут мы вступили в бой.

Немцы возвели дот и вырыли траншеи, что называется, на узком месте. Справа, где проходила дорога, начиналась каменистая россыпь, для танков совершенно непроходимая. Поле шириной с километр представляло идеальный полигон для обстрела любой техники. За ним начинался лес, не слишком густой, который мы проскочили по краю.

Заминировать все пространство фрицы были не в состоянии, но на одну из противотанковых мин мы налетели. У «тридцатьчетверки» сорвало гусеницу и вышло ведущее колесо. Экипаж контузило, но больше всех досталось механику-водителю, которого вытащили без сознания.

Оглядев сержанта, пощупав пульс, капитан приказал оказать ему первую помощь, а экипажу занять круговую оборону. Теперь в нашей «штурмовой» группе осталось четыре танка. Ротный спешил, но действовал разумно. Немцы уже знали, где наши танки, и прятаться не имело смысла. Мы шли на скорости километров сорок пять, выходя к доту с левого фланга. Обе 75-миллиметровки вели беглый огонь, но расстояние было велико. Оружие дота молчало, но капитан опасался, что его могут выкатить и начать стрельбу с открытой позиции.

— Быстрее, быстрее, — раздавалось по рации.

Нашему взводу было приказано сближаться с заслоном и вести огонь по «семидесятипяткам» с коротких остановок. Капитан уходил глубже в тыл, но я не понимал, как он сумеет преодолеть высокий холм, густо поросший соснами.

С расстояния километра мы всаживали во вражеские вспышки осколочные снаряды. Бронебойная болванка словно толкнула нас волной сжатого воздуха. Мы все почувствовали ее. По коже пробежал неприятный холодок. Еще один снаряд срезал куст, болванка закувыркалась по снегу. От раскаленного металла поднялось облако пара.

Потом нас ударило в правую сторону башни. Встряхнуло так, что мы послетали со своих мест. Заряжающего, крепкого мускулистого парня, контузило. На минуту или две мы прекратили огонь.

— Одну пушку раздолбали, — чему-то удивился стрелок-радист. — Глянь, ствол торчит.

Мы не успели порадоваться успеху, потому что дернулся второй танк из нашего взвода. Снаряд врезался в маску орудия. Удар оказался сильным. Осколками брони смертельно ранило наводчика. Лейтенант, открыв люк, жадно глотал воздух.

— Стреляйте... чего смотрите! — хрипло крикнул он.

В лесу, позади дота, творилось что-то непонятное. В наступившей на короткое время тишине мы услышали выстрелы нашей родной «восемьдесятпятки», трещали и ломались деревья. Видимо, огонь вел капитан или экипаж второго танка, сумевший зайти в тыл. Что уцелели оба танка, я в это не верил.

Появилась «тридцатьчетверка» белокурого старшины. Командир взвода принял решение атаковать. По-

оставший на мину танк должен был поддерживать нас огнем.

— Капитана надо выручать, — высунувшись из люка, проговорил он. — Скорость и маневр. Старшина, вперед!

И мы рванули вперед. Как в кадрах кино мелькали отдельные эпизоды. Из-за нехватки орудий немцы обстреливали нас минами. Сыпались они густо, но остановить три разогнавшиеся машины не смогли. Продолжала вести редкий огонь уцелевшая «семидесятипятка», но ее добил танк, оставшийся нас прикрывать.

У взводного хватило ума не уютжить сгоряча окопы (точно влетели бы под «фаустпатроны!»). С расстояния ста метров открыли огонь из пушек и пулеметов. Над траншеями висела туча дыма, взлетали комья мерзлой земли, обломки, куски человеческих тел. По дороге промчались несколько грузовиков из колонны, которую пытались перехватить оставшиеся в тылу две «тридцатьчетверки».

Пять-шесть машин и бронетранспортер проскочили за дымовой завесой и исчезли. Мы разбивали траншеи, минометные гнезда, стреляли в дот, из которого шел дым. Потом оглушительно грохнуло, а из широкой амбразуры плеснул язык пламени.

Двое артиллеристов, пытавшихся отсидеться в яме, не выдержали и побежали прочь. Их догнали пулеметными очередями и всадили снаряд, который разбросал тела в разные стороны. Бой был закончен. Но возбужденные, еще не пришедшие в себя, мы продолжали с десятков минут стрелять в любой шорох, в каждый окоп.

— Угомонись, славяне! — послышался голос командира роты. — Поберегите снаряды.

Мы вылезали из танков, закуривали, кто-то шарил в перепаханной траншее в поисках трофеев.

Вскоре выяснились все детали боя. Капитан и второй танк, бывший с ним, тоже попали на мины и с расстояния трехсот метров открыли огонь по бронированной двери дота и траншее. Пулеметчики прикрывали машины от «фаустников», пытавшихся приблизиться. Снаряды не брали дверь. Кроме того, мешали сосны. Пока не сшибли три-четыре дерева, точного огня не получалось.

Потом дверь (скорее ворота) вмяли, перекосили десятком бронебойных и фугасных снарядов. Подкалиберный снаряд, пробивший дверь насквозь, вызвал внутри массивного дота пожар. Гарнизон до последнего пытался потушить его, затем немцы стали выпрыгивать в широкую орудийную амбразуру.

Я обошел серый массивный колпак. Несколько амбразур, одна для тяжелой 88-миллиметровой пушки и одна для зенитного автомата. Из других вели круговой обстрел пулеметчики. Сколько фрицев осталось внутри выгорающего дота? Судя по всему, гарнизон составлял человек двадцать. Бронированную дверь толщиной миллиметров сто пятьдесят перекосило и заклинило. Оставшиеся в живых фрицы выбирались из амбразуры главного калибра. Обе противотанковых пушки на левом фланге были разбиты, тела артиллеристов смешаны с землей, обломками, сплюснутыми гильзами.

Мы уничтожили крепкую огневую точку. Насколько я знал, вначале планировалось наступление танковым батальоном. Двадцать машин и три пехотные роты, которые, согласно приказу, поперли бы напрямую. Потому что вокруг минные поля, у нас мощные танки, и

вообще... мы привыкли бить с маху, не считая потерь. Как говорили у нас в селе: «Хоть морда в крови, зато грудь нараспашку!»

Не сомневаюсь, что половина пехоты и танков остались бы на подходах. Мы тоже понесли потери. Но капитан, не боявшийся риска, хоть и загнал три танка на мины, но снес этот опорный пункт.

Не слишком удачно прошла попытка разгромить колонну автомашин. Танк Т-4 сумел поджечь «тридцатьчетверку» и повредить вторую, хотя сам получил несколько снарядов и сгорел. Но большая часть автоколонны прорвалась в тыл. А в общем, капитан организовал бой решительно и умело. Мы потеряли один танк. Три, налетевшие на мины, и один подбитый, были позже восстановлены. Погибли пять-шесть танкистов, сколько-то получили ранения и ожоги.

Зато к вечеру «узкое место», где все еще дымил огромный дот, уже оседлала артиллерия и наша пехота. Немцам, выходящим из окружения, дорогу перекрыли. А наши машины там же на месте восстанавливали ремонтники, сверкала электросварка, натягивали порванные гусеницы. И хоронили убитых. Меня этот бой научил одной важной вещи — уметь идти на риск, когда это оправдано обстановкой.

Майор-комбат вначале разозлился на слишком уверенного в себе капитана. По слухам, обругал. Ведь капитан неполной ротой без долгой подготовки сделал то, что еще вычерчивалось на картах. В полку действия капитана (фамилия давно ушла из памяти) одобрили и вскоре наградили орденом Отечественной войны. Обещали награды и нам. Может, кто и получил, но наш экипаж обошли. Решительные действия капитана долго обсуждали в полку. Ему предрекали должность комбата, ну и кусочек славы достался нам.

С неделю мы отдыхали, восстанавливали танки, приходили в себя от контузий. Просто спали. Кормежка была так себе, «наркомовские» на период отдыха отменили, и мы поневоле вспоминали фронтовое довольствие.

Я получил сразу три письма из дома с многочисленными приветами от родни. Перечислялись фамилии погибших и пропавших без вести приятелей и соседей. Их было так много, что у меня окончательно испортилось настроение. Мама просила, «Христа ради» не лезть под пули, беречь себя. Что я служу танкистом, родня не знала. Не хотел расстраивать. Врал, что по-прежнему нахожусь при связи, все нормально, и скоро немцев добьем окончательно. А что еще писать? Остальное бы цензура вычеркнула.

Вскоре бригада снова начала наступление. Мы шли ротой (10 танков), командир у нас был другой. Капитана действительно повысили и перевели командовать соседним батальоном. Шли фронтом в сопровождении пехоты и штрафников.

Каждому танку определили направление. Нам выделили десятка полтора штрафников. Сержант, старший из них, весело откозырял и доложил командиру танка, что прибыл в наше распоряжение. Кем он был до штрафной роты, я не знал — может, офицером. Но не выделялся. И штрафники (раньше я считал, что все они сплошные уголовники) вели себя нормально, хотя с некоторой долей лихости. Ножи на поясах, у некоторых трофейные автоматы: «Нам сам черт не брат!»

Ну, не брат, пусть будет так! Рассадили их на броню и двинулись вперед. Нам заранее определили объект. Каменную водонапорную башню, высотой 3 — 4 этажа, на окраине поселка. Имелось подозрение, что там на-

ходятся артиллерийские наблюдатели и корректируют огонь немецких орудий.

Мы приблизились к башне. Уткнулись в поваленные молодые деревья. И сразу по нам открыли огонь из «фаустпатронов» и автоматов. Из узкого окна-бойницы на верхушке башни бил пулемет. Мы тоже не остались в долгу, вlepили по вспышкам несколько снарядов. Кирпичная башня оказалась для нашего калибра толстоватой, снаряды ее не брали. Из траншеи выскочили с десятком фрицев и побежали прочь.

Двоих или троих мы успели срезать, но пулемет с башни продолжал вести огонь. Штрафникам пришлось туго. Они, как на ладони, с башни видны отчетливо, несколько человек уже погибли. Остальные пытались найти укрытие от пуль, а деревья тонкие, не спрячешься. Ударили мы по башне ещё раз-другой и рванули вперед.

Двигались по сваленным деревьям. Это оказалась ловушка. Сами, не заметив, ухнули то ли в канал, то ли в речку. Провалились так «удачно», что уткнулись стволом орудия на полметра в глинистый противоположный берег. Речка была шириной метров шесть-семь, не заметили мы ее из-за сваленных деревьев.

Орудие не действует, открыли огонь из пулемета. Нам-то ничего, а штрафники гибнут. Отступить не имеют права, а прятаться негде. Стало мне их жалко, да и ситуация сложилась дурацкая. Остальные танки нашей роты ушли вперед (как-то перебрались через речку), остались мы и штрафники. Танк стоял стволом вниз под углом градусов сорок. Мы представляли собой хорошую мишень. Выручили братья-славяне.

По дороге, метрах в семидесяти, двигались тяжелые самоходки. Наш командир танка, лейтенант, не обращая внимания на пули, встал из люка в полный рост и закричал:

— Ребята, выручайте! Мы в речку провалились, а пулемет с башни половину десанта перебил.

Танкисты и самоходчики всегда друг друга поймут. Без лишних вопросов одна из тяжелых самоходок свернула с дороги и подъехала к речке. Снаряд 152-миллиметровой пушки весит без малого полста килограммов. Выстрелили один раз, этого оказалось достаточно. Верхнюю половину башни снесло, и вопрос о вражеских наблюдателях отпал. Пулеметчиков тоже завалило кирпичами.

Вскоре подогнали тягачи, вытащили кое-как нашу «тридцатьчетверку», и мы целый день отмывали и чистили ее.

Потом снова шли бои. Командиром роты поставили моего земляка, старшего лейтенанта Иванова из Дубовки. Забегая вперед, скажу, что мы с ним сдружились. После войны я написал ему несколько писем, но ответа не получил. Возможно, он продолжал служить.

А с третьим танком мне тоже не повезло. В апреле вели бой, нас обстреливали из орудий. Помню, что снаряды взрывались рядом, по броне били осколки и комья земли. В этом бою землей забило ствол пушки (там горстки достаточно!) и ствол разорвало. Выстрел получился оглушительный, мы выскочили, подумав, что угодили под снаряд. Глядим, а конец ствола разорвало, торчит лепестками. Какое-то время мы вели огонь из пулеметов, затем ротный отправил нас от греха подальше в тыл. Мы же без орудия — движущаяся мишень.

Запомнился день 8 мая. Километрах в двадцати от города-порта Лиепая (Либава) после долгого сопротивления сдалась последняя группировка немецких

войск. Шла по четыре человека в ряд, бесконечная колонна немецких офицеров и солдат. По-разному выглядели они. Шли, придерживая строй, глядя по сторонам или себе под ноги. Многие подавленные, не зная, что их ждет впереди. Некоторые немцы, в основном офицеры, держались надменно, даже несли пистолеты в кобуре. О чем-то оживленно переговаривались.

Может, и жестоко, но бойцы не выдержали. Выдернули из строя трех-четыре немцев, не сдавших пистолеты, и расстреляли здесь же на месте. Самоуверенность и надменность арийцев мгновенно пропали. Кто имел какое-то оружие, торопливо от него избавлялись. На песок летели ножи, забытые в спешке запасные обоймы, патроны.

Бои под Лиенау шли жестокие. Немцы пытались эвакуировать войска на военных и транспортных кораблях. Большинство было потоплено нашей авиацией и артиллерийским огнем. Полоса моря у берега колыхалась сплошным слоем немецких трупов. Это была расплата за развязанную войну.

В Латвии мы пробыли до августа сорок пятого года. С местными жителями отношения были нормально-прохладные. Любви как к освободителям от фашистов они к нам не питали. Вокруг было много яблоневых садов, однако латышам очень не нравилось, когда мы собирали яблоки даже с земли.

Что, много с собой солдат унесет? Наберем в танкошлемы по десятку штук и грызем. Но сразу появляются хозяева, враждебно смотрят на нас. Чтобы созвать помощь (будто мы драться собрались), начинают колотить в рельс. Ну, мы уходим.

Однажды двое-трое ребят пришли подвыпившие. Мы знали, что у латышей и за деньги ничего не выпро-

сишь. А тут на самогон расщедрились. Ребята сначала не хотели рассказывать, а потом не выдержали, поведали историю.

Пытались купить у хозяина хутора самогон. Война кончилась, расслабиться хотелось. Тот ни в какую, даже по-русски говорить не стал. Самогона нет, еды нет, денег ваших не надо! Ребята разозлились, один и додумался. Говорит:

— Сейчас буду вас в колхоз записывать.

Карандаш, бумажку достает. Хозяин заюлил: не надо в колхоз, я вам самогона и сала принесу. Принес, сам выпил, вежливый такой. Потом я задумался над этим случаем. Чего же в наших колхозах хорошего, если от них, как от огня, шарахаются? С другой стороны, сейчас ни колхозов, ни земледелия. Запущена в России земля.

А ребята рисковали. Такая «шутка» могла обернуться и гауптвахтой, и особым отделом. Колхозы — это политика. За политику (неправильную) крепко взыскивали, вплоть до трибунала.

Затем часть перебросили под Харьков, жили недалеко от хутора.

Запомнилось, что кормили очень плохо, время послевоенное. А у нас имелись сберегательные книжки. Бабки в селе пекли горячие пирожки, мы их называли «тошнотики». Не потому, что плохие. Нормальные домашние пирожки с картошкой, только стоили сумасшедших денег. Так я все деньги, скопленные за два года войны, на эти пирожки за два месяца истратил. Молодые, голодные, всегда есть хотелось. А сытные фронтовые нормы давно отменили, вот и спасались пирожками.

Но это так, для развязки рассказываю. Радовались, война закончилась, и мы остались живые. До 1950 года служил я на технической базе под городом Артемовск, недалеко от Донецка.

В 1950 году женился, прожили с женой 50 лет без двух месяцев. Умерла моя Мария Тимофеевна в 2000 году от болезни. Сыновьям уже под шестьдесят, четверо внуков. Встретил хорошую женщину, Светлану Тимофеевну, живем вместе восемь лет. Вроде все нормально.

А война навсегда в памяти отпечталась. И танки сгоревшие, и хорошие погибшие ребята. И те, кто живые остались. Здоровья им всем!

ЧАСТЬ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Мы вышли на немецкую батарею с тыла. Нас не ожидали, бой был короткий и жестокий. Разворачивали захваченные 75-миллиметровки и били по увязающим в грязи машинам, отступающим немцам.

Соловьев П. М.

Петр Матвеевич Соловьев прошел войну от Сталинграда до Дрездена. Получил подготовку как десантник, участвовал в штурмовых и разведывательных операциях. И жизненная, и военная судьба складывалась у него непросто. Рассказывая о себе, порой делает паузы: «Знаешь, а ведь многое забывается. Фамилии однополчан, даты... но война всегда в памяти остается. Слишком много всего пережил...»

Я родился 22 июля 1922 года в хуторе Ютаевка Иловлинского района Сталинградской области. Отец умер рано, когда мне было три года. Спустя какое-то время мама снова вышла замуж. Детей в семье было пятеро: трое сыновей и две дочери. Я — самый старший.

Земля у нас на Дону плодородная. Собирали хорошие урожаи и на полях, и на домашних огородах. Но в колхозах никого не баловали, получали на трудодни крохи. Зато на своем огороде выращивали картошку, капусту, помидоры, огурцы. Держали корову, пяток

овец, а куры, штук 40, шатались где попало, но яйцами семью снабжали. Жили неплохо.

В тридцать седьмом году в наших краях случилась засуха, неделями дул суховей, урожай пропал. Конечно, это был не тридцать третий год, когда по селам люди умирали, но угроза голода заставила многих сельчан уехать в город.

Наша семья переехала в Красноармейский район Сталинграда. Понемногу устроились. Получили от предприятия, Угольного причала, где работал отчим, половинку небольшого дома. Я, закончив семь классов, тоже работал вначале на Угольном причале, а в 1939 году меня переманили матросом на баржу, которая носила диковинное название «Комсомольское молодежное судно».

Работа была интересной, ходили в Астрахань, на Каспий, даже в Турцию. И зарплата неплохая, но удача длилась недолго. Со своего судна попал я прямиком в тюрьму. История получилась глупая.

В числе грузов мы перевозили в Турцию хлопок, который считался важным, а может, даже стратегическим сырьем. Один из тюков с хлопком во время погрузки развалился. Пока его снова упаковывали, я выпросил у старшего несколько килограммов хлопка, набить матрац. Матрацы у нас были жесткие, тощие. Захотел в комфорте поспать!

Дорого обошелся этот мягкий матрац, на котором я всего одну ночь успел поспать. На следующее утро меня вызвали к капитану, допросили, принесли как вещественное доказательство распоротый матрац с хлопком.

Старший категорически отрицал, что разрешил взять мне несколько пучков хлопка, а меня арестовали как расхитителя социалистической собственности.

Старший, конечно, подло поступил, но если бы при-
знался, то сам бы загремел. Ни он, ни я не сообразили,
что в экипажах, которые ходят за границу, обязательно
есть стукачи. Вот кто-то из них свой хлеб отработал,
может, должность повыше получил, а я загремел под
суд. Мне тогда исполнилось восемнадцать лет, был
малорослый, худой, совсем мальчишка.

Трое судей, которые рассматривали мое дело, хоте-
ли по ходатайству прокурора дать мне семь лет лаге-
рей. В те годы социумщество крепко стерегли и просто
так пальцем не грозили. У меня сердце екнуло — семь
лет, это же целая вечность! Не увижу больше я своих
родных.

Наверное, каялся, может, снисхождения просил.
А скорее всего двое из судей, разобравшись во всем,
поняли, что я по глупости этот хлопок взял, наживаться
на нем не собирался, и хотели дело закрыть. Зато тре-
тий судья оказался настырным, и я получил три года
колонии.

Вначале отбывал срок в Камышине, затем, через не-
сколько месяцев, перевели в Светлый Яр, где мы зимой
долбили ямы под нефтяные емкости. Работа была тя-
желая, ветер, мороз. Помню, что многие заключенные
простужались, но от работы мало кого освобождали.

Зазвенят в зимней темноте удары по рельсу —
вскакивай с нар на работу, больной ты или здоровый.
Жмемся в строю в наших куцых телогрейках с номер-
ками на груди. Проведут поверку, и паши на объекте до
темноты. Долбили мерзлую землю, таскали носилки,
укладывали камни. Легкой работы не было, люди бы-
стро доходили.

Про тюремные харчи и говорить нечего. Баланда из
перловки, капуста или ячки и разваренные лохмотья

рыбы. Одно время, в самые холода, закупили где-то свиные головы, делали щи, в которых плавали блестяжи жира. Продукты, конечно, воровали, но положенную пайку хлеба получали полностью. Калорий при такой работе и воровстве уголовников нам, конечно, не хватало. Много людей умирали. И в санчасти, и прямо в бараках. Толкают человека утром: «Чего не встаешь?», а он заоченел. К концу зимы и я уже кое-как вставал. Ну, дадут день-два отлежаться, а я снова падаю. Плохо бы все кончилось, но кто-то из начальства надо мной сжалился, меня комиссовали.

Приехали мама с братом, погрузили в санки (кожа да кости остались) и повезли домой. Глотал я холодный воздух и не верил, что все позади осталось. Долго выхаживали, хотя с продуктами не густо было. Доставали, покупали для меня молоко, мед, варили куриный бульон. К лету понемногу оклемался. Уже где-то подрабатывать начал, а тут война...

Мы с приятелем Маловым Толей подали заявление в военкомат с просьбой зачислить в летное училище. На что уж я рассчитывал со своей судимостью и здоровьем, не пойму, но твердо решил стать летчиком.

В летчики нас не взяли, я работал на заводе, а в июне 1942 года, когда Сталинград уже бомбили, пошел в военкомат, записываться в добровольцы. Я был направлен в Московскую область в 3-й воздушно-десантный запасной полк. И снова на судимость внимания не обратили. Может, суд ее снял, не знаю.

С июня сорок второго года и до января сорок третьего проходил учебу. Нас готовили для проведения специальных операций в тылу врага, диверсий, разведки. Учили крепко. Например, три раза в неделю совершали марш-бросок с полным снаряжением на

24 километра. Поначалу некоторые не выдерживали, падали. Ничего, вытягивались в службу.

Много внимания уделялось подрывному делу, рукопашному бою, владению ножом. Из оружия изучали винтовки, пулеметы Дегтярева, наганы. Раз в три месяца проводились боевые стрельбы из самозарядной винтовки Токарева (СВТ), иногда из нагана. Конечно, 10—12 выстрелов в месяц — маловато, но, по сравнению с другими частями, стреляли мы много. К оружию привыкли и научились им владеть.

За время учебы я совершил шестнадцать прыжков с парашютом. Кроме того, нас обучали основам артиллерийского дела, как обращаться с легкими пушками, противотанковыми «сорокапятками», что впоследствии очень пригодилось.

Вся подготовка была направлена на создание крепких, боеспособных групп, способных выполнять особые задания. Мы гордились, что являемся десанниками, войсками специального назначения. Слово «спецназ» тогда не знали. Во взводах и отделениях командиры сумели сколотить дружные коллективы. Трусливых и не слишком надежных курсантов отсеивали быстро.

Однажды, в декабре, меня вызвал комбат и с ходу обозвал предателем. Я остолбенел, а комбат кричит:

— Мы из тебя десантника сделали, воевать научили, а ты, Соловьев, убежать собрался!

Оказалось, что на меня наконец пришел вызов в летное училище. Но я уже привык к своему коллективу, сказал, что заявление подавал больше года назад. Из полка уходить не хочу.

— Ну и правильно, — одобрил мое решение командир батальона. — У нас настоящим десанником станешь, с орденами домой вернешься. Все девки твои будут.

Насчет девок я разбирался слабо, опыта не имел. Но вопрос о летном училище был снят, я продолжал учиться на десантника.

На войне все меняется быстро. Еще вчера учебные казармы, а сегодня эшелон везет нас на юго-восток. Как водится, вначале никто ничего не знал. Хотя догадывались, что везут нас под Сталинград. Тогда это была главная тема сводок Информбюро, газетных статей. Под Сталинградом окружена 6-я армия Паулюса, идет мощное наступление. Перечислялись взятые города и поселки, уничтоженные немецкие части, разбитая техника.

Если судить по сообщениям, то наступление должно было закончиться чуть ли не полной нашей победой. Далеко не все верили в слишком бодрый тон газет, но люди устали от бесконечного отступления Красной Армии, хотели верить, что теперь обратного хода не будет.

И наш полк — тоже немалая сила. Две тысячи подготовленных десантников, артиллерия, пулеметы. Светилась в темноте вагона раскаленная теплушка, стучали на стыках колеса. Быстрее! Мы все рвались в бой, опасаясь, что нам войны не хватит.

Солдаты любого полка или бригады считали, что их прибытие непременно изменит обстановку на фронте. Фрицы и так бегут, а тут такое мощное пополнение. Настроены все были по-боевому, о смерти в девятнадцать лет не думаешь. Ох, как мало знали мы о войне! Фронтовиков среди нас было немного. Кто-то из них усмехался, слушая хвастливые разговоры. Другие, зная, что предстоит, молчали. Удастся ли на этот раз выйти живым?

Выгрузились ночью в степи и быстрым шагом (кое-где бегом) двигались к Сталинграду. Двадцатого января две роты нашего полка заняли линию траншей недалеко от Мамаева кургана. С любопытством оглядывали окрестности. К тому времени я был сержантом, командиром отделения.

Сразу было ясно, что здесь прокатилось жестокое сражение. Виднелись руины зданий, из-под снега торчали остатки разбитой техники, сгоревшие танки, трупы наших и немецких солдат. Почему их не похоронили? Мы тогда еще не представляли масштабов Сталинградской битвы.

Участок обороны нам достался довольно большой. Траншеи были выкопаны давно, имелись землянки, блиндажи. На 300 человек мы имели несколько противотанковых ружей, четыре станковых и десяток ручных пулеметов. Патронами нас обеспечили, привезли ящики с гранатами: в основном «лимонки — Ф-1», а также РГД-33, менее мощные.

Задачу тоже поставили сразу — не допустить прорыва окруженных немцев из кольца. Реального положения дел в Сталинграде мы не знали. Судя по газетам, в городе пряталась в подвалах и развалинах недобитая 6-я армия Паулюса, которой запретили сдаваться, и они ждут своего конца. Невольно вспоминались фотографии обмороженных фрицев в женских платках, в уродливых соломенных калошах. Нажать посильнее, и они рассыпятся!

К сожалению, действительность оказалась более суровой. Каждое утро «немецкие недобитки» начинали с артиллерийского и минометного обстрела. Мы считали себя подготовленными десантниками, но войны большинство из нас не нюхали. Не знали десятки хитростей и мелочей, которые хорошо освоила пехота.

Конечно, мы знали, что сразу надо прятаться, когда начинается обстрел. Но и обстрел был разным. От прямых попаданий мин окопы и траншеи не спасали. В «лисьи норы», специально вырытые для защиты от мин, лезть вначале боялись.

Прямое попадание гаубичного снаряда вызвало шок. Двое-трое бойцов были убиты, исковерканы. Кто-то лежал без ноги. Ведь мы этого ни разу не видели. Контуженый боец сжимал ладонями уши, из которых текла кровь.

— Убили... убили, — повторял он.

Командиры рот и взводные быстро брали обстановку в руки, давали команды нам, сержантам:

— Приготовиться к отражению атаки! Всем занять свои места.

Торопливо перевязывали раненых, уносили их в дальний блиндаж, приспособленный под медпункт. И действительно, вскоре началась первая атака. Немцы хорошо знали местность, выбрали участок с многочисленными воронками, остатками разбитых орудий, сгоревшими танками.

Под прикрытием пулеметов фигуры в грязно-серых маскхалатах перебежками и ползком быстро приближались к нам. Пока одна группа вела огонь, другая делала бросок от одного укрытия к другому. Скажу прямо, что такие умелые действия совсем не напоминали готовых сдать окруженных «недобитков».

Наши бойцы стреляли часто, но беспорядочно. Достать пулей мелькавшие фигуры, плохо различимые на фоне закопченного снега, было трудно. Миша Астахов, молодой солдат из моего отделения, стоявший рядом, беспорядочно дергал затвор и стрелял не целясь.

— Миша, ты ведь хорошо стреляешь, — окликнул я его. — Целься лучше.

Справа длинными очередями опустошал диск «дегтярева» другой боец. Увлечшись, он высунулся по грудь. Пулеметная очередь хлестнула по брустверу, парень сполз по стенке траншеи. Заменял его вторым номером, объяснил, как эффективнее вести огонь. Помочь пулеметчику мы ничем не могли, его прошли через грудь три-четыре пули, и он умирал.

Я обежал свое отделение, понимая, что нужно встряхнуть ребят — ведь это наш первый бой. Когда вернулся, увидел, что пулеметчик уже мертв. Натекла целая лужа крови, которая быстро замерзала и прилипла к валенкам. Okликнул второго номера:

— Диски не кончились?

— Есть запас. Передышка будет — заряду отстрелянные.

Второй номер действовал неплохо, за пулемет я был спокоен. У меня был автомат ППШ. Показывая пример, бил очередями по 5—7 патронов. Попадал или нет, не знаю, до немцев было далеко. Но рота уже пришла в себя и вела плотный огонь. Метров за двести перед траншеями немцы залегли.

Высовывать головы многие не рисковали, стреляли наугад, как мы в начале боя. Теперь обстановка изменилась. Потери заставляли немцев прятаться, некоторые отползали назад. Потом по команде офицера отступила вся рота, где перебежками, где ползком. Мы провожали их стрельбой, благо патронов хватало.

Позже я понял, это было что-то вроде пробной атаки. Как говорится, нас проверяли на «вшивость». Кого-то мы сумели достать своими пулями, но немцы, не желая нести дальнейшие потери, отошли. Убедились, что легко нас не выбить.

В роте погибло 3—4 бойца и командир одного из взводов. Раненых перевязали и отправили в тыл. По-

гибших отнесли в дальний конец траншеи и решили похоронить ночью. Фамилия нашего командира взвода была Кияшко, он пришел к нам из училища. Молодой парень, лет восемнадцати, добросовестный, к подчиненным относился хорошо. С ним всегда можно было посоветоваться.

Лейтенант собрал командиров отделений, указал на ошибки, было приказано вести постоянное наблюдение, по очереди почистить оружие, набить патронами ленты и диски.

— А в общем, нормально воевали, — подвел итог взводный. — Не рискнули фрицы близко подобраться.

Я был постарше лейтенанта, и жизнь меня покидала достаточно. Ситуацию я понимал. Немцы могли продолжить атаку, но прекратили ее по каким-то своим соображениям. А лейтенант хвалил нас, чтобы подбодрить.

С ребятами из отделения я поговорил более жестко. Напомнил, чему нас учили. Если будем палить куда попало, немцы нам сядут на шею. Подберутся поближе и закидают гранатами. Приказал срочно приводить в порядок оружие. Постреляли мы крепко, я сам выпустил два с лишним диска. Отделение, пыхтя, заводило тугие пружины ППШ и набивало их патронами.

Принесли в термосах завтрак. Кашу, американскую тушенку, сухари. Налили по сто граммов водки. Я сам тогда не пил, отдал свою порцию кому-то из сержантов.

Немцы иногда бросали пару-тройку мин, давали несколько пулеметных очередей. Вроде ерунда, но держали нас в напряжении. Еще кого-то убили и ранили. Так прошел первый день на сталинградской земле.

Мы держали оборону до 2 февраля. Дни, как по распорядку, начинались с артиллерийского и минометного обстрела. Затем следовала атака. Иногда больше

похожая на имитацию, но зачастую упорная, с целью выбить нас из траншей.

Скажу так, в день я расстреливал две-три сотни патронов. Когда пустели диски, брал винтовку одного из убитых и стрелял одиночными. Ближе чем метров на сто мы немцев не подпускали. Бойцы приобрели опыт, вели огонь без суеты, но ведь это не полигон! В нас тоже и мины, и пули летели.

Мишу Астахова ударило вскользь по каске. Он ее снял — рваная пробоина, а из шапки клочья ваты торчат. Думаю, его крепко контузило. Заторможенно он себя вел, непокрытая голова торчала над бруствером, а сам он тянулся ко мне, показать пробитую каску.

— Мишка, ложись! — только и успел крикнуть я.

Поздно. Из виска у него брызнуло. Астахов стоял ко мне вполоборота, и я отчетливо это видел. Пуля пробила оба виска. Скорее всего, стрелял снайпер. Первый раз задел, а со второго раза — наповал.

Подошел командир роты и взводный Кияшко. Сняли шапки. На следующий день убили еще одного бойца, а второму прострелили шею. Его унесли в санбат, и путь санитаров был отмечен красными каплями крови на утоптанном снегу.

У нас снайперских винтовок не было. Ротный решил бороться со снайперами по-своему. Выделил из каждого взвода по несколько бойцов посмышленнее и приказал наблюдать за вспышками. Определить, снайперы это были или просто заскучавшие от тоски фрицы. Удалось засечь 5—6 мест, откуда чаще всего стреляли.

Взяли эти места на заметку. В «охоте» приняли участие лучшие стрелки роты и пулеметчики. Кроме того, старшина раскопал в снегу миномет с поврежденной опорной двуногой, отремонтировал ее. Сходил к соседям, в минометную роту и выпросил три десятка мин.

Теперь мы с азартом открывали огонь по вспышкам из всех стволов, в том числе из миномета. Патронов, в отличие от окруженных немцев, у нас хватало. Уничтожили мы настоящего снайпера или нет — неизвестно. Но огонь велся такой ожесточенный, что фрицы наверняка несли потери. Стрельба с их стороны пошла на убыль.

Но это не значит, что они сидели, ожидая своего конца. У немцев действовала своя пропаганда. Видимо, им внушали, что вот-вот подойдет помощь. Продолжались и обстрелы, и атаки, как мне кажется, бессмысленные. На что они рассчитывали? Я думаю, главной целью было поднять боевой дух окруженных, доказать, что они не просто вымерзают, а ведут активные действия. Однажды немцы предприняли особенно сильную атаку.

День был морозный, градусов под тридцать. Завязанные шапки покрылись слоем инея, из глаз текли от ветра слезы и сразу замерзали. Ведь мы находились на возвышенности, продуваемой со всех сторон зимним степным ветром.

Немцы, под прикрытием пулеметов, передвигались перебежками и ползком несколькими взводами. Патронов не жалели, скорострельные МГ-42 не давали нам поднять головы. Конечно, мы стреляли, но немцы сумели пробиться на расстояние метров пятидесяти от траншеи.

Выручили гранаты Ф-1, «лимонки». Разброс осколков у них большой, и запас у каждого бойца имелся. Еще скажу спасибо нашим инструкторам. Гранатами мы неплохо владели. Когда раздалась команда: «Гранатами, огонь!», гранаты полетели, как мячики. От взрывов стоял сплошной треск.

«Лимонка» весит шестьсот граммов, далеко ее не забросишь. Зато время горения запала около четырех

секунд. Некоторые опытные бойцы придерживали на секунду гранату с горящим запалом и затем бросали. «Лимонки» взрывались в воздухе, усеивая, как шрапнелью, все вокруг чугунными осколками и просто крошевом. Эффективная штука для обороны. Перед нашей ротой после той атаки остались лежать убитыми десятка полтора фрицев.

В этом бою на одном из участков человек пять немцев прорвались вплотную. Я услышал, Кияшко позвал меня и еще двоих бойцов.

— Скорее сюда!

Бегу по траншее. В одном месте целый котлован от бомбы. Мы его обычно стороной обходили. А сейчас времени не оставалось. Пробегали по открытому месту. Я перед собой глядел, чтобы о смерзшуюся глыбу не споткнуться. Лейтенант — чуть впереди.

Вдруг словно в бок меня кто-то толкнул. Поднял голову, а немец в светлой куртке, с винтовкой, уже в пяти шагах. За ним еще одна каска маячит. Хочу вскинуть автомат, а сам глаз от винтовочного ствола оторвать не могу. С пяти шагов из винтовки не промахнешься. Немец тоже растерялся. Пока вскидывал винтовку, я дал с пояса длинную очередь.

Кияшко обернулся, а с края котлована медленно валится немец. Сначала винтовка упала, а потом шлепнулся и сам фриц. Лейтенант тоже открыл огонь, отогнал, заставил залечь двоих или троих немцев, бжавших следом. Мы стали бросать гранаты, торопясь опередить залегших фрицев. Попали или нет, не знаю, но больше там никто не появлялся.

Бой едва не дошел до рукопашной, но, понеся потери, немцы стали отступать. Они в панику редко кидались, хорошо были обучены, но в этот раз побежали. Мы им в спины ударили, еще сколько-то фрицев на

снег полегли. Кто уцелел, прятались, где могли. Но их доставали из противотанковых ружей и «максимов». Пусть воронка метра полтора глубиной, но когда огонь плотный, то разбивает землю, рикошет идет. Спаситься трудно, да и расстояние было небольшое, метров 100 — 200.

Нам ответили, как обычно, из минометов и пушек. Будь у них снарядов побольше, всех бы нас со злости перебили. Но ведь окружение! Какой бы запас ни имелся, а надолго не хватит. А мы отсиживались в блиндажах, «лисыих норах» и тоже несли потери.

Немецкая авиация уже давно притухла, а наша действовала на направлениях главного удара, на внешнем кольце окружения. Но пару раз штурмовики Ил-2 хорошо пропахали артиллерийские позиции ракетами и бомбами. Затем из пушек и пулеметов все прострочили. Что-то горело, взрывалось, дым висел полдня.

И все же наши силы таяли. Принесут термоса с едой, сухари, водку — ешь, пей, не хочу! Погибшим товарищам ничего не надо. Раненых каждый день уносили. Смотришь на погибших, и еда в рот не лезет. Прямо скажу, не ожидал я таких потерь. К концу января нас мало осталось, а участок обороны большой.

Хотя фрицы не любители по ночам воевать, но от такого упорства чего угодно можно ждать. Бойцы к концу дня с ног валились. Взводный Кияшко и сержанты ходят по траншее, то из одного пулемета очередь дадут, то с другого.

Почему немцы не сдавались? Ведь ясно, что обречены. Кроме жесткой дисциплины и пропаганды (русские всех пленных убивают!), Паулюс своей армией держал южный фланг советско-германского фронта, отвлекал на себя большое количество наших войск. Давал воз-

можно отступить другим частям. Как бы то ни было, а рядовым немцам, промерзшим насквозь и доходящим от дистрофии, до черта все надоело. И когда получили приказ о капитуляции, полезли из всех щелей сдаваться. Второго февраля такая тишина стояла!

А нас из 300 человек через две неполных недели осталось в живых 60—70 бойцов и командиров. Взводный мой, Кияшко, тоже уцелел. Не верили, что пережили эти бои. Нас на десантников учили, а мы оборону намертво держали. Долг свой выполнили, хотя две трети людей убитыми и ранеными потеряли.

О капитуляции немцев объявил комиссар, который произнес перед строем небольшую речь. Поблагодарил всех, пообещал представить к наградам. Помню такие слова:

— Враг капитулировал и отступает. Наше дело — его догонять.

Прокричали мы, как положено, «ура». Все в копоти стояли, многие контуженые, раненые, уставшие. Нас хоть самих догоняй! Комиссар это понял, и мы получили несколько дней отдыха. В честь победы написали на многих представления к наградам. Спустя какое-то время человек пять медали получили, а остальные представления куда-то задевались.

Все по порядку я тебе рассказать не могу. Одни эпизоды врезались в память, другие прошли незаметно. Наш полк ввели в состав 40-й гвардейской дивизии. Вели наступление.

Одну из станций в Ростовской области брали два раза. Первый раз наш штурмовой батальон взял ее с ходу, прямо среди дня. Немцы боялись окружения и станцию отдали сравнительно легко. Можно сказать, повезло. После этого нас перебросили на соседний

анкоопасный участок, а станцию держал полк, сформированный в основном из представителей Средней Азии.

Я их не хочу обижать, но вояки из них слабые. Немцы опомнились и быстро вышибли этот полк. Начальство шум поднимать не стало (интернационализм, братская республика и т. д.), а нам дали задание снова брать станцию. Только днем уже не сунешься. Нас ждали, подтянули артиллерию и бронепоезд. Оставалось только ночью наступать. Подбодрили:

— Вы же особая часть. Вас специально для подобных операций готовили.

— Готовили, — мрачно отозвался кто-то из сержантов. — Мы свое дело сделали, а теперь чужое говно убирать.

Его раздражение легко можно было понять. Днем мы на внезапности и слаженности сыграли. Рывком немцев выбили, но без потерь не обошлось: и убитые и раненые имелись. А ночной бой непредсказуем. И на минное поле можно наскочить, и на пулеметный огонь в упор. Только спорить бесполезно. Начальство уже доложило наверх о взятой станции. А о том, что ее фрицы снова отбили, сообщать не решалось.

У меня вообще настроение паршивое. Я днем в составе минометного расчета наступал. Тацил на плечах опорную плиту. Громоздкая, неудобная штука, но спасла меня. Пуля от металла отрикошетила, задела вскользь шею и зацепила левую руку пониже локтя. Раны вроде нетяжелые, но болят. По-хорошему, отлежаться бы надо или пойти в медсанбат. А людей во взводе всего ничего осталось. лейтенант Кияшко спросил:

— Петро, ты как? Сможешь воевать?

Что ему ответить? И бойцы из отделения на меня смотрят, ждут, что скажу.

— Остаюсь...

— Вот, хорошо. За мной представление на медаль. Медаль так медаль! Мне их не одну обещали. Только весной сорок третьего года редко кого награждали. Штабных прилипал да больших начальников. Ну, не в этом дело.

Пока готовились, попали под бомбежку. Страшно, конечно, было, когда бомбы вокруг рвались, однако настоящий страх я испытал, когда услышал, как с неба летят с диким воем и свистом какие-то особые бомбы.

От этого воя хотелось в землю закопаться. Потом раздались глухие удары, рвануло несколько раз. Но там, где вой раздавался, ничего особенного не произошло. Мы из любопытства сходили глянуть. Увидели сплюснутые от ударов, сплошь продырявленные бочки и скрученные узлом рельсы. Не знаю, как уж фрицы так сумели рельсы скрутить, но вместе с бочками крепко нам по нервам ударили.

Второй раз наступать днем мы не рискнули. Местность ровная, за нами наблюдают, и немецкий бронепоезд стоит наготове. Взяли станцию ночью. Немцы ночью воевать не любили, но это не значит, что не умели. Догадывались, что ударим именно ночью. Отряд разделили на несколько групп. Станцию мы уже хорошо знали. Главное, надо было уничтожить опорные пункты, доты, пулеметные гнезда, просто засады. И здесь уже как повезет.

Одна из групп передвигалась по ночной улице. Осторожно, цепочкой, не бряцая оружием. И вдруг яркий свет нескольких прожекторов, и пулеметный огонь в упор. Человек шесть были убиты, изрешечены пулями, остальные успели нырнуть в темноту.

Немцы перегородили улицу бронетранспортером, мотоциклом и отбили нападение. Среди сумевших уйти

из-под пулеметного огня были раненые. Действовать следовало быстро, даже раны перевязывали на бегу. На таком варианте, несмотря на потери, десантники были готовы.

Обходя дома, через заборы и переулки ударили с силой. Немцы слышали наступающих и успели развернуть пулеметы. Снова встретили огнем. лейтенант, командир взвода, выделил несколько гранатометчиков. полетели гранаты. А далеко ее бросишь? Ну, тридцать-сорок метров. Не давали немцы на такое расстояние приблизиться.

Неизвестно, чем бы кончилось, но двое ребят из-за блочков ограды сумели поджечь бутылкой с горючей смесью бронетранспортер и кинуть несколько «лимонок». Остатки взвода бросились в рукопашную, почти все там остались. Но главное — уничтожили заслон. Позже пехотная рота подоспела.

Нашему взводу (или группе — называй, как хочешь, всего 15 — 17 человек) повезло больше. Немцы, занимавшие каменное здание станции, обнаружили себя, когда услышали шум боя. Открыли огонь. Мы сумели, прыгав за перроном, приблизиться вплотную и ударили с близкого расстояния. Били по вспышкам.

Запомнился массивный пулеметный ствол и лица в касках. Вверх ракеты без конца взлетали, стало светло, но немцы опоздали. Мы здание со всех сторон обложили. У меня было штук шесть гранат, я их все в окна бросил. Парень рядом со мной замахнулся гранатой, но пуля попала ему в лицо.

Как много случайности на войне значат! При свете ракет увидел я, как катится по перрону рубчатая РГД-33. Я спрыгнул с перрона за секунду перед взрывом. Если бы граната скатилась вслед за мной, рванула бы рядом, то никаких шансов спастись не осталось. Но

граната взорвалась на краю, добив раненого парня, а осколки пронеслись в метре у меня над головой. В том бою еще раз угодил в переплет. На платформах стояли два орудия. Взводный приказал мне и одному из десантников:

— Ребята, взорвите их к чертовой матери. Вдруг станцию не удержим.

А чем взрывать? Гранат не осталось, все израсходовали. На путях немецкие трупы лежали. Решили гранатами у них разжиться. Собрали штук пять «колотушек» с длинными деревянными рукоятками. Теперь на платформы надо лезть и в стволы гранаты бросать.

Переглянулись. Стрельба всюду идет, ракеты взлетают. Полезем вверх — точно прикончат. Не фрицы, так свои. Ночью бой суматошный, а мы в стороне от взвода эти пушки пытались взорвать. Товарищ говорит:

— Чего обоим рисковать? Давай жребий бросим. Один полезет и взорвет.

Жребий — простой, кому спичка короче достанется, тот и взрывать будет. Короткая спичка досталась мне. Сунул я гранаты за пояс и в сапоги. Полез вверх. И вдруг увидел бегущих из темноты немцев. Я угадал их по примкнутым ножевым штыкам, хотя в тот период в штыковые атаки редко ходили.

Отпустил поручни и мешком свалился на своего напарника. Как мы сумели расцепить запутавшиеся в ремнях автоматы, не пойму. Ударили длинными очередями. Диски за считанные секунды опустели. Кто-то кричал, хлопали выстрелы.

Пока напарник автомат перезаряжал, я гранаты бросал. Там надо алюминиевый колпачок на рукоятке открутить, дернуть шнурок и затем бросать. В спешке два колпачка крутнул слишком сильно, заело резьбу. Швырнул гранаты, как камни, некогда возиться было. А пара-тройка «колотушек» рванули между рельсами.

немцы исчезли. Один остался. Тяжело раненный, в длинной шинели и каске непривычной формы, как у пожарников. Наши подбежали на шум. Один, постарше, упал на фрица и сказал:

— Железнодорожная охрана. Да он, кажись, не немец. Чех или венгр.

Какая нам разница? Бежали с примкнутыми штыками. Если бы отпор не дали, то насадили бы нас на свои штык-ножи. Кто-то уже карманы у раненого выворачивал, а взводный, вскочив на платформу, оглядел бродя.

— Правильно сделали, что не взорвали. Пушки мощные, 105-миллиметровые, нам пригодятся. Пехота уже всюю воюет. Станция — наша!

Неизвестно в тот момент еще было, чья станция. Но, судя по крикам «ура» и знакомой трескотне «максимов», пехота активно наступала. Оставили пушки как рофей. Кто-то из ребят отомкнул штык, снял с пояса раненого чехол, а когда уходили, хлопнул выстрел. Догнали солдата железнодорожной охраны.

Утром хоронили ребят из нашего десантного отряда. В скверике, перед зданием станции. Хоть бой считался удачным, но десяток тел мы в братскую могилу спустили. Плюс еще раненые.

Вспоминали «интернациональный» среднеазиатский полк. Из-за их трусости новые потери понесли. Да что там говорить! Если на войне кто-то убегает, спасая свои шкуры, другие по их вине гибнут. Крепко разозлились мы на тот трусивший полк. Встретили, не обошлось бы без мордобоя.

Ожесточенные бои шли в августе-сентябре сорок третьего года в Донбассе. Отступая из этого промышленного района, немцы взрывали и сжигали все, что

могли, затапливали водой шахты. В городе Енакиево (километрах в сорока от Донецка) был расположен металлургический завод. Все понимали, чем быстрее освободим город, тем больше спасем людей и сохраним ценного для оборонной промышленности оборудования.

Немцы сопротивлялись упорно, наши части несли большие потери. Решили провести специальную операцию с участием десантников. Построили роту, 75 человек, и объявили, что требуются добровольцы для выполнения особого задания. Спрашивали (или командовали) обычно так:

— Добровольцы, шаг вперед!

Кто же на месте останется? Нас для таких операций специально готовили. Откажешься — значит, трус. Некоторые по году и два воевали. Хоть и побывали не раз под смертью, однако настроены были патриотично. Многие родных и близких потеряли, мстили за них. Словом, весь строй сделал шаг вперед. И смелые, и робкие. Таков был неписанный закон.

Конечно, одной неполной ротой город и станцию не возьмешь, но первый удар предстояло нанести с целью посеять панику, а там пойдут в наступление остальные части.

Вооружены мы были в основном автоматами, ножами, многие имели пистолеты, ну и, конечно, гранаты. Как раз то, что нужно для штурма и ближнего боя. Но в бой нас вводить не торопились. Мне дали проводника и отправили к партизанам, которые ждали в условленном месте.

Впервые я видел партизан. В куртках, телогрейках, трофейных немецких френчах, но все со звездочками или красными повязками на шапках. Обрадовались мне, словно я целый полк за собой привел. Обнима-

... угодчили куревом, расспрашивали, перебивая друг друга. Потом командир отвел меня с проводником в сторону, рассказал обстановку, объяснил, как удобнее наступать. Несколько раз повторил:

— Идите ночью через поле. В лес не суйтесь, там у фрицев танки.

Я вернулся к своим, нас посадили на три автомашины ЗИС-5, и мы двинулись вперед. Заехали в кукурузное поле и здесь наткнулись на немцев. На крыше одной из машин стоял станковый пулемет. Лейтенант, командир взвода, открыл из него огонь, но в ответ посыпались трассирующие пули, взводный погиб.

Мы соскочили с машин, бросились вперед. Завязался бой, стреляли в немцев почти в упор, забрасывали гранатами. Гибли и наши ребята, но фрицы, не ожидавшие внезапного удара, отступили. Мы зашли с фланга и здесь наткнулись на артиллерийскую батарею. Она внезапно огнем отогнала немцев, захватили две 75-миллиметровые пушки и открыли из них огонь.

С фланга двигалась колонна автомашин. Мы вели по ним беглый огонь, благо снарядов хватало. Машины загорались одна за другой. Но и мы несли потери от пулеметных очередей. У соседнего орудия лежало двое убитых бойцов, третий был тяжело ранен. Сменили расчет, поставили новых ребят.

Пламя от горящих грузовиков освещало отступавших фрицев. Мы посылали в них снаряд за снарядом. Все подряд: осколочные, фугасные, бронебойные.

Внезапность и решительность — большая сила. Немцы редко поддавались панике и бой принимали, даже тогда нас вдвое-втрое больше было. Но здесь получилось все неожиданно. Офицеры и унтеры, пытавшиеся организовать оборону, были убиты первыми.

Остальные бежали, и взрывы раскидывали «заво-

евателей», кто-то полз без ноги или скорчился, разорванный осколками.

А тут еще грузовики горят, растекаются лужи пылающего бензина. Крики раненых и сгорающих в огне фрицев. Спросишь, жалко их было?

Да мы слово «жалость» забыли, когда насмотрелись, что немцы творили. Трупы женщин, детей на обочинах. За что их убивали? Подростки, пятнадцать-шестнадцать лет, в затылок застреленные. А бесконечные наши братские могилы, в которых мы своих друзей хоронить не успевали.

Не было им пощады в том бою (и в других тоже). Знали, зачем пришли, вот и получайте. Много их осталось лежать среди воронок, срезанных осколками, пулевыми и автоматными очередями. На рассвете увидели, что все поле серыми буграми усеяно. Только каски отблескивали. Фрицы каски всегда носили. Так в них и полегли.

Вскоре к нам присоединились пехотные части, и мы, не снижая темпа, двинулись на Енакиево. Рассчитывали с ходу ворваться в город. Только немцы воевать умели. Мы неожиданно наткнулись на глубокий противотанковый ров. Сооружен он был таким образом, словно нас с тыла ждали.

И сразу же посыпались снаряды и мины. Взрывы накрыли атакующих. Падали убитые и тяжело раненные. У меня на глазах отбросило на несколько метров бойца из пехотного взвода. Собрал силы, он полз, волоча перебитые ноги.

Вместе с санинструктором мы подхватили его за руки и оттащили в сторону. Перевязали, наложили шины. А там еще раненых несут. Санинструктор, молодец, быстро перевязки делала. Сразу же отправляли в санбат. Хотя некоторые не жильцы были. Раны от снарядов и мин обычно тяжелые бывают.

Роты залегли. Многие бойцы прыгали в ров. Но мины и шрапнель доставали людей и на дне рва. Одни метались в поисках укрытия, другие стреляли неизвестно куда. Наконец командиры навели порядок, люди выкопали норы, небольшие окопы. Но о наступлении речи не шло. Кругом лежали тела убитых, уносили раненых, артиллерийский огонь продолжался. Меня вызвал командир роты:

— Соловьев, ты уже в разведку ходил, места знаешь. Возьми помощника и пройди вперед вдоль промоины, выясни, откуда ведется обстрел.

В этих местах я как раз и не бывал, но не станешь же спорить! Ответил «есть», и вместе с пареньком-помощником пошли по неглубокой промоине. Вскоре увидели впереди траншеи. Есть ли там немцы — неизвестно. Подпустят поближе и срежут из пулемета. Осторожно, вдоль склона, приблизились к траншее. Немцы отсюда отошли, а мы ведь каждую секунду ожидали выстрела или очереди.

Вдохнули с облегчением, сели передохнуть в траншее. И здесь, по собственной глупости, я чуть не угрозил себя и напарника. Увидел на бруствере курительную трубку. Сделана она была мастерски: вырезанный из дерева человеческий череп, украшенный орнаментом чубук. На черта бы она сдалась, эта трубка! Но я, как ребенок за игрушкой, полез за ней.

Немцы меня тоже увидели, и сразу же рядом рванул один, другой снаряд. Меня отбросило взрывной волной, и хотя в голове все плыло от удара, трубку из рук не выпустил. Отдышавшись, поднялся и стал осматриваться.

На опушке леса стоял небольшой поселок, откуда в сторону противотанкового рва, где скопились наступающие части, вели огонь несколько артиллерийских и минометных батарей, танки. Осторожно, чтобы снова

не попасть фрицам на глаза, стали отходить — задание мы свое выполнили.

Я рассказал об увиденном командиру роты, он сообщил комбату, и меня срочно вызвали к командиру дивизии. Мы с напарником обнаружили главный узел немецкой обороны, и комдив хотел лично услышать результаты разведки. В блиндаже полковника, командира дивизии, я показал на карте поселок, расположение артиллерийских батарей и танков. Злосчастную трубку продолжал машинально сжимать в руке.

— А это что у тебя такое? — спросил полковник.

Я простодушно рассказал, как полез за трофеем, как открыли огонь немецкие орудия, и мы с напарником едва уцелели. Зато обнаружили замаскированную артиллерию. Полковник оглядел меня. Я был весь извалян в грязи, мокрый, из ноги текла кровь, пуля пробила мякоть.

— Морду бы тебе, Соловьев, набить, чтобы не лез за трофеями, — сказал командир дивизии. — Но спасибо за выполненное задание.

Снял с себя орден Отечественной войны второй степени и лично прикрутил на мою гимнастерку. Редко такое на войне бывало! Ну, выполнил задание, спасибо, и шагай к себе! Но комдив у нас душевный был. К солдатам по-людски относился, я таких больше не встречал.

И почему хорошие люди долго не живут! Погиб вскоре командир нашей дивизии. Ехали на джипе вместе с начальником артиллерии и нарвались на противотанковую мину. Комдив сразу погиб, начальник артиллерии умер, когда в санбат везли. А водителю повезло. Его взрывом выбросило, и летел он, не выпуская рулевую баранку, метров пятнадцать. Отделался контузией и ушибами.

А у меня этот орден как память о хорошем человеке сохранился. В 1985 году получил, как все фронтовики, положенный орден Отечественной войны, новенький, блестящий. Но мне дороже та потускневшая от времени награда, полученная из рук боевого комдива.

Запомнился ожесточенный бой за крупный железнодорожный узел Апостолово, в шестидесяти километрах юго-западнее города Кривой Рог. Войска 3-го Украинского фронта начали наступление 10 января 1944 года. Продвигались тяжело, сказывался некомплект личного состава (следствие дурных лобовых атак!), ограниченное количество боеприпасов.

Наши части несли большие потери. Пришлось встать в оборону и возобновить наступление лишь 30 января. Снова начались бои, а тут еще ранняя весна, распутица. Решили привлечь для удара по Апостолово десантников. Хотя с парашютом прыгали редко, но особые задания выполняли. Порядок знакомый. Нужны добровольцы. Роту пополнили, в строю стояли 120 бойцов и сержантов. Костяк из опытных десантников, умеющих «работать» ночью, в тылу. Ну и молодежь подтягивается, быстро учится.

— Добровольцы, шаг вперед!

Все сто двадцать человек шагнули вперед. Иначе и быть не может. Начнешь мяться, предлоги искать, чтобы отказаться — все, ты уже не десантник. На кой черт такие люди для выполнения спецзаданий нужны! Хотя в душе у каждого свое. Бой предстоит серьезный, много ли нас уцелеет?

Патроны и гранаты брали кто сколько мог унести и на рассвете двинулись в прорыв. Нам удалось без лишнего шума войти на станцию с фланга. Здесь нас

не ждали. Мы с ходу выбили передовой заслон. В окопе стоял крупнокалиберный пулемет, он успел дать несколько очередей.

Тяжелые пули убили и ранили троих наших десантников. В окоп полетели гранаты. Из расчета уцелел лишь один немец, который сумел убежать. Фрицы пытались обороняться, но рота наступала с такой яростью, что большинство обороняющихся остались лежать возле траншеи и домов, а остальные убежали прочь.

В прорыв вошли пехотные части. Бой продолжался весь день. На окраине города мы настигли отходящие группы немцев. Наш взвод стремился перерезать дорогу. Была распутица, здесь застряли грузовики. Немцы пытались их вытолкнуть. По полю отходили, увязая в грязи, группы отступающих. Этим было наплевать на грузовики.

Но дорогу фрицы держали под обстрелом. Упал один, другой боец, остальные залегли прямо в грязь. Второе отделение тоже попало под огонь. Вдвоем с крепким рослым солдатом мы подползли ближе и бросили несколько «лимонок». Под прикрытием пулеметного огня взвод перерезал дорогу. Вместе с пехотной ротой подтащили станковые пулеметы и открыли огонь по грузовикам и убегающим немцам.

В этом же бою подожгли танк Т-3. Он вел огонь из орудия и одновременно пытался выбраться из глубокой канавы, заполненной жидкой грязью. У нас имелись два противотанковых ружья. Расчеты, прячась за развалинами, подобрались поближе, перебили гусеницу, а затем зажгли мотор.

Правда, обошлось это дорого. Снаряд прямым попаданием накрыл одно из противотанковых ружей, по-

гибли оба бойца из расчета. Еще один десантник пытался бросить бутылку с горючей смесью. Попал под пулеметную очередь, а бутылка, ударившись о камень, загорелась, не долетев до танка.

Но, так или иначе, Т-3 был обречен. Горящая жидкость растеклась рядом с ним, дым мешал экипажу целиться. Его добились бронбойщики другого расчета. Экипаж (пять человек) выпрыгивал из люков, но убежать по грязи было трудно. Трое остались лежать рядом с танком, двое сумели ускользнуть. В тот день, 5 февраля 1944 года, станция и город Апостолово нашими войсками были взяты.

Можно сказать, мне везло. За год на передовой был дважды легко ранен, хотя побывал в таких переделках, что половина личного состава (а то и меньше) живыми из боя выходили.

В марте 1944 года при переправе через Буг я был ранен в голову. Получилось как. Вначале мы перехватили немецкую разведку. Они переправлялись ночью на больших резиновых лодках (человек по пять в каждой). Часть лодок потопили огнем из автоматов, пару штук захватили как трофеи.

Нам дали задание переправиться на другой берег и провести разведку. Подклеили мы лодки, наметили маршрут, и когда спускались к воде, попали под минометный огонь. Меня по голове так ударило, что я сразу потерял сознание.

Сначала попал в санбат, потом как тяжело раненного отправили в госпиталь в город Сталино (ныне Донецк). Крепко меня осколками посекло, кожа вместе с мясом лохмотьями торчала, повредило черепную кость. Хирурги сделали операцию, наложили двенадцать ме-

таллических скобок. Отвезли после операции в палату, где мне как минимум недели две лежать предстояло. Но я — молодой, очухался быстро. И через четыре дня сбежал к себе в батальон.

Только не от большого героизма. Причина была другая. В госпитале кормили плохо: жидкий суп из перловки или пшенки, ну еще хлеб. Прикинул, что на таких харчах долго буду в себя приходиться. Соседи меня отговаривали:

— Не дури. Если попал в госпиталь, и кантуйся здесь. Тебя, с твоей продырявленной головой, месяц продержат, не меньше. Пусть кормежка плохая, зато не под пулями. Куда ты опять на передовую прешься?

Я их понимал. Большинство моих соседей по огромной больничной палате были мальчишки и парни, не провоевавшие и полгода. Да и полгода в пехоте считалось сроком большим, почти нереальным. Одна-две атаки — и прямая дорога либо на тот свет, либо на лечение. В санбате долго не держали, а уж если попал в госпиталь, считай, выдернул козырную карту. Здесь и месяц, и три лечились, особенно кто на раны сильно жаловался. Госпиталь для многих был местом спасения. Торопиться опять в окопы, по общему мнению, было просто глупо.

Но я все равно сбежал и долечивался в санчасти своего полка. Командиры, увидев меня, не удивились, приняли хорошо:

— Что-то ты рановато из госпиталя выписался. Домой, что ли, потянуло?

— Так точно, домой. Вдруг полк куда перебросят. Не хочу от своих отстать.

Полежал в санчасти, отоспался. А затем меня на два месяца назначили помощником к поварам, чтобы окреп. Там, на хороших харчах да еще среди своих ре-

бят быстро поправлялся. Хотя голова временами сильно болела, да и до сих пор дает о себе знать.

Возле Дрездена встретились с американцами. Не знаю, как уж в исторических документах все описывается, но случилась с ними небольшая стычка. Они на-верстывали упущенное и торопились продвинуться как можно глубже в Германию. Ну и полезли на территорию, которую мы в бою отбили.

Переправлялись, размахивая флагами, через Эльбу на понтонах и катерах. Техники у них хватало, да и самоуверенности тоже. Допустить их высадку мы не имели права, но и стрелять по союзникам тоже не решались. Будут жертвы, начнется международный скандал.

Нашли выход. По приказу командования подъехали несколько «катюш» и дали залп поверх голов. «Катюши» эффектно бьют, такой вой и свист стоит, не говоря уже о грохоте десятков взрывов одновременно. И хотя ракеты взрывались на пустыре, но предупреждение оказалось понятным. Американцы повернули назад, на этом инцидент был исчерпан.

Отпраздновали, как полагается, День Победы. Сколько-то времени стояли в Германии, потом нас перебросили в Польшу, затем в Западную Украину. Не скажу, что встречали нас с радостью. И в Польше, и на Украине действовали отряды националистов.

Передвигались мы так. Наша часть на марше находится, а вперед направляется усиленная разведка. Колодцы, из которых будем брать воду, проверялись врачом, и возле них выставлялась охрана.

Во Львове парад происходил. Польскому полковнику бросили на трибуну большой букет цветов, там граната. Случайно не взорвалась. И в селах обстановка была напряженная.

По одному или даже вдвоем далеко от части уходить запрещалось. Бывало, косит пшеницу обычный парень. Проходит мимо наш солдат. Тот поздоровается, раскланяется, а потом автомат из-под одежды достает, и очередь в спину. Нередко такое случалось.

Заканчивал я срочную службу в городе Бердичев. Демобилизовался в 1947 году. Вернулся в Сталинград, где и живу до сих пор. Женился, имею сына и дочь, внуков.

Награды? Кроме того ордена Отечественной войны, полученного из рук командира дивизии, и второго ордена, который вручили в 1985 году, награжден двумя медалями «За отвагу», имею еще несколько других медалей. Ну, это не так важно.

Главное, отстояли мы страну, отстояли Сталинград. Это — самая важная награда.

БРОНЕБОЙЩИК

Тяжелый Т-4 прорвался в траншею.

Мы со старшиной Хомченко бросили в него бутылки с горючей смесью. Они не долетели. Под прикрытием дыма подползли поближе. Если «панцер» не уничтожить, он наделает беды.

Шевченко В.К.

Этот документальный рассказ о сержанте Шевченко Василии Кондратьевиче родился долго. Начали вместе писать еще в девяностых, но затем, после смерти жены, Василий Кондратьевич уехал к сыну и вернулся в Волгоград лишь года четыре назад. Потянуло на родину.

Мы встретились снова, когда я разыскивал оставшихся в живых защитников Сталинграда. Как мало их осталось!

— А чего удивляться, — пожимает широкими костистыми плечами бывший сержант Шевченко. — У нас в роте в январе сорок пятого почти никого не осталось, кто в сорок втором воевать начинал. Про сорок первый и не говорю.

Василий Кондратьевич выжил. Получил четыре ранения, но довоевал до Победы.

Я родился в поселке Бекетовка, неподалеку от города Сталинграда 6 апреля 1924 года. Наш деревянный домишко стоял на горе, откуда на многие километры просматривалась Волга с ее островами и протоками, центр города и даже трубы знаменитого завода «Красный Октябрь».

Поселок находился километрах в пятнадцати от города, который растянулся узкой лентой вдоль Волги. Бекетовка больше напоминала деревню. Вдоль оврагов по склонам спускались к Волге улочки, застроенные частными домами. В нескольких двух- и трехэтажных домах располагались районные учреждения.

Семья у нас была большая. Четверо детей (я самый старший), дед с бабушкой и дед отца, то бишь прадед. Он умер незадолго до войны в возрасте девяноста лет. Отец работал в небольшой деревообрабатывающей мастерской, куда ходил пешком километра за три. Дед с бабушкой жили в крохотной летней кухне. Вернее, зимовали. А с апреля и до октября уезжали в степь бахчевничать: выращивали арбузы, дыни.

В школе я учился средне. Математику не любил, вернее, не давалась она мне. По остальным предметам так-сяк, а по географии и физкультуре имел отличные оценки. Географию я знал по книжкам о путешествиях, которые брал в школьной библиотеке. А насчет физкультуры: ростом я был метр восемьдесят, широкий в плечах, на улице среди ровесников считался самым сильным.

Работа по хозяйству с детства укрепила мышцы, кроме того, я любил футбол. Впрочем, если бы кто-то посмотрел на наше футбольное поле на склоне холма, он бы немало удивился, как мы умудряемся здесь играть. Если хорошо стукнуть мяч, то он мог улететь в

овраг метров за триста. В школе выступал в сборной команде по футболу, легкой атлетике, за что «неуды» по математике и русскому языку переправляли по просьбе физрука на «тройки».

После седьмого класса в нашем поселке редко кто шел учиться дальше. Беззаботным и хорошим казалось довоенное время, но жили люди бедно. Мало у кого в наших домишках имелась покупная мебель. Велосипед и наручные часы считались роскошью. С одеждой и обувью было вообще туго.

Мать перешивала мне отцовские пиджаки и брюки, но отец был худощавый и малорослый, хотя с мускулистыми, очень сильными руками. В седьмом классе его брюки уже приходилось надставлять, а башмаки сорок второго размера покупали специально для меня. Они очень быстро рвались, за что я получал нагоняи и запрет играть в футбол.

Главной едой были суп или щи, заправленные салом. Летом и осенью хватало овощей, а в августе и сентябре мы объедались арбузами. Не столько с нашей бахчи (урожай в основном продавался), сколько с Волги. Там мы, мальчишки, помогали разгружать баржи.

При разгрузке почему-то самые крупные и сочные арбузы ронялись на землю и шли нам на еду. За эти мелкие хитрости нас не ругали. Деньги платили очень редко, давали мелочь на хлеб, булки, а что может быть лучше прохладного сладкого арбуза с хлебом!

После седьмого класса я пошел в ремесленное училище, но проучился там недолго. Училище располагалось ближе к центру города, и мне приходилось шесть дней в неделю там ночевать. Здесь я столкнулся со своеобразной дедовщиной.

Нет, таких издевательств, как в современной Российской армии, там не было. Но кучка старшекурсников, захватившая власть, отбирала у новичков еду повкуснее, заставляли постоянно мыть полы и делать уборку в помещении.

В этой кучке было несколько блатных подростков, направленных сюда милицией на учебу и перевоспитание. Кое-кто отсидел месяц-два в камерах предварительного заключения, имел условный срок наказания. Уголовные привычки они старательно тащили вслед за собой. Подворовывали, иногда били мальчишек, отказывавшихся им помогать.

Я старался не обращать на это внимания. Все молчали, значит, так положено. Но однажды не выдержал и сцепился с воренком по кличке Гоня. Он не был самым крутым среди блатных, но вел себя нагло. Однажды в субботу Гоня шел вдоль обеденного стола и сгребал в миску котлеты, оставляя нам кашу. Котлеты я любил, кормили ими нечасто, и я оттолкнул Гоню.

— Ты что, не знаешь, для кого котлеты? — спросил он и снова полез в мою тарелку.

Я знал, что котлеты предназначены для блатной верхушки, а мне достанется одна липкая перловка, слегка политая соусом. Короче, я не поддался, съел свою порцию, а после обеда произошла драка. Хотя напали сразу трое, я дал отпор и раскидал их. Один ударился головой о цементный пол, потекла кровь. Меня свалили подножкой, подоспели еще блатные и сильно избили.

В дело вмешалась милиция, но директор с подачи завхоза выставил меня едва не главным зачинщиком. Оба они подворовывали и списывали краденое, позво-

для сытно жить блатным. Я давать показания не стал, так как стукачей в училище презирали. Но и возвращаться туда наотрез отказался. Особенно после того как сутки провел в КПЗ нашего отделения милиции.

Отец меня понял и пристроил в свою мастерскую. Я стал зарабатывать деньги. Мама тоже была довольна. Отец любил выпить, а моя зарплата целиком шла в семью.

День 22 июня 1941 года запомнился какой-то тишиной. Вроде все как обычно, но словно предчувствие беды. А потом как гром с неба: речь Молотова о нападении на Советский Союз фашистской Германии. Нас с улицы собрались человек семь парней лет по 16—17. Посмотреть тогда на себя — смешно и грустно. Обсуждали, как быстро Красная Армия разобьет фашистов. Пришли к выводу, что к осени от Гитлера и его своры клочки останутся.

А в поселке уже раздавался женский плач, причитания, мужики и парни постарше водку пьют. Военкомат работал быстро, многие уже повестки получили. Двадцать третьего июня призывники в сопровождении родни, жен, детей с раннего утра шли в военкомат. Почти все крепко выпивши, кого под руки тащат.

- Мы им, гадам-фашистам, дадим!
- Васька, на-ка и ты выпей.
- Да мне на работу, — отказывался я.
- Какая работа! Скажешь, в военкомат вызывали.

Хватнул я полстакана водки, зажевал куском хлеба и пошел к военкомату. Там с родней и приятелями провел целый день. До этого я водку всего раза три пил, да и то рюмку-другую. А тут перебрал, притащили меня домой. Мама головой покачала:

— Ну, вот и Вася мужиком стал. Научился водку пить.

Меня тошнило, всего выворачивало. И воду, и рас-сол пил. Во вторник вышел на работу, отец и мастер хорошо отчитали:

— Ты же прогул совершил! Да еще в военное время. Знаешь, что за это бывает?

— Трибунал, — брякнул я, мало что соображая.

— Ладно, — плюнул со злости мастер. — Иди доски таскай и под ноги смотри.

Перемучился тот день и зарекся водку пить. Дело с прогулом как-то уладили. Я считался добросовестным работником, и относились ко мне неплохо.

К осени, конечно, война не кончилась. В сентябре забрали в армию отца, а буквально через пару дней сообщили, что наши войска оставили Киев. Как мама плакала, когда все вместе провожали отца до военкомата! Он пьяненький был, утешал нас, меня в щеку целовал:

— Ты теперь самый главный мужик в доме. Все заботы на тебе. Насчет угля обязательно к директору еще раз сходи.

— Схожу, батя.

Уголь нам обычно выписывали с тонну на семью. А в этот раз получили мы килограммов триста. Нам и тонны не хватало, подкупали еще, а тут всего мешков пять серой крошки. В мастерской с обрезками досок помогли, но зима длинная, надо что-то думать.

Выпросил я у соседа Трегуба лошадь с телегой. Решил по балкам и возле озер сушняка набрать. Хоть что-то. Вообще-то, лошадей у частных лиц реквизиро-

али для нужд армии. Но у соседа лошадь старая, ее
е взяли.

Трегуб жадным был, долго выламывался, потом
оставил условие — половину сушняка отдать ему за
лошадь и телегу. Такого у нас в поселке отродясь не
одилось. Люди помогали друг другу и не крохоборни-
али. Тем более, я ведро овса достал, лошадь подкор-
мить, и бутылку самогона Трегубу заранее отнес. Ему
того мало показалось, хотя знал, что у нас семья —
тарики да дети.

Сушняка с братишкой и сестрой Варей я набрал
много. А Трегуб на въезде нас поджидал. Мерз, ско-
тина, а боялся, что мы его обделим. Цап за вожжи — и
щит к себе во двор:

— Сначала мою долю отсыпем...

Сестра Варя даже заплакала от обиды, а я отпихнул
Трегуба и направил воз к нам во двор. Он за мной. Про-
следил, чтобы ровно половину сушняка ему оставили,
а потом говорит:

— Ты, Васька, вынеси еще стакан самогонки. Я знаю,
мать у тебя гонит.

Прозвучало, как угроза. За самогон могли и к суду
привлечь. Но я парень крепкий вымахал, хоть и тощий.
Нагнулся к уху и пригрозил:

— Попробуй, вякни. Я твое сено и сарай в момент
спалю.

А сам от злости трясусь. Никогда такого за собой не
замечал. Видать, война и в тылу людей меняет.

— В тюрьму загремишь, — заявил Трегуб. — Ты уже
раз там побывал. Пойду и заявление напишу.

— Не успеешь. Я добровольцем на фронт уйду. Все,
катись отсюда...

Вот такие дела. А до этого никогда ни с Трегубом, ни
с другими соседями не ругался.

Зима 1941 — 1942 года выдалась морозной и ветреной. Тяжело заболел дед, который до этого подрабатывал где мог. Отошал, сутками лежал на кровати, кашлял. Врач, молодая, красивая, смотрела на покрытые плесенью стены и давала советы:

— Больному тепло и усиленное питание надо. Молоко, мед, бульон...

Мама с бабушкой ловили каждое ее слово и согласно кивали. Зарезали одну из трех уцелевших несущек. Дед, съев несколько ложек бульона, от курятины отказался. Почти вся жесткая несущка досталась сестренкам. Они тоже без конца простывали и нуждались в усиленном питании.

Дед умер в конце декабря, когда под Москвой шло наступление наших войск.

— Ну вот, мама, дождались наконец! Погнали фашистов, — бодро говорил я.

Но после смерти деда сильно простыла младшая сестренка Маша, матери было не до побед. Маленьких детей в поселке умирало много, и мама старательно выхаживала ее. От отца писем не было. Мама пошла работать на почту. Кроме мизерной зарплаты там полагался какой-то паек.

Вечером придет и плачет. Спрашиваю: «Маманя, что с тобой?» Оказалось, столько конвертов «казенных» приходит! Работники почты уже научились распознавать похоронки. А что еще в конверте с печатью может быть? В лучшем случае сообщение, что пропал человек без вести. Хоть какая-то надежда, что вернется!

В столярной мастерской работал я часов по 12 без выходных. Делали ящики для снарядов и гранат, заготовки для военных повозок. Ползарплаты уходило на государственные займы. Нас бабушка от голода спа-

ала. Она еще Первую мировую помнила, и все накопленные деньги в июне сорок первого пустила на продукты: крупу, муку, ну и на соль, мыло, спички.

К нам на рынок калмыки баранину и молоко привозили. Бабушка купила по дешевке бараньего жира, который мы все терпеть не могли. Набила две большие стеклянные банки и зимой варила суп, добавляя в него ложку-другую жира. Вот тогда мы этот жир полюбили. Жидкий перловый или пшенный суп казался почти мясным блюдом. О мясе могли только мечтать.

Но все равно мы голодали. Однажды меня и еще двоих рабочих вызвал директор и сказал, что есть заказ на гробы из военного госпиталя. Работать придется сверхурочно, но военные обещали подкармливать нас. Не знаю, что сам имел пронырливый директор, но нашу троицу кормили кашей, засохшими булочками, иногда выдавали сахар.

На этих харчах я немного отъелся, приносил кашу и булочки домой, и даже мама стала чаще улыбаться. Пришли сразу два письма от отца, выздоровела Маша, немцев от Москвы гонят дальше на запад.

Наша уличная компания, которая собиралась теперь гораздо реже, решила, что, судя по сводкам и фотографиям разбитой немецкой техники, фашистов будут уничтожать без остановки. В газетах мелькали названия освобожденных городов, а наш танк Т-34 был непобедим и крушил любые преграды. С таким настроением 17 января 1942 года я получил повестку в военкомат (мама, конечно, плакала), а через двое суток попал в учебный полк в город Камышин, в двухстах километрах от Сталинграда, вверх по Волге.

Наша рота, около 130 курсантов, занимала одну половину деревянного барака. Двухэтажные нары, матрацы, набитые соломой, потертые байковые одеяла и кирпичная печка. Слово «барак» нам употреблять запрещали. Казарма! В которой всегда должно быть чисто, одеяла натянута в струнку, а комковатые подушки старательно взбиты и поставлены аккуратными угольниками. Если заправлять лежанки и наводить чистоту мы научились быстро, то к холоду в казарме привыкнуть было труднее. Хотя, если разобраться, в помещении мы проводили лишь ночь и кое-какие занятия. Все остальное время занимались на улице или в учебных классах.

Военный городок стоял на окраине Камышина, внизу обрыв, Волга и широкие заволжские степи до Каспия, Казахстана и Уральских гор. Ветер, который не утихал, пронизывал наше деревянно-блочное жилище насквозь. Хотя ротные наряды топили печку без усталости, холод стоял такой, что вода в ведре замерзала утром на палец.

Я попал вместе со своим одноклассником и соседом по улице, Манохиным Витей, в третий учебный взвод восьмой роты. Во взводе было сорок с небольшим человек. Взводным был младший лейтенант, но по всем вопросам мы обращались к старшему сержанту Степану Хомченко, который являлся помощником командира взвода — и одновременно командовал нашим отделением из 13—14 человек. Фамилии у нас обоих были украинские, и он сразу обратил на меня внимание:

- Откуда родом?
- Из Сталинграда.

— Я думал, с Украины. Ну-ка давай глянем, как ты на кулачках.

Это означало помериться силами, поставив локти на стол — кто кого прижмет сцепленным кулаком. Силенка у меня имелась, и я минуты три поупирался, пока Хомченко с явным усилием не прижал мою руку к столу.

— Слабак еще, — объявил старший сержант, что было не совсем справедливо.

Манохина и еще нескольких новобранцев он прижал к столу своей разлапистой ладонью с маху. Такой вот способ знакомства был у нашего помкомвзвода. Запомнился первый солдатский ужин-обед. Перловка, слегка пахнувшая мясом, большие ломти серого хлеба и горячий чай. Желтый сахар-песок отсыпали прямо в алюминиевые кружки, одна небольшая ложка.

Кого-то назначили в наряд, а я долго ворочался на жестком шуршащем матрасе. Потом заснул, словно провалился. Подняли в шесть часов утра, еще в темноте. Потом умывание и завтрак: каша, хлеб и чай. Я заметил, как жадно ели многие новобранцы. Наголодались за зиму.

Занятия начинались с утра и шли целый день. Боевая, строевая подготовка, химзащита, тактика, ну и прочее. И, конечно, политзанятия. Политзанятия проводил политрук, иногда наш взводный. Политрук являлся с газетами и читал нам статьи о большом значении разгрома немцев под Москвой. Часто он путался и читал одну и ту же статью раза по два-три.

Какими бы наивными мы ни были, но повторение патристических фраз надоедало. Кроме того, до нас дошло, что наше наступление выдыхается, и хотя немцев от Москвы отогнали, к весне 1942 года Красная Армия перешла на большинстве участков к обороне.

Степан Карпович Хомченко служил в армии года три. Насколько я помню, в роте из числа воевавших было человек пять. Среди них — Хомченко и наш взводный, Малышко, спокойный, рассудительный младший лейтенант. Хомченко с Малышко дружили, иногда вместе выпивали (от солдат разве что скроешь!), вели долгие беседы по вечерам, что не нравилось лейтенанту Иванову.

Иванова в роте недолюбливали. Хотя он закончил в тридцать восьмом году полный курс пехотного училища, но не участвовал в финской войне, и теперь вот оставался в тылу, натаскивая новобранцев. Лейтенанту казалось, что его подозревают в трусости, хотя он подавал рапорта с просьбой направить на фронт.

Кроме того, имелись некоторые мелочи, которые казались нам смешными. Утром и вечером полк строили на поверку. Иванов — распространенная фамилия, среди командиров рот их было три. По старой армейской привычке иногда ротного выкликали «Иванов-второй». Ну и чего тут такого? Имелся «Иванов третий», командир роты связи. Тот воспринимал это спокойно.

Нашего Иванова задевало, что он «второй». Потому что «первый» был даже не кадровый военный, а призван из запаса и, конечно, не обладал такими глубокими военными знаниями, как наш Иванов. Кроме того, ротному по какой-то причине не присваивали звание «старший лейтенант», хотя большинство командиров рот были старшими лейтенантами, а некоторые капитанами. Может, у него срок не подошел? А может, допустил какую-то оплошность.

По этим причинам лейтенант бывал раздражителен, заставлял взводных гонять нас, чтобы добиться хороших показателей в учебе. Рота была нормальная, такие, как все. В чем-то обгоняла соседей, по некоторым дисциплинам отставала.

Не слишком хорошо шли дела с изучением уставов. Там многое приходилось просто зубрить наизусть. Особенно устав караульной службы, правила применения оружия, порядок приема и сдачи поста. Ведь много было сельских ребят с образованием 4 — 5 классов, которые старались, но безбожно путались в частоколе казенных фраз.

То же самое и с химзащитой. Зарин, заман, иприт... Как они действуют на человека, за сколько секунд надо одеть противогаз и что делать после окончания химической атаки. В каком порядке обеззараживать обувь, одежду и так далее. Капитан-химик был нудный и требовательный, жаловался на нас ротному, когда мы засыпали под его монотонный бубнеж.

По физподготовке наша рота, благодаря Хомченко, опережала многих. Он сбил костяк физически крепких ребят, куда вошел и я. Через месяц «крутили солнце» на турнике, освоили брусья, зловердного «коня», о который расшибали колени (и мошонку) немало слабых курсантов. Заняли второе место в полку по футболу и метанию учебных гранат.

Неплохо была поставлена боевая подготовка. Мы научились с завязанными глазами разбирать «трехлинейку», изучили автомат ППШ и пулемет Дегтярева. Но боевые стрельбы проводились только из «трехлинейки» два раза в месяц по три патрона. Автомат и пулемет мы знали только теоретически. Нормы из винтовки

я выбивал на «хорошо» и «отлично», в дальнейшем это отразилось на моей военной судьбе.

Занятия делились на любимые и «обязаловку». Как и большинство солдат, мы терпеть не могли строевую подготовку. Тем более, большинство ребят первые два месяца ходили в гражданской одежде. Кое-кому заменили только обувь и совсем уж ветхие пальтишки. Зато в один из солнечных мартовских дней после бани выдали новое белье, гимнастерки, ботинки с обмотками, шаровары, пилотки со звездочками.

Пошла веселее и строевая подготовка. В военной форме мы чувствовали себя настоящими солдатами. Много занимались тактическими занятиями. Одно отделение занимало окопы, а два других наступали. Шли в атаку, оборонялись. Воевали хоть и с деревянными винтовками, но с большим азартом.

Пулеметы имитировали деревянными трещотками, а бойцов с трещотками именовали только «пулеметчиками». От этого случались нешуточные обиды (мальчишки ведь!), поэтому трещотки выдавали по очереди. На всю роту имелось штук восемь боевых винтовок и один учебный пулемет Дегтярева.

В апреле-мае ухудшилось питание. Возможно, это обычное явление, связанное с весенним периодом, но суп стал совсем жидким, а вечером вместо каши тоже наливали суп или постные щи, которые не давали сытости. Есть хотелось постоянно. Командиры объясняли урезанные пайки активизацией боевых действий на фронте. Продукты идут в первую очередь в боевые части.

К таким объяснениям мы относились с пониманием, тем более 12 мая 1942 года началось мощное наступление на Харьков. Несколько дней Юрий Левитан своим неповторимым торжественным голосом пере-

давал победные сводки и перечислял взятые города. Затем все затихло. Лишь спустя несколько недель до нас дошли слухи о трагической судьбе армий Юго-Западного фронта.

В конце мая, после очередных стрельб, меня перевели во вновь сформированную роту противотанковых ружей (ПТР). Я сразу обратил внимание, что сюда собрали наиболее крепких ребят, имеющих хорошие показатели по стрельбе.

Командир роты, старший лейтенант с орденом Красной Звезды (редкая вещь для сорок второго года!), разъяснил прибывшим, что мы теперь не просто пехота, а бронебойщики. Не каждому доверяют быть ударной силой в борьбе с танками, а нам доверили. Гордитесь!

Витя Манохин, мой приятель, в «особую роту» не попал. Стрелял он неважно, да и физически был не слишком силен. Зато мы снова оказались вместе со старшим сержантом Хомченко. Правда, он уже не был моим командиром, а числился обычным курсантом.

Противотанковое ружье системы Дегтярева показалось мне несуразной и неуклюжей штуковиной. Длинной два метра и семнадцать килограммов весом. Согласно техническим данным ружье пробивало на 300 метров броню толщиной 35 миллиметров, а на 100 метров — 40. В учебном классе висели таблицы с изображением немецких танков. Но таблицы были устаревшие. Ротный, воевавший под Смоленском, этого не скрывал. Рассказывал, что бои 1941 года, а особенно разгром под Москвой, заставил фрицев усиливать броню танков.

— Эти консервные банки, — показывал он на изображения легких машин Т-1 и Т-2, — вы вряд ли встретите. А вот на Т-3, по нашим данным, лобовую броню усилили в два раза... возможно, и больше.

Я быстро сравнил цифры со старой таблицей, получилось миллиметров сорок. А танк Т-4, один из самых многочисленных в немецких войсках, имел броню более 50 миллиметров.

Но командир роты был неплохим учителем. Он сумел убедить нас, что у танка достаточно уязвимых мест. Мы изучили подробно все слабые места немецких «панцеров». Борт, моторная часть, гусеницы — все это могло быть пробито и выйти из строя после точного попадания бронебойно-зажигательной пули.

Старший лейтенант постоянно напоминал о необходимости не торопиться и после нескольких выстрелов менять позицию. Наряду с теорией мы стали ходить на стрельбище. Ружья несли парами, на плече. Скажу, что это довольно неудобно. Шагать надо было точно в такт напарнику, иначе ружье сильно натирало плечи.

Первые боевые стрельбы запомнились сильной отдачей. Приклад, несмотря на мягкую подкладку, бил с такой силой, словно тебя колотят кулаком в плечо. Постепенно приспособились. Тем более, в бронебойщики брали ребят крепких.

Стреляли немного. В основном налегали на теорию, которая нам осточертела. Но вскоре патронов выделять стали больше. Однажды я выпустил штук пятнадцать патронов сразу. В металлические плиты, дзоты и даже в трофейный польский танк ТР-10 с 20-миллиметровой броней. Наши танки никогда в качестве мишеней не использовались.

Польский танк я пробил с расстояния 300 метров. Он даже задымился. Горели остатки масла, скопившиеся

еся в поддоне. Потом долго рассматривали пробоины. Наверное, у всех была одна и та же мысль — у немцев танки гораздо сильнее.

Учеба в роте ПТР длилась немногим больше месяца. В первых числах июля срочно сформировали маршевую роту в количестве 250 человек (бронейбойщики вошли в нее взводом), и нас повезли на юго-запад.

Мы попали на Брянский фронт. Вся маршевая рота пополнила стрелковый полк, понесший большие потери в предыдущих боях. Никто не вспомнил, что я учился на бронейбойщика. Получил винтовку, сто патронов, две гранаты РГД-33 и встал в строй.

Хомченко, Манохин, я и еще человек двадцать из учебного полка — попали в одну роту, которая насчитывала всего 30-35 человек. Командиром роты назначили лейтенанта «Иванова-второго». До него командовал младший лейтенант Баранов, парнишка лет девятнадцати, закончивший ускоренные шестимесячные курсы. Он уцелел один из всего командного состава роты в боях под Старым Осколом.

Ввиду малочисленности роты ее разделили на два взвода, одним из которых поставили командовать Никиту Хомченко. Меня и Витю Манохина он забрал к себе. Удивительно, но Иванов спорить не стал. Во взводах имелось по два ручных пулемета. Станковый «максим» и противотанковое ружье лейтенант оставил как главную ударную силу в своем личном распоряжении. Расчет ПТР укомплектовали раньше, и мои познания как бронейбойщика не пригодились. Автоматов в роте было штук семь, в основном у командиров взводов и отделений. Зато подвезли достаточное количество патронов, гранат и бутылок с горючей смесью (КС).

С дороги хотелось есть, а еще больше пить. Оказалось, что харчи привозят после заката, а за водой надо идти в сгоревшую деревню, километрах в трех от нас. Иванов отрядил группу человек шесть, мы собрали все имеющиеся фляги. В основном тяжелые, из желтого стекла, алюминиевых было мало.

Здесь я впервые попал под бомбежку. На восток шли три тройки «Юнкерсов-87» под прикрытием двух истребителей. Нас спасло то, что мы уже добежали до сгоревшей деревни и сумели укрыться среди разных обломков. «Мессершмитты», спикировав едва не до земли, сбросили несколько мелких бомб и прострочили обломки из пушек и пулеметов.

Никто из нас не пострадал, но страху натерпелись. Витя Манохин и я прятались за большой русской печью. Снаряд отколол кусок трубы, а пули подняли фонтанчики земли метрах в пяти от нас.

С водой вышла неувязка. Мы рассчитывали на ведра, которые имеются возле каждого колодца, но забыли, что идет война. Ни ведер, ни веревок поблизости не оказалось. Связали брючные ремни и прицепили к ним флягу. Один из ремней оборвался. Долго шарили, пока не нашли глиняный горшок литра на три. Как уж он уцелел в сгоревшей деревне — непонятно.

Самый догадливый из нас предложил использовать телефонный провод и привязать к нему горшок. В общем, провозились часа два. Но принесли горшок и полтора десятка фляжек пахнувшей тиной воды. Мутной, зато холодной. Ожидали, что нас будут ругать за долгое хождение, но лейтенант Иванов приказал передать воду старшине и занять боевые места.

С запозданием мы разглядели воронки, а в стороне накрытые изорванными шинелями четыре трупа наших

товарищей. Несколько раненых отправили в медсанбат. Рота, едва успев пополниться, сократилась за полдня на десяток человек. Хомченко раздраженно рассказывал, как все случилось. Когда мы ушли за водой, бойцы стали занимать места, подравнивали кое-где обвалившуюся траншею, оборудовали огневые точки. Возник спор из-за единственной землянки. Вторую забрал для себя, старшины и телефониста лейтенант Иванов, оборудовал что-то вроде ротной канцелярии. Немцы дождались, когда увлеченные суетой бойцы потеряли осторожность, и открыли огонь, вначале из пулеметов, а затем пустили в ход минометы.

— У них там целая батарея, — матерился Хомченко. — Штук сто мин высыпали. Кто метаться начал, все под пули да осколки попали. Кричишь, а они глаза вылупили и мечутся. Слушай, Василий, раз ты без бронбойного ружья остался, назначаю тебя командиром второго отделения.

— А первым кто командовать будет? — вырвалось у меня.

— Леня Михеев.

— Он же и помкомвзвода будет? — с долей ревности спросил я.

Дело в том, что прибывший с нами из учебного полка Леня Михеев, худощавый, невзрачный, ничем не выделялся. Себя как выдвиженца в «особую бронбойную роту» я считал более подходящей кандидатурой. Забыл лишь о том, что Михеев успел повоевать. Получил ранение и знал, что такое война, о которой я имел пока представление из газет и кино.

— Так что, товарищ младший сержант, ищи медные треугольники на петлицы.

— Где их найдешь...

— С убитых снимешь, — резко ответил Хомченко. —

Или из консервной банки вырежешь. И больше дурацкими вопросами меня не загружай. Проверь пулемет, чтобы работал как часы. Ясно?

— Так точно!

— С Михеевым держитесь дружно. У него силенок поменьше, чем у тебя, зато башка варит. Вы — моя главная опора.

Последующие дня четыре были похожи один на другой. С утра и после обеда немцы открывали огонь из минометов. Хотя мы выкопали «лисьи норы», углубили траншею и уже не метались под обстрелом, но потери несли. Каждый день в роте кто-то погибал, двоих-троих отправляли в санбат.

Раны от мин были, как правило, тяжелые. Острые осколки ломали ребра, руки, пробивали грудь. Люди истекали кровью. Думаю, что не меньше половины пострадавших умирали в санбате или по пути.

— Вася, это же мясорубка, — не выдержав, шептал Витя Манохин, мой сосед по улице из бесконечно далекой Бекетовки. — Сколько наших уже поубивало, а мы ни одного фрица не ухлопали.

Может, и ухлопали. Мы тоже стреляли в ответ, но до немецких позиций было метров шестьсот, разве что из пулемета достанешь. Но «максим» лейтенант Иванов хранил в специально вырытом погребке, перекрытом сверху слоем бревен. Стрелять из станкового пулемета и ПТР он запрещал, берег для отражения атаки.

У меня в отделении разбило единственный «дегтярев». Смяло пламегаситель, оторвало сошки. Ребят-пулеметчиков не задело, они сидели внизу. Ротный поднял ругань. Я стоял поблизости и уловил отчетливый запах водки. Это лейтенант выпивает. Мы и сами

были не прочь от такой жизни хватнуть стакан и хоть ненадолго забыться. В душном степном воздухе висела зловещая тишина, если не считать минометных обстрелов и гула идущих на восток самолетов. Но водку нам не выдавали, а деревень поблизости не было.

Вызывала тревогу канонада, которая шла далеко на востоке. Неужели немцы прорвались? А если так, то в открытой степи танки сомнут и раздавят нас. Из артиллерии на правом фланге стояла батарея короткоствольных «полковушек», на которую надежды было мало.

На весь батальон имелось штук восемь ПТР, а «полковушки» прикрывали сразу два батальона — полтора километра степи. Правда, почти у каждого бойца кроме обычных РГД-33 имелись противотанковые гранаты. Но на открытой местности эти штуковины весом 1200 граммов были неэффективны.

Еще в учебном полку на тренировках я один из немногих сумел забросить противотанковую РПГ-40 метров на двадцать пять, но для этого приходилось подниматься в рост, то есть подставлять себя под пули. Да и то на такое расстояние бросали гранаты всего несколько физически крепких ребят. У остальных РПГ-40 летели метров на десять—пятнадцать. Запалы у этих гранат были очень чуткие, их разрешали вставлять непосредственно перед боем. Но ведь бой не по расписанию начинается. Появятся танки, стрельба, взрывы, а ты с запалом возишься. Кроме того, заряженная граната взрывалась от малейшего удара.

Бутылки с горючей смесью (немцы их называли «коктейль Молотова») были гораздо эффективнее. На учебе в Камышине я метров за сорок сжег бревенчатый макет танка, обложенный обрезками железа. Жар от «коктейля» был такой сильный, что металл плавился

и сползал потеками буро-фиолетового цвета. Но от бутылок с КС все шарахались, как черт от ладана. Липкая масса сжигала человека живьем, если бутылка случайно разбивалась в руках или под ногами.

Вот с таким настроением мы вслушивались в звуки орудийных раскатов и ждали, когда появятся немцы. Пока же бои шли в стороне, и мы надеялись на подкрепление. Подкрепление пришло. Целых двенадцать 122-миллиметровых гаубиц, которые срочно закапывали на окраине сгоревшей деревни.

А пулеметчик Костя Черняк, бывший слесарь из МТС, достал где-то напильник, молоток и пообещал, что «дегтярева» починит. Лобастый, широкий в плечах, Костя объяснял мне:

— Механизм работает, а это главное. Ну, отпилю от ствола дюйма четыре, сошки с напарником смастерим. Завтра снова с пулеметом будем. А то разорался лейтенант, что лучше бы нас убило, а ручник целый остался, так?

— Конечно, не так, — обнял я за плечи Костю.

Хороший он был парень. Отца убили, мать осталась одна с двумя младшими сестренками в оккупированном Брянске. А пулемет он наладит, я не сомневался. У таких лобастых всегда упрямства хватает.

Удивительно, но я до сих не знаю, где принял свой первый бой и где дислоцировался наш полк. Северо-западнее Сталинграда, за Доном... вот, пожалуй, и все координаты. Пришли сюда ночью, ждали, зарылись в траншеи, не зная, что происходит и где сейчас немцы.

Ненужная порой секретность лишала нас информации. Мы питались слухами. Не знали, что 24 июня три армии генерала Вейхса (в том числе одна танковая)

начали наступление из района восточнее Курска. Третьего июля они прорвали оборону в районе Воронежа, окружили крупные силы Красной Армии, уничтожили большое количество людей и военной техники, а 40 тысяч бойцов и командиров попали в плен.

Наступление продолжалось стремительно, и положение наших войск во второе военное лето было, по мнению многих историков, еще тяжелее, чем летом 1941 года. Наша дивизия и полк пока не были введены в бой. Но все чаще звучало слово «Сталинград». Не так далеко от нас был Дон, а от него всего в 70 километрах — Сталинград. Так начиналась Сталинградская битва. Пока шли бои на дальних подступах.

Семнадцатого июля был сформирован Сталинградский фронт. Наши войска дрались в прокаленных донских степях, отступая, попадая в окружение, снова контратакуя. Нашему полку это еще предстояло.

Кормежка у нас была неплохая. Мимо гнали гурты скота, и хозчасть полка получала достаточно мяса. В то же время отступление наших войск, перерезанные немцами дороги лишали нас подвоза боеприпасов, медикаментов, курева, ну и, конечно, спирта.

Как-то вечером мы собрались в землянке у Никиты Хомченко. Поводов было более чем достаточно. Во-первых, нашему командиру взвода присвоили звание «старшина». Во-вторых, ушлый пулеметчик Костя Черняк сумел отремонтировать свой «дегтярев». Вместе с помощником обрезали смятый пламегаситель и поврежденную часть ствола, сделали самодельные сошки, которые хоть не складывались, но служили не хуже заводских.

Пулемет получился куцей, из ствола выбивало полуметровый сноп огня, а сильная отдача снижала точ-

ность стрельбы. В любом случае метров на двести это «произведение» цель доставало неплохо. Автоматического оружия не хватало, так что и такой пулемет в бою был нужен.

Ну а главное, Костя Черняк раздобыл литр спирта. У хозяйственников заглох грузовик ЗИС-5, и ониковырялись целый час, с тревогой глядя на безоблачное небо. Одиночный грузовик — хорошая мишень для любого немецкого самолета. Костя вызвался помочь и как бывший слесарь быстро нашел неисправность.

— Чмошники пол-литра хотели зажать, — рассказывал Черняк. — А у самих полные канистры.

Выпили, оживились, стали вспоминать довоенную жизнь. Костя признался нам (до этого почему-то скрывал), что дня за три до ухода на фронт женился, ждал ребенка. Старшина Хомченко это одобрил и спросил нас с Манохиным:

— Ну, а вы хоть успели с девками пообжиматься?

— А как же, — торопливо ответил Витя Манохин.

— И остальное попробовали? — жмурился подвыпивший взводный.

Витя что-то проямлил. Врать ни он, ни я не хотели. Слишком быстро пришла война, не дала времени нам побыть с женщинами. Потом говорили о немецком наступлении и высказывали догадки, почему нас пока не трогают. Может, наше командование тоже удар готовит?

— Чем ударять? Хреном, что ли? — разливая спирт, выругался Хомченко. — Вы хоть один наш самолет видели?

— Видел. Кукурузник вчера пролетал, — сказал Манохин.

Все невесело посмеялись. Ни самолетов, ни танков поблизости от нас не было. Вот дивизион гаубиц при-

везли, значит, к чему-то готовимся. В землянку заглянул ротный Иванов. Мы ожидали, что он начнет нудить насчет выпивки, но ротный выглядел каким-то растерянным. Даже принял приглашение выпить с нами — небывалый случай. Мы с запозданием разглядели, что его тоже повысили в звании. На петлицах гимнастерки висели уже по три кубика.

— Поздравляем, товарищ старший лейтенант, — поднял кружку Хомченко. — За вами не угнаться. Скоро майором будете.

Выпили. Иванов неохотно пожевал кусочек сала, оглядел нас:

— Хорошие у тебя ребята, старшина. Водкой слишком не увлекайтесь. Ночью посты почаще меняй. С правого фланга отдельный батальон окапывается. Выбери время, сходи к ним, уточните секторы обстрела.

— А что такое? — сразу насторожился много чего повидавший Хомченко.

— Пока ничего.

— Удара от немцев ждем? — продолжал допытываться старшина.

— Ждем. Но пока тихо.

— Тихо! Фрицы-то на колесах. Не успеешь оглянуться, танки уже здесь будут.

— Ладно, — поднялся Иванов. — Подъем в пять утра. Закругляйтесь.

Как я пережил следующий день? Сам не знаю.

Сначала на рассвете на гаубичный дивизион свалилась шестерка «Юнкерсов». Еще несколько штук в сопровождении истребителей прошли вдоль линии обороны. Заодно бомбили штаб полка, склад с боеприпасами и продовольствием.

Война сразу показала свое лицо. Стоял сплошной грохот, все заволокло рыжей глинистой пылью. Я забился в «лисью нору», но земля стала осыпаться. Когда вылез из нее, стена траншеи осела и завалила дно. Я кое-как выдернул винтовку и пополз прочь.

В полумгле едва не стукнулись лбами с Витей Манохиным. Он хотел что-то сказать, но грохнуло так сильно, что мы на какое-то время оглохли. Все, нам конец! Еще одна бомба... Но бомбы рвались, а мы оставались живыми.

Потом все стихло. Немцы нанесли удар с целью сразу прорвать оборону. От гаубичного дивизиона осталось три-четыре орудия. Накрыло минометчиков. В землянку соседней роты набилось бойцов, как седетки в бочку. На ее месте из рыхлой земли торчали обломки бревен, нижняя половина человеческого тела, сломанная винтовка.

Бойца вытащили за ноги, он был мертв, измят и переломан. Остальные тела так и остались под слоем земли. Копаться не имело смысла. Потом, словно накликали, появились танки, которые подогнали ночью. У немецких «панцеров» тихий, почти бесшумный ход, и в атаку они двинулись с расстояния километра.

Примерно двадцать машин, штук восемь бронетранспортеров и пехота. Я ожидал, что от нашей артиллерии и соседнего батальона ничего не осталось. Но в стрелковых ячейках возникали все новые фигуры. Вспомнил, что являюсь командиром отделения, и обошел свой участок.

Костя Черняк вытирал слезы. Погиб его дружок, второй номер расчета. Ни имени, ни фамилии его не запомнил, знаю, что жили на одной улице и вместе учились. Как мы с Витей Манохиным. Кроме пулеметчика убило еще одного бойца, а один пропал без вести. Ре-

бятя говорили, что его разорвало прямым попаданием, другие утверждали — сбежал ночью.

Раненых не было, но почти все были контужены или оглушены. Я копался в земле, нашаривая вещмешок и гранаты в нише. Вещмешок нашел, а все остальное завалило землей. Но уже подносили ящики с патронами, гранатами и горючей смесью.

Я распорядился, вставлял капсюли в гранаты, а меня кто-то упорно тянул за рукав. Боец, без каски, в рваной гимнастерке, дергая щекой, просил разрешения «отбыть» в санбат.

— Ранен, что ли?

— Нет... контужен шибко. Ничего не слышу, и голова не соображает.

— Бери винтовку, гранаты. Становись вон там.

Боец тоскливо вздохнул, но приказ выполнил.

Открыли огонь гаубицы, затем короткоствольные полковые пушки. В батальоне, прибывшем вечером, имелись «сорокапятки». Танки шли быстро, уклоняясь от фугасных разрывов тяжелых гаубиц. Я приготовил две бутылки с горючкой. Немецкая пехота отстала, а танки через считанные минуты сомнут траншею.

Редкие взрывы гаубиц не достигали цели. Дуэль между легкими пушками и танками складывалась тоже не в нашу пользу. Хотя два Т-3 уже дымили, осколочные снаряды выбивали расчеты противотанковых пушек. От прямого попадания перевернулась «полковушка», придавленный щитом артиллерист кричал тонко и пронзительно.

К нему на помощь кинулись артиллеристы соседнего расчета, приподняли орудие, вытащили товарища и сами попали под взрыв снаряда. Хлопали противотанковые ружья. Хомченко, тоже с двумя бутылками КС, стоял на коленях, выглядывая ближайший танк.

Артиллерия сумела остановить часть «панцеров», но несколько штук утюжили траншею. Тяжелый Т-4, еще старого образца, с коротким стволом, наехал на противотанковое ружье, согнув его, как кочергу. Оба бойца бежали, пригнувшись, к ним присоединились еще человек пять. Пулеметы Т-4 их не доставали, выстилая веер пуль над головами.

Немецкие танкисты в азарте увеличили скорость, левая гусеница обвалила край траншеи, пулемет и пушка выстрелили одновременно. Из кучки бежавших в нашу сторону людей уцелели всего двое. Возле дымящейся воронки ворочалась половинка человека. Такого не может быть!

Боец из последних сил приподнялся на руках. Его привалило землей и оторвало ступни. Он сумел пробежать еще несколько шагов. Не проковылять, а именно пробежать, прежде чем очередь в спину свалила его лицом вниз. Но и Т-4 с усиленной броней ворочался всей своей двадцатитонной тушей, застряв в обвалившейся траншее. Левая гусеница гребла дно, а правая, бешено вращаясь, выбрасывала фонтан земли на бруствере.

Хомченко пихнул меня, и мы побежали к танку. Нас опередил боец с обычной гранатой РГД-33. Он бросил ее, взрыв не причинил вреда застрявшей машине. Из бокового люка высунулся танкист с необычно коротким автоматом и дал очередь в бойца. Наверное, ранил. Высунулся по пояс, собираясь добить наверняка.

— Щас я тебе, блядина...

Старшина кинул обе бутылки, одну за другой. Одна шлепнулась во взрытую землю и не разбилась, вторая растеклась горячей лужей возле застрявшего танка.

— Бросай, чего смотришь! — кричал Хомченко.

— Далеко. Не достану.

— Бросай!

Обе мои бутылки тоже не долетели, но возле танка горел уже костер из трех разбившихся бутылок. Старшина, оттопырив зад, упираясь локтем о бруствер, стрелял в танкиста из нагана. Выронив автомат, тот уцепился за броню, чтобы не вывалиться.

— Товарищ сержант, возьмите.

Боец совал мне РГД, которая против танка бесполезна. Но это было лучше, чем ничего. Я схватил гранату и подбежал к Т-4. Хотел забросить в открытый боковой люк, но не попал. Граната отскочила от брони и взорвалась, разметав лужу горючей жидкости.

Потеки «коктейля Молотова» горели на гусеницах, бортовой броне Т-4. Танкист с коротким автоматом ворочался и кричал нечеловеческим голосом — у него загорелись волосы. Подбежал Витя Манохин. Я выдернул у него из рук винтовку и дважды выстрелил в люк. Оттуда высунулась рука с пистолетом. Выстрелы в упор заставили меня шаррахнуться прочь.

Открылся верхний люк, показалась голова в круглом металлическом шлеме-колпаке. Я пальнул в колпак, Хомченко, раздобыв где-то «лимонку», уже карабкался на танк. Бросил ее внутрь и, скатившись, крикнул:

— Разбегайтесь! Сейчас рванет.

Но я стоял, как остолбенелый. Продолжал живьем гореть и кричать танкист. Тот, в колпаке, лихорадочно карабкался из верхнего люка. Не успел. Граната гулко хлопнула, и голова в колпаке исчезла. Затем из люков пошел дым.

Дальнейшее вспоминается, как цепь разорванных эпизодов. Еще один танк поджег старший лейтенант Иванов. Он бросил бутылку с горючей смесью точно на трансмиссию, и мотор вспыхнул через минуту. Но танкисты, клубком выкатившиеся из всех люков,

расстреляли его из пистолетов. Мы считали Иванова придирчивым, вредным, способным только читать нотации, и поговорили по-человечески лишь один раз, вчера вечером. И старшим лейтенантом он проходил меньше суток. А оказался смелым и решительным командиром.

С танкистами мы схватились врукопашную. Их было пять человек. Погиб мой друг Витя Манохин. Он кинулся на них со стеклянной флягой, единственным оружием, которое у него оставалось, винтовку ведь я забрал. Фрицы успели застрелить его и еще одного бойца. Я ударил прикладом кого-то по шлему, поскользнулся и упал.

Старшина Хомченко сцепился с танкистом, они катались по земле, а другой топтался рядом, выбирая момент, чтобы выстрелить в Степана. Нас выручил Костя Черняк со своим обрубленным «дегтяревым». Пулемет грохотал, как из железной бочки, выбрасывая сноп огня. Костя уложил троих танкистов, один скатился в траншею и убежал. Того, с кем боролся Хомченко, я оглушил ударом приклада. Танк полыхал вовсю, мы оттащили в сторону своих погибших и оглушенного фрица. А боец, который кидал гранату в первый танк, успел подобрать пистолеты. Потом танк взорвался, башню перекосило. Хомченко набил патронами наган и показал уцелевшему танкисту на горящую машину:

— Шагай туда... там все твои.

Немец, худой, смуглый (или чумазый), тяжело дышал и затравленно озирался. Пулемет Кости Черняка грохнул коротко и оглушительно. Танкиста переломило, как куклу, он падал словно по частям на подламывающихся коленях, пытался подняться, потом свалился.

Нога, в коротком добротном сапоге с рубчатой подошвой, продолжала дергаться.

Бойца, который бросал РГД в тот первый танк, звали Федором Машковым. Он подал мне блестящий маузер, подобранный возле убитых. Мечта! Правда, кобуры не было, но можно заткнуть за пояс. Хомченко бесцеремонно выдернул его у меня, оттянул колодку. Из казенника вылетел блестящий патрон, похожий на наш, от автомата ППШ. В обойме оставались еще два патрона.

— Возьми лучше «вальтер». К маузеру патронов не найдешь, да и заедает он часто.

Федор неохотно отдал мне «вальтер», массивный, с тонким хищным стволом. На этом дележка оружия закончилась. На левом фланге шла стрельба. Хомченко, взявший на себя обязанности командира роты, распределял остатки бойцов, готовясь к новой атаке.

В роте осталось человек двадцать, и если бы фрицы продолжили атаку, то наверняка вышибли бы нас. Но они отступили, потеряв четыре танка, бронетранспортер и десятка три убитых. Еще два или три танка получили повреждения.

Немцы посчитали потери значительными, тем более два «панцера», в том числе тяжелый Т-4, сожгли непосредственно в окопах без всякой артиллерии. Закидали примитивными пивными бутылками с «коктейлем Молотова», а экипажи, подготовленные и обученные, перебили или просто задушили.

Оставшиеся танки отошли и дали нам часа полтора передышки. Хомченко вспомнил, что я учился на бронбойщика, и передал мне бесхозное ПТР системы Дегтярева. Вторым номером я взял Федора Машкова.

— Командира отделения мы всегда найдем, — объяснил мое понижение в должности Хомченко. — А хороших бронбойщиков сходи, поищи. Тем более на счету у нас уже есть один танк.

Я молча кивнул, соглашаясь с ним. Какие, к чертям, отделения, если от роты два десятка людей осталось! Убитых стаскивали в дальний ход траншеи, хоронить решили ночью. Но что-то мне подсказывало, что ночь мы не продержимся.

Сходил попрощался с Витей Манохиным. Маленьким, щуплым одноклассником и соседом по улице. Он погиб в первом бою, а ведь вчера мы мечтали довоевать до победы. Какая, к черту, победа, если весь угол траншеи завален трупами! И это только из нашей роты и батареи «полковушек».

Вернулся на свое место. Роту пополнили тыловиками и отступающими бойцами, выловленными на дороге комендантским взводом. Некоторые упирались. Запомнилось, как один кричал:

— Все дороги нашими трупами завалены. Немец бьет, а мы даже ответить не можем.

Сержант из комендантского взвода тихо проговорил:

— Ты чего панику разводишь?

И взвел затвор автомата. Он был выпивши и даже слегка пошатывался. Сейчас даст очередь... Но боец замолчал, прикрывая лицо руками, и сержант пошел прочь.

А через полчаса передышки по нам ударили минометы. Что самое паршивое на войне? Вши, бомбежки и минометный обстрел. Так говорят бывалые солдаты. Фрицы, наверное, приготовили мин с расчетом на две войны. Вой не смолкал ни на минуту. «Подарки» калибра 81 миллиметр и весом три с половиной килограмма

сыпались то сразу пачками, то равномерно по одной-две штуки, выматывая нервы. Фугасные, осколочные, дымовые и даже, изредка, новой конструкции прыгающие мины. Дополнительный заряд подбрасывает их на высоту двух метров, и они взрываются, осыпая сверху траншею и окопы, как шрапнель. Артиллерия против минометов бессильна, по крайней мере, с тем количеством снарядов, которые мы имеем. Минометы прячутся в узких окопах, вспышка при выстреле небольшая, и нащупать их не просто.

Эти бесконечные разрывы в дыму уже не просто выматывают, а ломают людям нервы. Рядом накрывает взрывом товарища. Он прятался в «лисьей норе», осколки его достали сквозь слой земли, а взрывная волна расплющила мертвое тело. Санитары тащат другого бойца, которого словно облили красной краской, он весь изрешечен осколками.

Двое красноармейцев, не выдержав, бегут прочь. Кто-то их окликает, но все заглушает грохот, и они исчезают в дыму. Все это длится часа два подряд, потом «на закуску» нам выбрасывают с полсотни шестидюймовых снарядов. Они выворачивают воронки диаметром метров пять и глушат людей. Это если не прямое попадание. Прямое попадание не оставляет от человека ничего, кроме клочков ткани, ну, может быть, оторванной стопы вместе с ботинком.

Так исчез сержант Леня Михеев, которого мы опознали по оторванной кисти руки и ключьям гимнастерки. Хороший, веселый парень, на которого я вчера надеялся, что именно его, а не меня назначили помкомвзвода.

Наконец обстрел прекращается. Траншея завалена землей, над которой поднимается тающая пелена дыма. Теперь жди атаки. Мы знаем это и без коман-

диров. Хомченко, проваливаясь в рыхлую землю, считает оставшихся в наличии людей. Легко раненных не отпускает. Да и где сейчас медсанбат, никто не знает. Скорее всего эвакуирован. Появляются танки. Это уже не лихой наскок, как в первый раз. Штук пять тяжелых Т-4 прощупывают нас снарядами с расстояния километра. Наши уцелевшие орудия молчат. Немцы технику берегут (впрочем, как и своих людей) и пытаются обнаружить огневые точки. А вдруг подвезли еще артиллерию?

Это дает нам время подготовиться к отражению атаки. Федя Машков приносит две коробки бронебойных патронов, гранаты, сухари и фляжку водки. Мы отхлебываем по несколько глотков и грызем сухари. Костя Черняк со своим обрубленным пулеметом присоединяется к нам.

Мы все думаем об одном. Когда немцам надоест стрелять, они рванут вперед. От батареи «полковушек» осталось всего одно орудие, в батальоне соседей не больше двух-трех «сорокапятков». Ну, еще наши ружья, слабые против Т-4.

На этот раз нас атакуют с левого фланга, но саперы успели понаставить там мин. Два танка налетают на «тарелки» и останавливаются с перебитыми гусеницами. Остальные «панцеры» усиливают огонь и пытаются вытащить поврежденные машины буксирными тросами.

Мощный тягач тащит застрявший танк, но получает снаряд в слабо бронированный борт и загорается. Ого, у нас остались еще гаубицы! По неподвижным мишеням они бьют от сожженной деревни довольно точно. Один из танков, хорошо набитый боеприпасами и с полными баками бензина, взрывается огромным оран-

жевым шаром. От него остается лишь днище и развороченные боковины с торчащими обрывками гусениц.

Экипаж и ремонтники уничтожены пулеметным огнем или взрываются на противопехотках. Крики о помощи хорошо слышны и немцам, и нам. Фрицы умеют мстить, я это уже усвоил. Все танки с левого фланга отходят назад, а потом вместе с тяжелыми Т-4 наваливаются на стык нашего полка и отдельного батальона.

У меня появляется цель. Вернее, две. Т-4 находится ближе ко мне, но пулями ПТР его не взять. Я стреляю в более легкий Т-3. Расстояние метров триста пятьдесят. Зря я это затеял! Поторопился. Пули танк не берут, а рядом с нами взрывается снаряд. Федя Машков тянет меня на дно траншеи. Убираем вниз свое двухметровое ружье. «Сорокапятки» неподалеку бьют часто и звонко, словно вколачивают гвозди. Один из танков остановился, теперь пора высовываться и нам.

Снова чертов Т-4 с его толстой броней. Целиться надо только в гусеницы. Посылаю три пули подряд. Ответный снаряд калибра 75 миллиметров вдребезги разбивает пулемет «максим». Кажется, расчет погиб. Снова целюсь и нажимаю на спуск. Немецкий танк Т-4, машина почти три метра высотой, широкий и кажется приплюснутым из-за своей плоской башни.

— Подавись, сволочь!

Я, кажется, попадаю в гусеницу. Нет, она не перебита. Но танк, словно споткнувшись, разворачивается, подставляя борт. Снова выравнивает курс, но «полковая» трехдюймовка, последняя из батареи, успевает вогнать бронебойную болванку в нижний ряд мелких колес. Одно вылетает, как выбитый зуб, другое крутится на оси вхолостую.

Тяжелая машина дала задний ход, но порвалась гусеница, и Т-4, как огромная юла, завертелся на месте.

Танкисты не собирались сдаваться. Пушка и пулеметы били, пытаясь достать короткоствольную «полковушку», сбросить нас на дно траншеи. Но «полковушка» и два расчета ПТР вели беглый огонь. Задымил двигатель, и вскоре танк загорелся.

Нас выручали траншеи, многочисленные окопы, отсечные ходы. На изрытом холме немецким танкам приходилось сталкиваться с нами в упор. Тяжелых Т-4 было немного, кроме них и Т-3 фрицы использовали в атаке устаревшие для сорок второго года чешские танки.

Я видел, как одного из них расстреляли в борт из противотанкового ружья, а затем забросали гранатами. Эту атаку мы тоже отбили, но остались без артиллерии. Убитых закапывали в дальнем углу траншеи. Нас оставалось слишком мало, и долбить твердую землю для братской могилы не оставалось сил. Могилой стала траншея.

К вечеру приехал на «эмке» полковник из штаба дивизии со свитой, властно приказал позвать командира полка. Но командир и начальник штаба были убиты, комиссар — тяжело ранен. Командование остатками полка взял на себя один из комбатов, капитан лет тридцати.

Полковник приказал удерживать позицию до подхода главных сил. При этих словах некоторые командиры усмехнулись. Сказал бы про подкрепление, а то «главные силы!». Так неуместно звучало слово «полк». Нас осталось совсем мало, артиллерия была выбита в борьбе с танками, которых подбили и сожгли больше десятка. За это, наверное, следовало хотя бы похвалить нас. Но полковник посчитал ниже своего достоинства благодарить за стойкость какого-то капитана,

вчерашнего командира роты, оставшихся в живых лейтенантов и нас, рядовых бойцов. Мы ведь имели лишь одно право — остаться без патронов в разрушенной траншее и завтра погибнуть. Но капитан ответил «есть» и заговорил про боеприпасы. Слово понимая, о чем идет речь, фрицы выпустили пару снарядов среднего калибра, которые взорвались в сотне метров.

Осколки этих снарядов на таком расстоянии почти не представляли опасности. Почти! Но штабные, в том числе полковник, мгновенно пригнулись, кто-то плюхнулся брюхом в пыль. Мы продолжали стоять и не стали бы пригибаться, будь это тяжелые гаубичные снаряды. Не потому, что такие храбрые, а просто дошли до точки.

— Подвезут боеприпасы, — буркнул полковник, которому не понравилось наше демонстративное поведение.

Сказано было, словно от нас отмахнулись.

— У нас сорок человек тяжело раненных, — продолжал докладывать капитан. — Еще двести человек мы отправили на машинах и подводах. Лошадей не осталось. Если нести на себе, мне придется выделить сто шестьдесят носильщиков и санитаров. Некому будет держать оборону.

— Пусть несут по двое, — полковник запнулся, потому что рванули еще несколько снарядов. — Лошадей я тоже пришлю.

— Вместе с боеприпасами, — насмешливо сказал кто-то из командиров.

— Не вижу ничего смешного! — взвился полковник. — Подводы выгрузят боеприпасы и заберут раненных.

Начальство уехало. Без всяких напутствий, начинался обстрел. Капитан не стал ждать обещанных подвод

и отрядил полторы сотни бойцов эвакуировать тяжело раненных. Им требовалась срочная помощь, и ждать они не могли. Умирили один за другим.

Боеприпасы привезли лишь рано утром. Полковник не поинтересовался, что именно нам нужно. Подводы нагрузили всем подряд, в том числе снарядами для трехдюймовых «полковушек», которых у нас не осталось ни одной. Правда, подвезли несколько ящиков снарядов для «сорокапятки», довольно много винтовочных патронов и патронов для ПТР, бутылок с горючей смесью. Ездовые нас торопили, когда мы выгружали ящики, и очень обрадовались, что не придется возиться с ранеными.

Полковник прислал от щедрот канистру спирта (знал, чем поднять настроение), мешка три сухарей и консервов. Мы простояли на своих позициях еще сутки. Пили спирт, грызли сухари и ждали атаки. Но фрицы, верные своей привычке — не биться лбом там, где получили крепкий отпор, наступали на других направлениях. Хотя знали от дезертиров (перебежали человек двадцать), что нас не так и много.

Ограничились тем, что время от времени посылали два-три легких бомбардировщика «Хенкель-126», похожих на наши У-2. Самолеты градом сыпали небольшие осколочные бомбы, а потом обстреливали траншеи из пулеметов. За день мы потеряли не меньше ста человек убитыми и ранеными.

Капитан понял, что нас просто решили раздавить без лишних потерь, и на следующую ночь повел остатки полка (думаю, человек 200 — 300) в сторону Дона. За ночь исчезли еще человек пятнадцать. Сбежали, спасая свои жизни.

На берегу Дона нас остановил патруль во главе с майором. Коротко расспросил, не читая нотаций, дал провожатого и присоединил к какому-то пехотному полку. Здесь мы пробыли еще дня три, закапываясь в прибрежные кручи. Отбили две немецких атаки. Я стрелял из бронебойного ружья, пока не кончились патроны. Потом взял винтовку убитого бойца. Танкам некуда было прорываться — впереди обрыв и река. Нас расстреливали из орудий и минометов, окружив с трех сторон.

Снарядов и мин у фрицев хватало, они открывали огонь по любой вспышке, не подходя ближе пятисот метров. Трупы убитых при первых неудачных атаках, сгоревший танк и бронетранспортер удерживали их от повторных наскоков. Немцы не желали нести потери. Если накануне нас пытались добить с воздуха, то теперь обрушили сотни снарядов и мин.

Феде Машкову пробило ладонь крупным осколком. Мы находились в окружении, не было даже санинструктора. Переправить раненых днем через реку было невозможно. Перевязывали раненых сами. А ночью, расстреляв почти все патроны, переплыли Дон. Помогли саперы, нашли старую рыбачью плоскодонку, вязали пучки сухих веток и камыша. А на левом берегу я получил тяжелое ранение и был доставлен в госпиталь в Сталинград.

Меня окрестило крепко. Осколки пробили левую ногу, два ребра, распороли плечо и задели легкое. Сделали две операции, и больше месяца я лежал, скованный гипсом. Послал письмо своим в Бекетовку, но Сталинград бомбили, и оно не дошло. Вскоре нас эвакуировали в Ленинск, небольшой городок на Ахтубе.

Там мы узнали о страшной бомбежке 23 августа и о том, что в сентябре бои идут на улицах города. Я представлял, что творится в деревянной Бекетовке. Поселок наверняка сгорел. Дай бог, чтобы успели эвакуироваться родные. Я не знал, что Паулюс, уверенный в победе, дал приказ не обстреливать Бекетовку. В поселке планировалось после взятия Сталинграда разместить на зимние квартиры штабы и войска.

Первые недели меня сильно мучил кашель, было трудно дышать. Я сплевывал розовую слюну и с тоской рассуждал, что, пожалуй, не выживу. Еда совершенно не лезла, и я стал худой, как скелет. Молоденькая медсестра, протирая тело губкой, ахнула:

— Дядечка, от тебя одни кости остались, да и те перебитые. Помрешь, если есть не будешь.

У меня почему-то быстро росла щетина, и девчонка не поняла, что мне всего восемнадцать лет. Наверное, я казался ей щетинистым доходягой-мужиком. Наплыв раненых был огромный. Мы лежали вплотную друг к другу, у врачей не хватало на всех времени. Меня спасла одна из медсестер, Варя (так звали мою младшую сестру).

С ее помощью я был переведен в частный дом, где лежали еще семь-восемь таких же доходяг, как я. По крайней мере, там было не жарко, и я стал лучше спать. Хозяева не слишком радовались постояльцам, от которых дурно пахло, а некоторые мочились под себя. Жили хозяева неплохо, но нам от их щедрот доставались лишь мелкие яблоки-падалица да треснувшие помидоры.

Ребята эти «подарки» не ели, кто-то просил кислого кваса, кто-то молока. Потом сразу умерли двое моих

соседей. Я краем уха слышал, как старшина из госпиталя, Варя и хозяйка договаривались о похоронах. Хозяйка жаловалась, что муж с утра до вечера на поле, гробы сколотить некому, а на кладбище отвезти — нет лошади. Сквозь помутненное сознание вспомнилось, что я плотник:

— Я сколочу гробы... я умею.

И закашлялся. Старшина погладил меня по голове, а Варя сказала:

— Гляди, заговорил.

Старшина, не вступая в дальнейшие споры, сказал, что повозку пришлет, а гробы должны быть готовы к утру. Он был в блестящих сапогах, с наганом в кобуре, и слова его звучали, как команда. Уходя, пригрозил хозяйке:

— Ряху отрастила на каймаке да сале. А двое бойцов умерли... Гляди у меня, стерва!

В доме крутилось несколько детей, жила эвакуированная сестра хозяйки, и ей приходилось заботиться обо всех. Но то, что она всячески отталкивала от себя заботу о раненых, было верно. Варя, воспользовавшись случаем, что хозяйка напугана, добавила:

— Вон мальчишка лежит, Вася Шевченко. Ему бы для легких молочка теплого с медом. Доходит парень... а он с немцами отважно сражался, танки ихние подбивал.

Не скажу, что хозяйка стала после этого щедрой. Но по вечерам я получал кружку молока, слегка подслащенного медом. Понемногу стал приходиться в себя. Пошли и каша, суп и остальная еда, которую нам приносили. В один из осенних дней бабьего лета я вышел на улицу. Небо было ярко-голубое, а воздух прозрачный.

— Живой...

Стал ходить на процедуры в госпиталь. Кашель прошел, правда, осталась хромота. Как-то Варя принесла бритву, хозяйка нагрела воды, и медсестра меня побрила. Прикосновение ее пальцев словно продергивало меня электрическим током, а тепло женского тела заставляло дрожать руки. Варя посмеивалась надо мной:

— Оживаешь, Васек?

— Оживаю... надоело лежать.

— Тебе гулять сейчас полезно. Лесной воздух тоже лечит.

— Особенно с тобой за компанию, — неуклюже заигрывал я.

Варя, женщина постарше меня, полгода находившаяся в окружении мужчин, смотрела на вещи просто. Мы сходили с ней погулять. Потом еще и еще. Хотя часто не получалось — у медсестер было много дежурств. Я что-то говорил про любовь, чувства, а Варя смеялась, закрывая мне ладошкой рот. В лесу много было таких парочек, и она не хотела, чтобы нас слышали.

С помощью Вари я был оставлен на месяц при столлярной мастерской. Но в начале ноября комиссия признала меня годным к строевой службе, и Варя проводила меня до сборного пункта.

Через Волгу переправлялись на бронекатере. Низко сидящее суденышко, с двумя башенными орудиями и спаренным крупнокалиберным пулеметом, шло сквозь комки ледяной каши. Волга парила, вода еще не замерзла, а мороз стоял градусов семь-восемь.

Нас набилось в трюмы и на палубу целая рота. Большинство загнали вниз, но бронбойщиков с нашими двухметровыми «кочергами» оставили наверху. Отча-

лили перед рассветом, ледяная шуга забивала механизмы, двигатель грелся, и бронекатер шел медленно.

Немцы вели обстрел из орудий, а ночное небо непрерывно освещалось ракетами. Один из снарядов разорвался неподалеку, подняв фонтан воды. Крупный осколок ударил в корпус. Но у немецких артиллеристов имелась более заманчивая цель: деревянная баржа с пехотой, которую толкал маленький буксир. Уже светало, баржа шла тоже медленно. На моих глазах в нее попало не меньше двух-трех снарядов.

Что такое взрыв гаубичного 105-миллиметрового снаряда для судна, набитого людьми, я мог представить. Десятки убитых и раненых. Взрывная волна выбросила за борт несколько тел, обломки досок, какие-то куски (может, разорванные части трупов), горела палуба.

Обе трехдюймовки бронекатера, упрятанные в танковые башни, посылали снаряд за снарядом. Куда они стреляли? Весь берег и высоты приволжских холмов освещались орудийными вспышками, что-то горело, взрывалось. Буксир вытолкнул разваливающуюся, полузатопленную баржу на отмель, из нее хлынула толпа красноармейцев. Потом стали выносить раненых.

Так началось мое второе хождение в Сталинградскую битву. Я попал в один из полков 62-й армии, оборонявшей в июле подступы к городу, а позднее и сам Сталинград. Конечно, нас, июльских, в ротах и батальонах практически не осталось.

Рота, куда я попал, насчитывала 15—17 человек, а командовал ею младший лейтенант. Все были рады подкреплению в десяток бойцов, хотя даже теперь рота не дотягивала до полноценного взвода. Я огляделся и был очень удивлен, что линия фронта на нашем

участке проходит в ста метрах от обрыва. Плюс метров семьдесят береговой полосы. Вот и все, что осталось в наших руках на этом участке, примерно в центре Сталинграда.

Впрочем, города как такового уже не существовало. Сплошные развалины, воронки. Штаб батальона занимал подвал разрушенного дома, вокруг него была сосредоточена оборона. До немцев было метров сто с небольшим, и я не представлял, зачем здесь нужно мое противотанковое ружье. Танки все равно через каменные завалы не пройдут.

Но старший лейтенант, командир батальона (70 — 80 бойцов), сказал, что ружье очень пригодится. Поинтересовался, сколько я подбил танков. Я ответил, что из ПТР ни одного. Зато гранатами и бутылками с КС сожгли со старшиной Хомченко тяжелый Т-4.

— А у нас Петр Болото впятером в одном бою пятнадцать танков из ПТР уничтожили, — сказал кто-то из полутьмы подвала.

— Бывает, — пожал я плечами.

— Герой Советского Союза. А ты, видать, сплеховал, — насмешливо, с долей веселой подначки, продолжал тот же боец или командир.

Подбить из трех-четырёх противотанковых ружей такое количество танков просто немыслимо. Бронебойщики это хорошо знают. Очередной газетный подвиг, на который должны равняться остальные. Но свои мысли я оставил при себе.

Мне показали позицию, которую занимала рота. Разделена она была не на взводы и отделения, а группы. В моей группе кроме нашего расчета состояли пять-шесть бойцов. Оружия хватало: имелся ручной пулемет, а у каждого бойца кроме автомата была в запасе винтовка. В углу ротного подвала (поменьше, чем

батальонный КП) стояли ящики с патронами, грана-
тами.

Первый, с кем я познакомился, был командир груп-
пы сержант Щусь Иван Никифорович из Камышина.
Я рассказал, что учился в Камышине на бронебойщи-
ка, и мы отметили это событие разбавленным спиртом
и хлебом с тушенкой. Глядя на ящики с боеприпасами,
я удивился, что осажденный город так хорошо снаб-
жают.

— А где он, город? — усмехнулся Щусь. — Держим-
ся на берегу за каждый дом и подвал. А насчет снабже-
ния, завезли, пока Волга чистая, а сейчас шуга пошла.
Значит, скоро река замерзнет. Будем ждать, пока ледо-
вую переправу наладят.

Мой рассказ о том, что я воевал в июле, вызвал не
то чтобы удивление, а задумчивые улыбки. Приходили
и раньше из госпиталей, кто летом на дальних подсту-
пах воевал. Никого уже не осталось...

— Как — не осталось?

Вопрос был дурацкий. Что творится на узкой по-
лосе упорно обороняющегося города, я узнал еще в
госпитале. Рассказывали, что маршевые роты идут в
Сталинград днем и ночью. Огромные потери несут при
переправе, которую кроме авиации долбят орудия с
высот правого берега. Насчет потерь я убедился сам.
Те два-три снаряда, едва не утопившие деревянную
баржу, унесли несколько десятков жизней.

На нашем участке было почти тихо. Изредка стучали
пулеметные очереди, и, шурша, падали сверху мины.
Пробить груды кирпича и бетонные балки в основании
дома они не могли. Познакомился за день со всеми
бойцами своей группы (отделения). Почти все нахо-
дились здесь не больше недели-двух. Сержант Щусь,

чем-то напоминавший старшину Хомченко, воевал в Сталинграде второй месяц.

— Вы не теряйтесь, — наставлял он новичков, — и поменьше всяких басен слушайте. Фрицы выдохлись, напролом уже не лезут. Снайперы, правда, шустрят. Так что сильно не высовывайтесь.

— Так что, бомбежек нет, что ли? — наивно спросил один из молодых.

Щусь разозлился:

— Я тебе не Господь Бог, чтобы гарантии давать! Радуйся, дурак, что в ноябре сюда прибыл, а не месяцем раньше. Вот тогда бы всего хватил. День и ночь бомбили.

Чем запомнился первый день?

После ночевки в лесу и переправы я никак не мог отогреться. Крошечный костерок в глубине сырого подвала разжигали только ночью, вскипятить чаю, подогреть консервы. Днем на любой дым фрицы обрушивали тяжелые снаряды или мины.

Среди дня в роте погиб боец. Пуля снайпера пробила каску, шапку и, пройдя навывлет, расщепила цевье винтовки, приставленной к стене. Парень был из новичков. Решил оглядеть нейтральную полосу, и сразу раздался сухой щелчок. Откуда стреляли — непонятно, потому что, прикрывая снайпера, немцы открыли огонь из нескольких точек.

— Василий, ты чего прижух? — обратился ко мне сержант Щусь. — Пальни пару раз.

Для моего расчета выделили закоулок и запасную позицию на фланге роты. Узкая амбразура была выщерблена осколками, а из угла тянуло запахом гнили. Я подумал вначале, что там лежит труп, но, ковырнув штыком, обнаружил окровавленную телогрейку, еще какое-то тряпье. На стене остались брызги крови. Судя

по гильзам, здесь были и бронебойщики, и пулеметчики.

Прицелясь в одну из вспышек, выпустил два патрона. Сразу же убрали ружье. Второй номер у меня был парнишка-удмурт со странным говорком. На меня он смотрел с уважением и кидался выполнять любое поручение. Звали его Миша, он уже потерял на войне отца и старшего брата.

Нас спасла быстрота. Амбразура была пристреляна, и в нее сразу влетела пулеметная очередь. Большинство пуль расплущились о стены подвала, а штук семь, кувыряясь, искря, рикошетили возле нас. Пара штук разрывных хлопнули мелкими вспышками. Я разозлился на Щуся. Он что, специально нас на пристрелянное место поставил? Когда старший сержант появился, я, не стесняясь, обложил его матом и высказал все, что о нем думаю:

— Отсюда уже не один труп вынесли. Ты нас что, специально под пули подставил?

Щусь оборвал меня и сказал, что за эти месяцы вокруг каждый клочок земли пристрелян. Единственное спасение — не разевать рот и сразу менять позицию. Покурили, успокоились.

Принесли в отделение ужин: пшеничную кашу с кусочками американской тушенки, селедку и хлеб, который нарезали большими кусками — бери сколько хочешь. Налили граммов по сто двадцать водки. Жевали с аппетитом, обсуждали слова Сталина, сказанные 6 ноября о том, что и на нашей улице будет праздник. Все соглашались, что скоро должно начаться наступление. Сколько можно оборонять узкую полосу берега?

— Когда Волга встанет, пополнение вовсю пойдет.

Спирт поднял настроение, развязал языки. Перебивая друг друга, делились о том, кто где жил, рас-

сказывали о девушках, которые нас ждут. Все удивлялись тому, что мой дом в каких-то двадцати километрах отсюда, а я ничего не знаю о своих с января. Зато получил подтверждение, что в Бекетовке бои не идут.

Нет, в ноябре мы еще не осиливали фрицев. С запозданием в сутки получаем по «солдатскому телеграфу» сведения о том, что севернее нас немцы прорвались к Волге.

Наши позиции с утра обстреливают из тяжелых орудий. Фрицы наверняка торопятся закрепить успех. Бьют гаубицы калибром не меньше 150 миллиметров, наши подвалы пока держатся, хотя стоит сильный грохот. С потолков, стен сыпятся отколотые куски бетона, кирпичей. Одного из наблюдателей взрывная волна отбросила от бойницы. Сломало хребет.

Получаю приказ от Щуся вести наблюдение. Миша из Ижевска жметя ко мне, но я гоню его прочь. Если накроет, то пусть хоть он останется в живых. Снаряд взрывается в куче обломков, бойницу заваливает, и я вынужден выползти наружу.

Наблюдаю за немцами из-за куска кирпичной стены. У них оживление. Пользуясь артобстрелом, ведут огонь из винтовок и автоматов. Срывают злость, что никак не могут нас опрокинуть.

Атака начинается внезапно. Крупнокалиберные орудия замолкают, бьют 75-миллиметровки и минометы. Под их прикрытием сразу несколько групп скользят между завалами. Все наступающие немцы — в масках, каски тоже покрашены в грязно-белый цвет. Они не стреляют и, видно по всему, уже постигли премудрости городского боя. Ни крика, ни шума — молчаливый бросок.

Наши не стреляют. Может, не видят? Просовываю голову в лаз и кричу Мишке:

— Фрицы идут! Передай остальным!

— Знаем, — солидно отвечает второй номер. — Подпускаем поближе.

Это «поближе» едва не оборачивается трагедией. Из двух мест сразу бьют струи огня. С огнеметами я еще не сталкивался, зрелище жуткое. Огонь с шипением выстилает горящие полосы. Но фрицы поспешили или хотели загнать наших еще глубже в подвалы, а там выжечь все дотла.

Из амбразур и укрытий одновременно огрызаются автоматы и два-три ручных пулемета. Огонь ведется плотный, но из развалин дома в нашу сторону тоже бьют немецкие пулеметы, и в том числе один крупнокалиберный. Мишка появляется рядом со мной. Амбразура завалена, и стрелять ему неоткуда.

Мы выпускаем все шесть дисков ППШ в течение десяти минут. Слишком напористо лезут фрицы. Остается винтовка и гранаты. Но расстояние для гранат великовато. Я стреляю из винтовки, а Мишка, пыхтя, набивает диски. В нервной обстановке боя взвести тугую пружину и вставлять патроны в диск — долгое дело.

— Мишка, иди, принеси себе винтовку.

Он послушно кивает и вскоре возвращается с винтовкой и сумкой патронов. Но атака замирает на полпути, я отчетливо вижу несколько трупов в касках, остальные прячутся. Нашу точку засекают со второго этажа разрушенного здания и обстреливают длинными очередями. Кирпич крошится, разлетается кусками. Мы ложимся у основания стены.

— Миша, живой?

— Живой... ох и колотят!

Напарник подтягивает автомат, открытый диск забит кирпичной крошкой, пружину наверняка заклинит. От попаданий десятков пуль висит облако ржаво-красной пыли.

— Прикрой тряпкой диски и автоматы. Мы их сейчас не сумеем зарядить. Будем обороняться винтовками.

Под прикрытием пулеметных очередей и пока мы возились с автоматами, немцы продвигаются ближе. Знакомое шипение заставляет нас бестолково шарануться глубже в развалины. Огнеметная струя почти достает клубящимся языком пламени наши позиции. Я не знаю технических данных немецких ранцевых огнеметов, наверное, метров 50 — 70. Еще один рывок — и нас зажарят живьем. Я вижу огнеметчика и рядом с ним еще несколько фрицев в маскхалатах. Они делают перебежки и исчезают за вывороченной бетонной плитой.

Гранаты лежат в сумке противогаза. Все подряд: старые РГД-33, легкие РГ, недавно поступившие на вооружение. И те и другие слабоватые. Нашариваю две «лимонки». Бросаю их, затем начинаю швырять все остальные гранаты. Большинство взрывается у плиты, но легкие РГ-42 достигают цели.

Я ожидаю вспышки взорвавшегося огнемета, но вместо этого едва успеваю увернуться от пулеметной очереди. Мишка ворочается рядом, зажимая ладонью скулу. Пуля вырвала клочок кожи и оглушила напарника.

Огнемет все же загорается, а двое оставшихся в живых из штурмовой группы бегут к своим. По ним беспорядочно бьют из автоматов, но оба немца исчезают среди кирпичных завалов. В любом случае атака отбита. Появляется сержант Щусь и передает команду ротного лейтенанта немедленно открыть огонь из ПТР по пулеметным точкам.

— И вообще, чего вы тут забились в нору?

— Пошел к ...! — коротко посылаю сержанта и разворачиваю тряпки, собираясь набивать диски патронами. Из-за плиты, усиливаясь, растекается пламя, пахнет паленым мясом. Наверное, горит огнеметчик.

— Ловко вы его! — примирительно говорит Щусь. — Одного мы пристрелили, а этот настырный оказался.

— Ваня, какой, к черту, ПТР? До пулеметов сто метров. Нас сразу засекут. Минометы нужны.

— Приказ лейтенанта...

— Долбаки вы оба вместе с лейтенантом!

Моя ругань ничего не решает. Вытаскиваем наше ружье и, не высовывая головы, выпускаем штук десять пуль. С пулеметами нам не тягаться, они отвечают сплошным веером пуль. Если бы мы высунулись, давно лежали бы с продырявленными головами.

Постепенно огонь стихает. Собираемся в подвале, где уже разобрали амбразуру и при тусклом свете перевязывают раненых. Вначале бойца с пробитым плечом, затем Мишку из Ижевска. Повязка у Мишки получается клоунская, на пол-лица, впрочем, кровь уже подсыхает, и через часок ее можно снять.

Ротный вначале ругает нас за то, что бросили ПТР, потом хвалит за уничтоженного огнеметчика. Обещает представить к медалям, а пока приказывает налить всем по сто пятьдесят граммов водки (разбавленного спирта) и раздать сухой паек: сухари, тушенку и сахар. С набитыми ртами обсуждаем, что будет впереди.

— Потери большие? — спрашиваю я.

— Пять человек снарядами завалило и троих их пулеметов побили, — отвечает Щусь. — Тебе же говорили, надо пулеметы гасить.

— Что они, спички? Гасить... Ружья для другой цели предназначены.

На этом спор иссяк. А через час немцы мстят нам за отбитую атаку и трупы арийцев среди камней. Тройка «Юнкерсов-87» полого пикирует и сбрасывает три тяжелых бомбы весом по тонне, а может, по полторы. Наш подвал встряхнуло так, что подбросило и людей, и оружие, разбило вдребезги самодельный стол из ящичков. Всех оглушило, как пескарей веслом, но оказалось, что это мелочь.

Бомба насквозь пробила метров пять каменных обломков, бетонные плиты и взорвалась в штабе батальона. Погибли комбат, комиссар и еще несколько человек.

Раскапывать осевшую груду измельченного кирпича, земли, лопнувших балок не имело смысла. Написали донесение о гибели комбата, комиссара, приложили к списку потерь личного состава. Командиром батальона назначили младшего лейтенанта, который месяц назад командовал взводом.

Я отвоевал на полоске правого берега восемь или девять дней и был ранен за сутки до начала наступления наших войск под Сталинградом. За это время дважды получали пополнение, погибли многие ребята из батальона, в том числе младший лейтенант-комбат, старший сержант Щусь. Мишу, моего напарника, ранило пулеметной очередью.

Сам я угодил под разрыв снаряда. Перебило правую руку, сломало пальцы, с головы сорвало шапку вместе с куском кожи и волос. Перевязать как следует не сумели, и я потерял много крови. Снова перевязывали в санчасти под обрывом, где сотни таких как я ожидали своей очереди на переправу.

Откос Волги защищал прибрежную полосу только от снарядов. Мины продолжали сыпаться. Я лежал на спине. После очередного взрыва, разметавшего нескольких раненых, вдруг пожалел, что не написал письмо домой. Впрочем, теперь это было не важно. Если что — сообщат. Очень сильно болела рука. Налили спирта, а потом сделали укол морфия.

Вечером, уже в темноте, очередную группу раненых переправили через Волгу. Было слышно, как шуршали о борт льдины, однако река, несмотря на морозы, пока не встала. Немцы по-прежнему продолжали обстрел, но колесный пароходик, загруженный по ватерлинию, благополучно достиг левого берега.

Потом началось мое путешествие по госпиталям. Вначале лежал в Ленинске, но рука заживала плохо. Осколок перебил кость сантиметрах в пятнадцати ниже плечевого сустава, трещины шли до плеча, вызывая воспаление. Будь рана немного пониже, мне бы ампутировали правую руку, но хирурги не решились трогать плечевой сустав, снова резали, чистили рану.

Из Ленинска перевезли в Ахтубинск. Затем, когда начался остеомиелит, меня отправили в крупный фронтальной госпиталь в Астрахань, где работали опытные специалисты из Москвы, Киева. Руку спасли, в гипсе я пролежал два с половиной месяца. Когда его сняли, на руку было страшно смотреть: ссохшаяся, с пятнами отмирающей кожи, даже пальцы не шевелились.

Начали делать лечебную физкультуру, рука постепенно входила в норму, а перед праздником 23 февраля я наконец получил письмо из дома. Но оно оказалось нерадостным. В апреле сорок второго года под Ржевом погиб отец. Узнал я об этом лишь спустя десять месяцев.

Остальные в семье были живы и радовались за меня, надеясь, что после госпиталя отпустят на побывку домой, а может, комиссуют. Мама просила написать письмо родителям Вити Манохина, которые не верили похоронке (случалась иногда путаница), и сообщить, как все на самом деле было. Я не мог держать в пальцах карандаш, и под мою диктовку подробное письмо о гибели друга написал сосед по палате. Он же отправил письмо и моим родителям, где всячески расхваливал меня.

Из госпиталя я выписался в мае. Полгода находился в Астрахани, служил в комендантской роте. Здесь получил медаль «За оборону Сталинграда» и «За отвагу». К «Отваге» меня представил Степан Хомченко, который тогда, в июле, исполнял обязанности командира роты.

Позже меня признали годным к несению строевой службы, но рука двигалась плохо. Какое-то время был помкомвзвода в броневой роте, воевал под Севастополем, где снова был ранен в ту же правую руку. После очередной выписки из госпиталя ожидал, что дадут отпуск, но вместо этого с месяц пробыл в запасном полку, а затем ушел на передовую, где меня назначили старшиной роты.

Прошел Румынию, снова был ранен, получил осколок в ногу (рана оказалась так себе). Не желая покидать роту, где уже привык к ребятам, лечился в санчасти и дошел до Венгрии.

Демобилизовался в сорок шестом году как ограниченно годный к военной службе. Сам себе не верил, когда шел по своей улице. Наш дом уцелел и казался каким-то маленьким и приземистым. А может, я вырос? Встретила меня бабушка, остальные были на работе. Собрались вечером, а ребят-одноклассников и

друзжков-соседей никого нет. Почти все погибли, кое-кто дослуживал в армии.

Вечером я сидел за столом в окружении матери, сестер, нескольких соседей по улице. Мама плакала. Все не верила, что я вернулся. О своей послевоенной судьбе скажу коротко. Женился, прожили с женой Марией Викторовной сорок шесть лет. Вырастили двоих сыновей и дочь. Когда умерла жена, я уехал от тоски к старшему сыну в деревню.

Прожил там лет восемь. Работник из меня был никакой, инвалид. Рука почти не гнулась, сноха была недовольна, требовала, чтобы я ей отдавал всю пенсию. Я к таким вещам не привык, но разлад в семью сына вносить не стал, да и тянуло на родину. Вернулся в Бекетовку, где живут обе дочери, четверо внуков.

Как участник войны получил хорошую квартиру, но отдал ее дочери. Привык к своему старому дому. Живы еще несколько моих приятелей, тоже прошедших войну. На 9 Мая собираемся, отмечаем День Победы. Война в памяти навсегда осталась.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Командир танкового взвода	6
Лейтенант медицинской службы	38
Полковник Туров — на фронте с сорок первого по сорок пятый.	63
От Сталинграда до Парада Победы	97
Я был зенитчиком и дважды горел в танке	133
Часть особого назначения	168
Бронебойщик.	199

Литературно-художественное издание
ВОЙНА И МЫ

Першанин Владимир Николаевич

**СТАЛИНГРАДСКАЯ СТРАДА
«Ни шагу назад!»**

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *И. Петровский*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва,
ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 26.10.2010.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Прагматика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж 5000 экз. Заказ 7501
Отпечатано в ООО «Северо-Западный печатный двор»
188300 г. Гатчина ул. Железнодорожная 45, л. Б

ISBN 978-5-699-45743-4

9 785699 457434 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Начиная с героической обороны Севастополя 1854–1855 гг., самые затяжные и кровопролитные сражения в народе называют **страдой** (от слова «страдание»). В новой книге от автора бестселлеров «Смертное поле» и «Штрафники, разведчики, пехота» **СТАЛИНГРАДСКАЯ СТРАДА** предстает во всем ее ужасе и величии. Это – неподцензурная «окопная правда» фронтовиков, прошедших через кровавый ад переломного сражения Великой Отечественной – от дальних подступов к Сталинграду до Волжского откоса. Танкисты, много раз горевшие в подбитых «тридцатьчетверках», и бронейщики, ценой собственной жизни выбивавшие немецкие танки, пехотинцы, десантники, саперы, медсестры – они до конца выполнили солдатский долг и беспощадные приказы **«НИ ШАГУ НАЗАД!»** и «За Волгой для нас земли нет!».

«Я видел снаряд, который поджег наш танк. Раскаленная болванка пробила башню, кувыркнулась перед глазами и, отрикошетив от брони, свалилась на поддон. Задымилась и вспыхнула солярка. Я тщетно бился о верхний люк, заклинивший от удара...»

«Тяжелый Т-4 прорвался в траншею. Мы бросили в него бутылки с горючей смесью. Они не долетели. Под прикрытием дыма подползли поближе. Если «панцер» не уничтожить, он наделает беды...»

«Таких ожесточенных боев, как на северных подступах к Сталинграду, мне больше видеть не приходилось. С рассвета и до вечера – бомбежки, артобстрел, танковые атаки. Жара, дым, грохот. Повсюду застыли сгоревшие немецкие танки. Не дали мы фрицам ворваться с ходу в Сталинград...»

